

Городские исследования и практики

ТОМ 9, № 2, 2024

Гибриды в городе

Urban Studies and Practices

Volume 9, issue 2, 2024

Hybrids and the City

Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 250 экз. Заказ №
Отпечатано в филиале «Чеховский
печатный Двор» ОАО «Первая образцовая
типография», 142300, Московская обл.,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Главный редактор

В. В. Анашвили (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

В. Н. Данилов (МГУ имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Р. А. Дохов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара)

Ответственный секретарь

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАРХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (Русское географическое общество, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)
Е. С. Фидря (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке Stan Wiechers

Содержание

- 6 **Марат Невлютов**
Несимметричный гибрид: почему в городе сложно встретить природу?
- 15 **Максимилиан Неаполитанский**
Ученый как городской житель: кто приносит природу в наши квартиры?
- 23 **Илья Смирнов**
Непослушное животное в социо-био-технической среде:
между STS и animal studies
- 33 **Марк Мефёд**
Нечеловеческие животные в городских пространствах
- 44 **Николь Щукин**
Прекарные встречи
- 59 **Анастасия Волынова**
От течения к насыщенности: что произошло с содержимым стакана
Эрика Свингедоу за последние 28 лет?
- 68 **Дилип Да Кунья**
Речная грамотность

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Urban Studies and Practices

VOLUME 9, ISSUE 2, 2024

Hybrids and the City

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

Address: National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (HSE University, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)
Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Editorial Board

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)
Ruslan Dokhov (HSE University, Russian Federation)
Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)
Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)
Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)
Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)
Eugene Asse (March, Russian Federation)
Andrei Belykh (RANEPa, Russian Federation)
Peter Bishop (UCL, UK)
Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)
Jan Brueckner (University of California, USA)
Yefim Fidrya (HSE University, Russian Federation)
Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)
Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)
Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)
Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)
Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)
Mark Levin (HSE University, Russian Federation)
Setha Low (University of California Berkley, USA)
Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)
Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)
Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)
Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)
Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)
Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)
Paul Timms (University of Leeds, UK)
Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)
Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo Stan Wiechers

© HSE University, 2024

Table of Contents

- 6 **Marat Nevlyutov**
An Asymmetrical Hybrid: Why is it Difficult to Encounter Nature in the City?
- 15 **Maximilian Neapolitanskiy**
Urban Scientist: Who Brings Nature into Our Home?
- 23 **Ilya Smirnov**
The Disobedient Animal in the Socio-Bio-Technical Environment:
Between STS and Animal Studies
- 33 **Mark Mefed**
Nonhuman Animals in Urban Spaces
- 44 **Nicole Shukin**
Precarious Encounters
- 59 **Anastasia Volynova**
From Flow to Saturation: What Happened to Erik Swyngedouw's Glass
of Water over the Last 28 Years?
- 68 **Dilip Da Cunha**
River Literacy

Несимметричный гибрид: почему в городе сложно встретить природу?

Марат Невлютов

Введение

Этот номер «Городских исследований и практик» посвящен гибридам в городской теории. Широкое распространение этого концепта и частое использование в разных дисциплинах и разными теоретиками стирают его потенциальную объяснительную и трансформирующую силу. Гибрид становится простой данностью, его позиции и устройство не подвергаются сомнению и расшифровке. Однако его применение в городской теории требует внимательного рассмотрения и настройки. Изначальный смысл гибрида заключался в смешении материального и символического с целью артикуляции города как «киборга» [Haraway, 1991; Gandy, 2005; Vidler, 1992] или «гибрида» [Luke, 1996; Castree 2005; Swyngedouw, 1996; Латур, 2006], в котором общество и природа образуют гетерогенное, конфликтное и «вызывающее беспокойство целое» [Swyngedouw, 1996]. Одновременно с этим общим определением при помощи гибрида описываются и другие, но имеющие тот же характер смешения – например, органического и неорганического, телесного и механического, человеческого и животного.

Кажется, что особые качества гибрида, этого «вызывающего беспокойство целого», обусловлены тем, что оно производится при помощи восстановления в правах и проявления «угнетенных» элементов, которые ранее были скрыты, исключены, колонизированы. В городской теории такими элементами оказываются плохо репрезентированные в городе технологии, животные, бактерии, материалы, мигранты, женщины, коренные народы и другое [Agregt, 1996]. Во многих случаях они будут собраны под зонтичным понятием природы. Раннее исключение этих элементов свидетельствует об их особых качествах текучести, неопределенности, лиминальности, нестабильности, опасности, которые сложно примирить с ясностью, определенностью, контролируемостью и, следовательно, сложно включить в городское. Их соединение проблематично – гибридизация не проходит бесследно ни для одной из сторон.

Невлютов Марат Раилевич, журналист; преподаватель, Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация, 105120, г. Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, 10, стр. 2; старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Российская Федерация, 119331, г. Москва, пр-т Вернадского, 29; главный редактор, онлайн-журнал ПИЛА. E-mail: mnevlyutov@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые характеристики гибридов в городской теории. Гибрид описывает парадоксальные смешения гетерогенных существ, в результате которых образуется постоянно конфликтное, грозящее быть разрушенным целое. Противопоставленная городу природа выступает в качестве такого дестабилизирующего элемента. Включение природы в город продолжает происходить с использованием разнообразных техник контроля и объективного знания. Такая «урбанизация природы» нарушает необходимое гибриду равновесие, превращая его в несимметричную сеть «угнетения» природы. Статья рассматривает такие примеры ускользания природы, как зоонозные заболевания и природные катастрофы, которые описываются как не имеющая завершения борьба города и природы. Возможность включения этих феноменов в город связана с артикуляцией социального и политического природы, но также с принятием риска «встречи» в городе с опасным, изменчивым и непредсказуемым. Статья предлагает контуры некоторых техник и знаний, которые устанавливают симметричность гибрида и открывают возможность для непредсказуемых встреч.

Ключевые слова: гибрид; урбанизация природы; зоонозные заболевания; природные катастрофы; непредсказуемые встречи; ситуативное знание

Цитирование: Невлютов М. Р. (2024) Несимметричный гибрид: почему в городе сложно встретить природу? // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9220246-14>

Вдохновленный представленными в этом выпуске исследованиями и вместе с их авторами я попробую в данном тексте посмотреть на гибрид в перспективе городских исследований и выделить некоторые его определяющие качества, без которых гибрид перестает быть таковым. В чем же я вижу главную сложность применения подобного рода смешивания и гибридизации в городской теории? Концепция гибрида, как она представлена в современных социальных, философских и антропологических теориях, подразумевает «грязное» [Латур, 2006] смешение или образование гетерогенного целого, то есть соединение сохраняет существенное различие элементов. В таком случае между городским и природным неизбежно возникает конфликт, который должен быть разрешен через установление равенства. Однако, как мы покажем далее, возникающие противоречия в городе чаще разрешаются в пользу одной из сторон, гибрид города и природы оказывается несимметричным.

Отдавая себе отчет в проблематичности самого понятия природы [Латур, 2018; Morton, 2007] и критике порождающей его дуальности, плохо совместимой с концепцией гибрида, я тем не менее хотел бы на первых порах использовать его в эпистемологических целях [Castree, 2005], чтобы в процессе смешения с городским не растерять природное. Осмысление города и природы как гетерогенного целого привело к созданию очень важных текстов об их взаимном влиянии и общей истории [Cronon, 1991]. Как отмечают исследователи, в XX веке принято было выделять три возможных типа отношений природы с городом: ресурсные, безвредные и опасные [Peeling, 2001]. Первый и второй тип во многом аналогичны и могут быть описаны как «урбанизация природы» [Swyngedouw, Kaika, 2014]: вода наполняет мой стакан и течет по трубам, деревья очищают и насыщают городской воздух кислородом. В третьем же случае природа угрожает городу и вытесняется за его пределы: дикие животные и растения объявляются вредителями или помещаются в клетки, болезни и микробы безжалостно уничтожаются.

Обозначенные отношения городского с природным опосредованы стратегиями управления через подчинение или исключение, а значит, подразумевают специально разработанные для этого техники и знания. Изменчивая, нестабильная и текучая природа фиксируется и контролируется при помощи специфических способов производства научного знания, строительства инфраструктур, картографирования ландшафтов, утверждения градостроительных норм и многого другого [Da Cunha, 2018]. Если же природа не подчиняется, а угроза ее внезапного вторжения напоминает о себе, то презумпция безопасности в городе запускает механизм конструирования природы как врага и его немедленного уничтожения. Представление города и природы как гибрида ставит перед городской теорией необходимость выработки такой стратегии соотнесения, в ко-

торой есть место для риска, опасности, неопределенности, таких техник и знаний, которые бы осуществили симметричное смешение города и природы.

Контроль над природой

В конце XIX – начале XX века, в фордистский период урбанизации, природа осмысляется как отдельная, но необходимая часть города – заявляется необходимость контроля экологических процессов [Keil, Graham, 1998]. Ряд ключевых фигур городского управления и природоохранной политики, такие как Эбенизер Говард, Фредерик Олмстед, Патрик Геддес, Джон Мьюир и многие другие, описывают природу как ценный компонент городов и цивилизации. Их идеи и подходы легли в основание многих последующих стратегий соотнесения с природой через включение в городское. Такое действие подчинения природы городу, которое географы Эрик Свингедоу и Мария Кайка называют «урбанизацией природы», подразумевает «социальную мобилизацию природы, превращение любых ее проявлений в товар и трансформацию с целью поддержания процесса всеобщей и окончательной урбанизации планеты» [Swyngedouw, Kaika, 2014].

Во второй половине XX века происходит трансформация отношения к природе, что находит свое выражение в «экомодернизации города» [Hajer, 1995]. Важной фигурой этого процесса был ландшафтный архитектор Ян Макхарг, который в своем методе экологического или «проектирования вместе с природой» стремился более расширенно интерпретировать природу в качестве влиятельного и независимого актора [McHarg, 1967]. Урбанизация понимается им как адаптация к конкретным экологическим условиям, которые существуют до человеческого вторжения и могут быть зафиксированы при помощи различных метрик. Однако он понимает природу как пассивную материю, которую необходимо анализировать, картографировать, инвентаризировать, то есть придать форму и определить границы. Возможность смешения, то есть общего для природы и человека экологического проектирования, возникает у него благодаря артикуляции общего основания – здоровья. Для поддержания здоровья системы человек–природа необходимы знания об экологических условиях и техники адаптации к ним архитектурного или ландшафтного проекта.

Это указание на зависимость городов от экологических условий и важности «планетарного здоровья» как общей для всех ценности неразрывно связано с артикуляцией экологических проблем [Prescott, Logan, 2019]. Возникновение экологического движения и зеленой политики оказывается возможным благодаря тесному связыванию между собой городских вопросов и отдаленной, труднодоступной, невидимой природы. Главной причиной экологических проблем будет названа человеческая

деятельность, а вина, перемешанная с технологическим оптимизмом, потребует немедленного ответа за совершенные действия. Элизабет Колберт описывает различные проекты ученых, политиков и инженеров по управлению природой, которые призваны исправить ошибки в более ранних проектах по управлению природой. Так, она рассказывает, как азиатский карп, выпущенный в один из притоков Миссисипи и призванный очищать реку от лишних водяных растений, размножился и из инструмента управления водными ресурсами превратился в опасного инвазивного врага, уничтожающего местную экосистему. Вывод, который делает автор из целого ряда подобных историй, неутешителен: «у проблемы, возникшей из-за чрезмерного управления природой, есть только одно решение – еще больше усилий по ее управлению» [Колберт, 2023].

Обеспокоенность состоянием природы и попытки решить экологические проблемы приводят к необходимости усиливать контроль и расширять сети управления все дальше, за пределы городского. Современные теоретические линии экологического проектирования говорят о возможности решения экологических проблем через ускорение технологизации, включения природы в планетарные сети инфраструктур, создание глобальной системы координации городских и природных процессов. Их потенциальный успех строится на «коммуникации без опасной близости» [Fischer, 1995] с природой при помощи технологий и других инструментов урбанизации планеты. Бенджамин Браттон, например, настаивает на искусственном решении проблем и техническом управлении природой и климатом через систему сенсоров и обратной связи: «Меры, направленные против антропогенных изменений климата, должны быть в равной степени антропогенными» [Браттон, 2020]. Природа в такой системе перестает быть формой «внешнего альтернативного мира» [Tzaninis et al., 2021], превращается в один из элементов городской инфраструктуры.

Описанные подходы действительно способны снять противостояние города и природы при помощи артикуляций сети, в которой сплетаются в единое целое различные элементы. Во многом нестабильные, неопределенные, опасные качества природы редуцируются к экологическим условиям, которые необходимо включить в проектирование городских процессов через инструменты анализа и контроля. Критическая линия городской политической экологии пытается разработать иную стратегию, с большим вниманием к функционированию скрытых властных отношений [Castree, 2002]. Эрик Свингедоу говорит, что при осмыслении гибрида города и природы необходимо задаваться вопросом «Почему “вещи как таковые” производятся таким образом, как они производятся и к чьей потенциальной выгоде?» [Swyngedouw, 1996]. Понимание природы только как ресурсного и безвредного элемента гибрида делает отношения с городом несимметричными, исключает возможность политической

агентности природы. Интересными для дальнейшей работы будут ситуации, когда природа оказывается для города неудобным соседом, когда проявляются ее опасные и непредсказуемые свойства.

Непредсказуемые встречи

Иногда природа сопротивляется включению ее в городское, не соглашается на бесконфликтную гибридизацию. В этих случаях ей атрибутируются качества опасности, неконтролируемости, дикости. Уильям Кронон критикует романтическую концепцию «дикой природы», которая поддерживает дуализм, ставит природу и человека на противоположные полюса. Однако он также настаивает, что автономия нечеловеческой природы является важным качеством и «средством для исправления человеческого высокомерия». Он предлагает обратиться к «дикости» как таковой, которую можно обнаружить не где-то на периферии нашего внимания и обитания, но прямо в непосредственной близости, в наших телах и городах: «Дикость (в противоположность дикой природе) можно найти где угодно: на кажущихся безлюдными полях и лесных массивах Массачусетса, в трещинах тротуаров Манхэттена, даже в клетках наших собственных тел» [Cronon, 1995]. Так он смешивает городское и природное, но при этом сохраняет их различие – дикость возникает как чистая инаковость, которая не может быть присвоена, узнана человеком и всегда остается «чуждом».

В поисках дикости в непосредственной близости и в клетках наших тел мы неизбежно должны обратиться к патогенным бактериям и вирусам и тому, как они изменили города. Мэтью Ганди использует концепцию «бактериологического города», чтобы указать на связь административных, технических и политических аспектов городской реформы XIX века с неизменным присутствием в городе дико-го и опасного соседа [Gandy, 2006]. Более того, процессы урбанизации и колонизации часто усиливали распространение опасных инфекций, становились причинами различных эпидемий. Несмотря на обозначение связи города и природы, знания и техники «бактериологического города» конструируют ясный образ врага, стремятся стабилизировать этот объект и отношения с ним через лабораторное изучение его свойств и изобретение методов борьбы. Развитие эмпирических наук, начиная с картографирования вспышки холеры врачом Джоном Сноу до разработки комплексной системы здравоохранения, конечно, при неизменной поддержке городской инфраструктуры, внушили надежду на окончательную победу над этой разновидностью опасной природы и вытеснение ее из города. Однако эти договорные отношения оказались менее устойчивыми, чем представлялись ученым и городским планировщикам совсем недавно.

Элементы «бактериологического города», состоящего из патогенов, воды, людей, карт, колонок,

больниц, предписаний врачей и публикаций ученых, начали неожиданно изменяться в процессе становления и взаимных попыток определения и фиксации. Самые непредсказуемые трансформации происходили с главным виновником собрания – объектом под названием «патоген». Он разваливался на глазах, он эволюционировал, странно себя вел, обнаруживал свои новые свойства. Ко всему прочему города и люди в них ускоряли темпы этих изменений: как выяснилось, человеческий организм был неплохим «инкубатором» для производства новых штаммов вирусов. Ряд событий конца XX века, среди которых распространение азиатской холеры в 1991 году, появление чумы в 1994-м, вспышка лихорадки Эбола в 1995-м и вспышка птичьего гриппа H5N1 в 1997-м, показали, что угроза эпидемий не исчезла, а глобализация превратила мир в «котел» для ускоренной коэволюции зоонозных, то есть полученных от животных, вирусов. Ганди говорит о том, что модель «бактериологического города» более не подходит для описания отношений между городом и реактуализированными зоонозными заболеваниями и предлагает использовать модель «зоонозного города» [Gandy, 2023].

«Зоонозный город» стремится проследить сложные отношения между зоонозными заболеваниями и множеством изменчивых и непредсказуемых факторов. И если вспышки холеры и чумы в прошлом веке связывались в основном с плохо функционирующей инфраструктурой и проблемами в управлении города, то для объяснения распространения вируса Эбола и разработки стратегий борьбы с ним нужно присмотреться к «негородским» факторам: вырубке лесов, потреблению мяса диких животных и нарушению ареала естественных переносчиков вируса – летучих мышей [Wolfe et al., 2005]. Одновременно с этими факторами распространению Эбола способствовали миграция из сельской местности бедного населения, строительство новых дорог, улучшающих связь с более отдаленными районами, где имеются естественные резервуары этой болезни [Munster et al., 2018]. Брюс Браун справедливо отмечает, что последствия распространения зоонозов обнаруживают безграничный, изменчивый характер человеческих тел, вирусов, инфраструктур и предлагает осмыслить город как арену биополитической борьбы, где все «эти сложные образования между городом и природой растянуты во времени и пространстве» [Braun, 2008].

Отдельной сложностью для понимания отношений между городом и природой будет изменчивая экология переносчиков болезней. Для нынешних и будущих зоонозных заболеваний главными переносчиками признаны летучие мыши, поскольку они являются носителями огромного количества вирусов, многие из которых остаются неизвестными науке, способны перемещаться между видами и в конечном итоге заражать людей. Понимание того, что существует так называемая «зона межвидовых столкновений» [Gandy, 2023], в которой воз-

можно возникновение новых, еще не существующих болезней, вызывает параноидальную тревогу и настойчивое желание усилить контроль еще не существующего явления. Сами летучие мыши могут быть описаны как «лиминальные животные» – их собственное влияние на человека незначительно и не представляет опасности, но они могут быть переносчиками смертельных патогенов. Даже потенциальной угрозы достаточно, чтобы определить их как опасность для города и здоровья его жителей и контролировать, не позволяя перемещаться и покидать места обитания, то есть лишить их изменчивости и в конечном итоге агентности [Shingne, Reese, 2022].

Образование гибрида города и природы в таком случае подразумевает необходимость примирения с риском присутствия опасных и изменчивых соседей, которые будут каждый раз подрывать любые попытки стабилизировать и спрогнозировать наше совместное существование. Донна Харауэй предлагает идею Терраполиса как города, в котором происходит переплетение с болезнью, эпидемией, гумусом: «Терраполис – уравнение гуманов, гумуса, почвы, уравнение продолжающейся опасной инфекции, эпидемии, многообещающей смуты, пермакультуры» [Харауэй, 2020]. Принятие риска в Терраполисе становится возможным благодаря радикальной критике любых форм индивидуализма и аутопоэзисных систем, в которых действуют автономные, управляемые и предсказуемые единицы. Харауэй говорит, что мы соконституируемся вместе с другими существами в интра- и интеракциях, являемся следствием «танца встреч» [Haraway, 2008]. Терраполис представляет собой не собрание индивидов, но переплетения и встречи, где объекты не имеют пространственных и темпоральных границ, постоянно эволюционируют и способны на непредсказуемые изменения.

Однако изменчивость и неопределенность отношений, указываемая многими исследователями как необходимость, не обязательно приводит к возникновению гибрида. Скотт Маккуайр предостерегает нас, что современный неолиберальный город действительно не имеет четких границ, объектов и отношений, но при этом он производит четкую дифференциацию индивидов, безразличных друг к другу. Несмотря на кажущуюся инклюзивность, разнообразие и открытость, такой город более ориентирован на изолированные формы технологического контроля и нивелирование непредсказуемых изменений. Автор приходит к заключению, что «необходим отход от кибернетической логики инструментального господства над городом в пользу пространств и площадок для незапланированных, случайных и непредсказуемых социальных раскладов и внедрений в городское пространство» [Маккуайр, 2014]. Ключевыми для создания гибрида являются понятия риска и опасности, которые и дают способность для симметричного взаимодействия с другими.

Природные катастрофы

Землетрясения, наводнения и извержения вулканов и другие природные катастрофы являются примерами рискованных и опасных встреч с природой. Соседская недоброжелательность катастроф мешает включить их в городское и концептуализировать как нейтральный или полезный элемент сети. Как было принято считать на протяжении почти всего XX века, природные катастрофы приходят из далекого космоса, из глубоких недр, из бесконечного ниоткуда, «это элементы физической среды, которые вредны для человека и вызваны внешними по отношению к нему силами» [Smith, 1992]. Однако современное понимание, что деятельность человека приводит к глобальному изменению климата, затрудняет утверждение, что любая гидрологическая или метеорологическая опасность, воздействующая на город, имеет исключительно природное происхождение, хотя это в гораздо меньшей степени справедливо в отношении землетрясений или извержений вулканов. И тем не менее, учитывая гибридность города и природы, катастрофы следовало бы определять как «взаимодействие человека с окружающей средой, которое может привести к катастрофе» [Mitchell, 2001].

Рост городов и процессы урбанизации сильно связаны с попытками снижения экологических рисков – города стремятся исключить опасную природу и обезопасить горожан. Сельская местность, бедные, технические и экономически «неразвитые» районы сильнее сцеплены с природными изменениями и поэтому больше подвергаются риску внезапного вторжения. Но, как показывает история катастроф, этот тезис не всегда справедлив. Одна из самых драматичных катастроф XX века – Таншаньское землетрясение в Китае в 1976 году, которое унесло от 250 000 до 800 000 человеческих жизней. Большая доля погибших пришла на городские районы, которые принято считать более защищенными от внешних угроз и гарантирующими безопасность населению. В сельской местности землетрясение оказалось гораздо менее катастрофичным или не было замечено как событие вовсе [Pelling, 2003]. Помимо демонстрации того, что города также подвержены влиянию природы, этот пример проблематизирует само определение катастрофического события – катастрофой обозначается не любое вторжение природы, а такое, к которому не получилось адаптироваться, которое нанесло значительный ущерб.

Катастрофы также принято осмыслять как экстраординарные события, имеющие качества внезапности, непредсказуемости, неуправляемости. Но так они определяются, если разработанные знания и техники не смогли оперативно отреагировать, природу не удалось урбанизовать, она вышла из-под контроля. В работах и статьях, посвященных катастрофическим событиям в городах, как правило, не уделяется много внимания повседневному, или

так называемым «хроническим», опасностям, не приносящим значительный материальный урон и растянутым во времени [Satterthwaite, 1998]. Такое пренебрежение связано с прогнозируемостью, повторяемостью, длительностью, невидимостью этих процессов – их легче изучать, картографировать, анализировать и впоследствии предложить ряд действий по адаптации, снижению их негативного воздействия или вовсе проигнорировать. Повышение уровня океана можно нивелировать при помощи строительства гидротехнических сооружений или перемещения населения тонущего острова на новое место, распространение опасного патогена можно замедлить при помощи организации санитарных мер, вакцинации и строительства просторных и светлых больниц. Эти действия являются попыткой снизить текучесть, неожиданность и неопределенность явлений. Если же мы намереемся сохранить агентность природы, то следовало бы говорить о катастрофах как опасностях, нуждающихся в других техниках адаптации.

Понимание опасных явлений как исключительно природных (физикалистская интерпретация) приводит к тому, что рекомендации по адаптации касаются в основном инженерных разработок и контроля над физической средой: собираются и анализируются данные мониторинга, разрабатываются системы раннего предупреждения, строятся различные инфраструктурные объекты [Pelling, 2003]. Подобные техники и знания, ориентированные на фиксацию текучести природы, размещаются за пределами социального и политического измерения и противоречат концепции гибридации. Возможность симметричного смешения города и опасностей возможно, только если переопределить природные катастрофы как длительные социоприродные явления, чего, однако, по каким-то причинам не происходит. Марк Пеллинг замечает, что подобное понимание опасностей «слишком хорошо вписывается в многомиллиардную индустрию ликвидации последствий стихийных бедствий, которая основана на инженерных системах по смягчению физических причин и последствий стихийных бедствий» [Pelling, 2001].

Что же можно предложить в качестве альтернативы описанным техникам и знаниям? Как можно жить в постоянном страхе природной катастрофы, устоять от попыток инструментализации и урбанизации природы? Кристоф Маух показывает, как некоторые знания и стратегии индигенных народов оказываются более адаптивными и позволяют лучше управлять поселениями, в то время как колониализм и привезенные технологии в Африке, Азии и Южной Америке часто уничтожали традиционные знания коренных народов, а утрата локального опыта почти неизменно приводила к повышению уязвимости [Mauch, 2009]. Но речь не просто о романтизации традиционного отношения к природе, которое, безусловно, заслуживает внимательного рассмотрения. Локализованные и размещенные в конкретной ситуации знания и техники во многих случаях показы-

вают лучшую способность динамического настраивания города и природы. Так, Ричард Норгаард критикует централизованные, технологизированные и бюрократизированные структуры и говорит о более гибких организационных институтах, которые способны меняться и подстраиваться под новую ситуацию, адаптироваться к локальным экологиям и строиться на ответственности местных сообществ [Norgaard, 1994].

Донна Харауэй предлагает обратиться к ситуативному знанию, которое она противопоставляет знанию объективному и релятивизму – взглядам из ниоткуда. Ситуативное знание не стремится монополизировать истину, оно способно к изменениям и создается в конкретной ситуации – «ничто не связано со всем; все связано с чем-то конкретным» [Харауэй, 2020]. Но самое главное, оно указывает на объект познания как на «активную и смыслопорождающую часть аппарата телесного производства», который участвует в совместном производстве знания. Важно сказать, что это не полное смешение с объектом познания, а частичное соединение, которое «оставляет возможность учиться тому, как видят другие» [Харауэй, 2022]. Харауэй настаивает, что для такого знания позиция «угнетенных» является предпочтительной, так как она допускает критический, интерпретативный взгляд и не претендует на всеобъемлющее видение. Знания и техники «угнетенных» используют методы критического позиционирования и расположения (*situating*) для частичного совпадения с другим и производства множественного взгляда, но далеко отстоят от привилегированного или «урбанизированного» взгляда из ниоткуда.

В качестве наиболее яркого примера гибрида города и природы, а также функционирования ситуативных знаний и техник рассмотрим историю грибов мацутаке, рассказанную Анной Цзин. Этот гриб вплетен во множество отношений биологических, экономических, социальных: он самый дорогостоящий гриб и бесценный подарок, от его урожайности зависит жизнь лесных партизанов-хмонгов, он является важной частью экосистемы нарушенных человеческой деятельностью лесов и многое другое. Цзин говорит, что грибы могут нас научить своему взгляду, могут научить существовать в сложных экологических обстоятельствах длящихся катастроф, на поврежденных землях и на руинах капитализма. Грибные техники текучи и ситуативны, но представляют «одну из разновидностей сотруднического выживания» [Цзин, 2017]. Они как настоящие «угнетенные» не предлагают отстраненного взгляда из ниоткуда, монополизирующего истину, универсальной техники фиксации и стабилизации отношений, но показывают ситуативные стратегии совместного, многовидового выживания в прекарном мире.

Заключение

Так почему, несмотря на громкие заявления политиков, ученых и городских планировщиков о том, что

гибридизация идет полным ходом, нам все еще сложно встретить природу в наших городах? Возможно, дело в том, что гибрид только кажется не-проблематичной фигурой соединения того, что и так никогда не существовало отдельно. Гибрид требует невероятных усилий принятия риска существования в одном городском пространстве с теми, кто опасен, непредсказуем, неуправляем. Если мы предпочитаем это не замечать, то под видом гибридизации происходит полная и окончательная урбанизация природы, а ее непослушность, агентность, текучесть оказываются жестоко подавлены. Запускается машина по производству объективного знания о природе и разнообразных техник управления: рисуются карты, собирается статистика, строятся дамбы, разрабатываются вакцины. Попытки установить полный контроль над природой оборачиваются необходимостью усиливать давление, вместо того чтобы ослабить хватку.

Распространение зоонозных заболеваний и увеличение частоты природных катастроф – актуальные сюжеты современности, которые показывают, как далеки мы еще от гибрида города и природы. Опасные, изменчивые и непредсказуемые элементы с большим трудом удается включить в нормальное функционирование города, существующего в формах XX века. Человеческие болезни и природные катастрофы определяются в нем исключительно как внутренние и внешние противники, над которыми необходимо одержать полную и окончательную победу. Успехи системы здравоохранения и реализация инфраструктурных мегапроектов внушили уверенность в нашей правоте и независимости от природы. Но оказалось, новые вирусы и природные катаклизмы не просто следствие урбанизации, но что их понимание невозможно без более широкой социальной и политической интерпретации. Создание симметричного гибрида требует не просто выделения укромного места для природы в городе, но радикального пересмотра основ общественного устройства.

Необходимым условием гибридизации города и природы является возможность непредсказуемых встреч. Принятие риска этих взаимодействий, как и согласие на совместное существование с опасной природой, нуждается в разнообразных стратегиях преодоления индивидуализма. Среди них наиболее подходящими будут те, что описывают возможность соединения множеств в сложные симбиотические и взаимовыгодные образования. Такие соединения предполагают особые формы ситуативных техник и знаний, не претендующих на универсальный взгляд из ниоткуда, но требующих конкретного расположения и ответственности за позиционирование взгляда. Так, стирая границы собственного «я», включая себя в ближайшие сети жизни и умирания, отказываясь от монополизирующего истину знания, присоединяясь к критическому и расположенному взгляду угнетенных, мы наконец открываем возможность для построения симме-

тричных гибридов в городе, для совместного выживания в этом полном опасностей и экологических проблем мире.

Источники

- Браттон Б. (2020) *The Terraforming*. Москва: Strelka Press.
- Колберт Э. (2023) *Под белым небом: Как человек меняет природу*. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Латур Б. (2006) *Нового времени не было*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2018) *Политики природы: Как привить наукам демократию*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Маккуайр С. (2014) *Медийный город: Медиа, архитектура и городское пространство*. М.: Strelka Press.
- Харауэй Д. (2020) *Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Нуле press.
- Харауэй Д. (2022) *Ситуативное знание: Вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы*// *Логос*. Т. 32. № 1. С. 237–271.
- Цзин А.Л. (2017) *Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Agrest D. (1996) *The Return of the Repressed: Nature//The Sex of Architecture*/D. Agrest, P. Conway, L.K. Weisman (eds.). New York: Harry N. Abrams, Inc., Publishers. P. 49–69.
- Braun B. (2008) *Thinking the City through Sars: Bodies, Topologies, Politics//Networked Disease: Emerging Infections in the Global City*/S.H. Ali, R. Keil (eds.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Castree N. (2002). *False Antitheses? Marxism, Nature and Actor-Networks*. *Antipode* Vol. 34. No. 1. P. 111–146.
- Castree N. (2005) *Nature. Key Ideas in Geography*. London and New York: Routledge.
- Cronon W. (1991) *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West*. New York: W.W. Norton & Co.
- Cronon W. (1995) *The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature//Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature*. New York: W.W. Norton & Co. P. 69–90.
- Da Cunha D. (2018) *The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Fischer C.S. (1995) *The Subcultural Theory of Urbanism: A Twentieth-Year Assessment* // *American Journal of Sociology*. Vol. 101. No. 3. P. 543–577.
- Gandy M. (2005) *Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City*, *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 1. P. 26–49.
- Gandy M. (2006) *The Bacteriological City and Its Discontents*. *Historical Geography*. Vol. 34. P. 14–25.
- Gandy M. (2023). *Zoonotic urbanisation: multispecies urbanism and the rescaling of urban epidemiology*// *Urban Studies*. Vol. 60. No. 13. P. 2529–2549.
- Hajer M. (1995) *The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford: Clarendon Press.
- Haraway D. (1991) *Simians, Cyborgs and Women—The Reinvention of Nature*. London: Free Association Books.
- Haraway, D. (2008) *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota.
- Keil R., Graham J. (1998) *Reasserting Nature: Constructing Urban Environments after Fordism//Remaking Reality: Nature at the Millenium*/B.Braun, N. Castree (ed.). London, New York: Routledge. P. 98–125.
- Luke T.W. (1996) *Liberal Society and Cyborg Subjectivity: The Politics of Environments, Bodies, and Nature//Alternatives*. Vol. 21. P. 1–30.
- Mauch C. (2009) *Introduction//Natural Disasters, Cultural Responses: Case Studies Toward a Global Environmental History*/C. Mauch, C. Pfister (eds.). Lanham, MD: Lexington Books.
- McHarg I. (1995) *Design with Nature*. New York: Wiley.
- Mitchell J.K. (2001) *What's in a Name? Issues of Terminology and Language in Hazards Research//Environmental Hazards*. Vol. 2. No. 3. P. 87–88.
- Morton T. (2007) *Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Munster V.J., Bausch D.G., de Wit E., Fischer R., Kobinger G., Muñoz-Fontela C., Olson S.H., Seifert S.N., Sprecher A., Ntoumi H., Massaquoi M., Mombouli J.-V. (2018) *Outbreaks in a Rapidly Changing Central Africa—Lessons from Ebola*// *New England Journal of Medicine*. Vol. 379. No. 13. P. 1198–1201.
- Norgaard R.B. (1994) *Development Betrayed: The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future*. London: Routledge.
- Peeling M. (2001) *Natural Disasters?//Social Nature. Theory, Practice, and Politics*/N. Castree, B. Braun (eds.). Oxford: Blackwell Publishers. P. 170–179.
- Pelling M. (2003) *The Vulnerability of Cities: Natural Disaster and Social Resilience*. London: Earthscan Publications Ltd.
- Prescott S.L., Logan A.C. (2019) *Planetary Health: From the Wellspring of Holistic Medicine to Personal and Public Health Imperative*// *Explore*. Vol. 15. No. 2. P. 98–106.
- Satterthwaite D. (1998). *Meeting the Challenge of Urban Disasters IFRC/RC//World Disasters Report 1998*. Oxford: Oxford University Press.
- Shingne M.C., Reese L.A. (2022) *Animals In The City: Wither The Human-Animal Divide*// *Journal of Urban Affairs*. Vol. 44. No. 2. P. 114–136.
- Smith, K (1992) *Environmental Hazards*. London: Routledge.
- Swyngedouw E. (1996) *The City as a Hybrid. On Nature, Society and Cyborg Urbanisation//Capitalism, Nature, Socialism*. Vol. 7. No. 1. P. 65–80.
- Swyngedouw E., Kaika M. (2014) *Urban political ecology: Great promises, deadlock... And New Beginnings? (L'ecologia politica urbana. Grans promeses, aturades... i nous inicis?)*// *Documents d'Analisi Geografica*. Vol. 60. No. 3. P. 459–481.
- Tzaninis Y., Mandler T.; Kaika M.; Keil R. (2021) *Moving Urban Political Ecology beyond the 'Urbanization of Nature'*// *Progress in Human Geography*. Vol. 45, no. 2. P. 229–252.
- Vidler A. (1994) *The Architectural Uncanny. Essays in the Modern Unhomely*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wolfe, N.D., p. Daszak, A.M. Kilpatrick and D.S. Burke (2005) *Bushmeat Hunting, Deforestation, and Prediction of Zoonotic Disease*// *Emerging Infectious Diseases* Vol. 11. No. 12. P. 1822–1827.

AN ASYMMETRICAL HYBRID: WHY IS IT DIFFICULT TO ENCOUNTER NATURE IN THE CITY?

Marat R. Nevlyutov, journalist; teacher, Moscow School of Architecture MARCH, 10, bldg. 2 Nizhnaya Syromyatnicheskaya St., Moscow, 105120, Russian Federation; Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), 29 Vernadsky Ave., Moscow, 119331, Russian Federation; Editor-in-Chief, online magazine PILA.
E-mail: mnevlyutov@gmail.com

This article examines certain characteristics of hybrids in urban theory. A hybrid describes the mixtures of heterogeneous entities, resulting in a constantly conflicted whole that threatens to be destroyed. Nature, contrasted with the city, acts as a destabilizing element. The inclusion of nature in the city continues to occur through various techniques of control and objective knowledge. This urbanization of nature disrupts the necessary balance of the hybrid, turning it into an asymmetrical network oppressing nature. The article examines such examples of nature's response as zoonotic diseases and natural disasters, which are described as an ongoing struggle between the city and nature. The possibility of including these phenomena in the city is associated with the articulation of the social and political and with accepting the risk of an "encounter" in the city with the dangerous, variable, and unpredictable. The article outlines some techniques to establish the symmetry of the hybrid and open up the possibility for unpredictable encounters.

Keywords: hybrid; urbanization of nature; zoonotic diseases; natural disasters; unpredictable encounters; situational knowledge

Citation: Nevlyutov M.R. (2024) An Asymmetrical Hybrid: Why is it Difficult to Encounter Nature in the City? *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9220246-14> (in Russian)

References

Agrest D. (1996) The Return of the Repressed: Nature. *The Sex of Architecture*/D. Agrest, P. Conway, L.K. Weisman (eds.). New York: Harry N. Abrams, Inc., Publishers, pp. 49–69.

- Bratton B. (2020) The Terraforming [The Terraforming]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Braun B. (2008) Thinking the City through Sars: Bodies, Topologies, Politics. *Networked Disease: Emerging Infections in the Global City*/S.H. Ali, R. Keil (eds.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Castree N. (2002). False Antitheses? Marxism, Nature and Actor-Networks. *Antipode*, vol. 34, no 1, pp. 111–146.
- Castree N. (2005) Nature. Key Ideas in Geography. London and New York: Routledge.
- Cronon W. (1991) Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. New York: W.W. Norton & Co.
- Cronon W. (1995) The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature. *Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature*. New York: W.W. Norton & Co, pp. 69–90.
- Da Cunha D. (2018) The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Fischer C.S. (1995) The Subcultural Theory of Urbanism: A Twentieth-Year Assessment. *American Journal of Sociology*, vol. 101, no 3, pp. 543–577.
- Gandy M. (2005) Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 29, no 1, pp. 26–49.
- Gandy M. (2006) The Bacteriological City and Its Discontents. *Historical Geography*, vol. 34, pp. 14–25.
- Gandy M. (2023). Zoonotic Urbanisation: Multispecies Urbanism and the Rescaling of Urban Epidemiology. *Urban Studies*, vol. 60, no 13, pp. 2529–2549.
- Haraway D. (2020) Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Khtulutsene [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Haraway D. (1991) Simians. Cyborgs and Women—The Reinvention of Nature. London: Free Association Books.
- Haraway D. (2022) Situativnoe znanie: Vopros o nauke v feminizme i preimushchestvo chastichnoy perspektivy [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective]. *Logos*, vol. 32, no 1, pp. 237–271. (in Russian)
- Haraway D. (2008) When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota.
- Hajer M. (1995) The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process. Oxford: Clarendon Press.
- Keil R., Graham J. (1998) Reasserting Nature: Constructing Urban Environments after Fordism. *Remaking Reality: Nature at the Millennium*/B.Braun, N. Castree (ed.). London, New York: Routledge, pp. 98–125.
- Kolbert E. (2023) Pod belym nebom: Kak chelovek menyaet prirodu [Under a White Sky: The Nature of the Future]. Moscow: Alpina Non-Fiction. (in Russian)
- Latour B. (2006) Novogo vremeni ne bylo [Latour B. (2006) We Have Never Been Modern]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at Saint Petersburg]. (in Russian)
- Latour B. (2018) Politiki prirody: Kak privit' naukam demokratiyu [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Luke T.W. (1996) Liberal Society and Cyborg Subjectivity: The Politics of Environments, Bodies, and Nature. *Alternatives*, vol. 21, pp. 1–30.
- Mauch C. (2009) Introduction. *Natural Disasters, Cultural Responses: Case Studies Toward a Global Environmental History*/ C. Mauch, C. Pfister (eds.). Lanham, MD: Lexington Books.
- McHarg I. (1995) Design with Nature. New York: Wiley.
- McQuire S. (2014) Medijny gorod: Media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo [Media City: Media, Architecture, and Urban Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Mitchell J.K. (2001) What's in a Name? Issues of Terminology and Language in Hazards Research. *Environmental Hazards*, vol. 2, no 3, pp. 87–88.
- Morton T. (2007) Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Munster V.J., Bausch D.G., de Wit E., Fischer R., Kobinger G., Muñoz-Fontela C., Olson S.H., Seifert S.N., Sprecher A., Ntoumi H., Massaquoi M., Mombouli J.-V. (2018) Outbreaks in a Rapidly Changing Central Africa—Lessons from Ebola, *New England Journal of Medicine*, vol. 379, no 13, pp. 1198–1201.

- Norgaard R.B. (1994) *Development Betrayed: The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future*. London: Routledge.
- Peeling M. (2001) Natural Disasters? *Social Nature. Theory, Practice, and Politics*/N. Castree, B. Braun (eds.). Oxford: Blackwell Publishers, pp. 170-179.
- Pelling M. (2003) *The Vulnerability of Cities: Natural Disaster and Social Resilience*. London: Earthscan Publications Ltd.
- Prescott S.L., Logan A.C. (2019) Planetary Health: From the Wellspring of Holistic Medicine to Personal and Public Health Imperative. *Explore*, vol. 15, no 2, pp. 98-106.
- Satterthwaite D. (1998). Meeting the Challenge of Urban Disasters IFRC/RC. *World Disasters Report 1998*. Oxford: Oxford University Press.
- Shingne M.C., Reese L.A. (2022) Animals in The City: Wither The Human-Animal Divide. *Journal of Urban Affairs*, vol. 44, no 2, pp. 114-136.
- Smith, K (1992) *Environmental Hazards*. London: Routledge.
- Swynedouw E. (1996) The City as a Hybrid. On Nature, Society and Cyborg Urbanisation. *Capitalism, Nature, Socialism*, vol. 7, no 1, pp. 65-80.
- Swynedouw E., Kaika M. (2014) Urban political ecology: Great promises, deadlock... And New Beginnings? (L'ecologia politica urbana. Grans promeses, aturades... i nous inicis?) *Documents d'Analisi Geografica*, vol. 60, no 3, pp. 459-481.
- Tsing A.L. (2017) Grib na krayu sveta: O vozmozhnosti zhizni na ruinakakh kapitalizma [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Tzaninis Y., Mandler T., Kaika M., Keil R. (2021) Moving Urban Political Ecology beyond the 'Urbanization of Nature'. *Progress in Human Geography*, vol. 45, no 2, pp. 229-252.
- Vidler A. (1994) *The Architectural Uncanny. Essays in the Modern Unhomely*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wolfe N.D., p. Daszak A.M. Kilpatrick and D.S. Burke (2005) Bushmeat Hunting, Deforestation, and Prediction of Zoonotic Disease. *Emerging Infectious Diseases*, vol. 11, no 12, pp. 1822-1827.

Ученый горожанин: кто приносит природу в наш дом?

Максимилиан Неаполитанский

Введение

История отношений городского и природного пространства обширна. Эту историю невозможно представить без участия науки – как практики материализации знаний, фактора развития технологий и инструмента накопления данных о мире. Первые города были и местами «первой» науки – центрами ранней учености, предполагающей универсальность в изучении окружающего космоса. Интеллектуалы греческого полиса от Фалеса до Аристотеля совмещали стремления к теоретическому и философскому знанию и наблюдения за материальным – природным – миром [Розин, 2009]. Греческий полис был ограниченной средой, гармонично растворяющейся в окружающих его стихиях леса, горы или моря – имманентных ему пространствах [Делёз, Гваттари, 1998, с. 102].

Здесь можно наблюдать первичную параллельность развития города и науки: город еще не был радикально отчужден от природы, а у науки еще не было задачи эту природу возвращать и представлять. «Ученый» и его знания о природе встраивались в космологию и натурфилософские системы. Это заметно на примере картографии, которая прошла путь от архаичной науки до сложной инновационной дисциплины, определяющей жизнь горожан и практики их навигации в городском и природном ландшафте: «Архаичное, древнее и средневековое картографирование было основано, так или иначе, на религиозно-мифологическом когнитивном фундаменте; картографическое знание предполагало прямую связь между образами богов, божественного и священного, космологическими и космогоническими мифами и устройением земной поверхности вкупе с облакающим ее космосом» [Замятин, 2022, с. 197].

Отношения города, природы и науки меняются с началом Нового времени и научными революциями. Как замечает Дж. Шустер, предлагая периодизацию научных революций, их завершительный этап был связан с обособлением натуральной философии и все большим признанием бэконовской идеи эксперимента, ориентированной на важность эмпирических наблюдений [Schuster, 2013, p. 86; Шиповалова, 2018].

Нововременная наука, породившая то самое разделение на политику (общество) и науку (природу) [Латур, 2006, с. 225], а также утвердившая ценность объективности, прогресса и рациональности, совпа-

Неаполитанский Максимилиан Сергеевич, исследователь современной философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
E-mail: mknea@mail.ru

Автор анализирует отношения науки и города, в которых наука выступает оператором природы. С ориентацией на проблемы публичной научной коммуникации проводится исследование того, какую роль в этих отношениях играет ученый. Выдвигается тезис о том, что в коммуникации природного (натурального) и городского (культурного) ученый занимает амбивалентную позицию. С одной стороны, ученый выступает «представителем» природы – тем, кто вещает от лица фактов, имея доступ к объективному и натурализованному знанию. Будучи городским жителем, ученый участвует в процессах репрезентации природного мира и влияет на то, какой будет природа для города. С другой стороны, ученый задействован в создании инновационной, «технической» природы самого города, предполагающей использование техники, аппаратов, интерфейсов, лабораторий и систем записей. Город как место инноваций закрепляет городскую идентичность ученого, создавая разрыв между его «стремлением» к природе, которое является обязательным в общественных представлениях о науке, и его встроенностью в технологические процессы. Анализируя этот разрыв, автор обращается к исторической составляющей научной и городской жизни, используя идеи социолога Бруно Латура и ряда других авторов. Итогом исследования становится тезис о важности рефлексивного изменения режимов природно-городского континуума, способных благотворно влиять на отношения природы, города, технологий, науки и человека.

Ключевые слова: природа; техника; публичная научная коммуникация; философия науки; городские исследования; репрезентация

Цитирование: Неаполитанский М. С. (2024) Ученый горожанин: кто приносит природу в наш дом? // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202415-22>

дает с состоянием современного города: город как машина роста, машина развития, идеалы для которого подобраны классическим рационализмом [Вахштайн*, 2014, с. 12]. Город Нового времени отчуждается от природы, дозированно предоставляя к ней доступ своим жителям. Природа есть в парках или садах, спроектированных инженерами, архитекторами и урбанистами [Паяль, 2019]. Доступ к природе можно получить, выехав за город, например, на выходных, потому что ученые, твердящие о здоровье человека, утверждают пользу подобных практик, что также закрепляет тождество природного, жизненно-го и здорового [Мортон, 2022, с. 196].

Опыт природных и исторических катастроф, стихийный характер которых и крайне разрушительные последствия развенчали миф о рациональном и все-сильном городе, потребовал снять или сместить различия между городским и природным ландшафтами. Современный город стремится к увеличению присутствия природы на своей территории, точно так же как город модерна выталкивал природное за город – от рекреационных пространств до животного мира. И снова авторитетная позиция ученого и эксперта оказывается в этом процессе крайне значимой – за счет популяризации образа ученого как авторитета и источника инновационных сведений по организации гармоничной и сбалансированной городской среды [Бауэр, Белл, 2018, с. 176].

Выступая агентом публичной научной коммуникации, ученый влияет на представления городских жителей о природе [Шиповалова, 2021]. То есть ученый находится в центре практик репрезентации природы и влияет на концептуальную метафору описания отношений города и природы, например, через описание дома как многосоставного техноэкологического модуля, связанного сетями и интерфейсами, или имплементируя в дискурс о городе метафору киборга, предполагающую комбинацию биологического и технологического [Вилейкис, Ханова, 2021, с. 11].

Положение ученого как оператора природы в городском пространстве двойственно: с одной стороны, ученый выступает «представителем» природы – тем, кто вещает от лица фактов, имея доступ к объективному и натурализованному знанию. Будучи городским жителем, ученый участвует в процессах репрезентации природного мира и влияет на то, какой будет природа для города. В этом смысле он выступает своего рода самозванным союзником природы, способным объяснить, проинтерпретировать или узаконить ее «поведение».

С другой стороны, ученый задействован в создании инновационной природы самого города, предполагающей использование техники, аппаратов, интерфейсов, лабораторий и систем записей. Тут ученый уже не союзник природы, а тот, кто ее покоряет, умиряет и использует для поиска необходимых ресурсов. Эти две стороны научной жизни объ-

ясняют то напряжение, которое возникает между городским и природным континуумом, а также показывают, какие есть возможные пути для их обновленных сонастроек.

Ученый как союзник природы

Как наука живет в обществе? Это важнейший вопрос для публичной научной коммуникации, которая связывает научные и технократические процессы, общество и часто – природу. Этот вопрос, безусловно, предполагает рассмотрение ученого в качестве собирательного образа, который в общественном сознании имеет свои определенные черты – человек, окруженный микроскопами и колбами, в белом халате, который он надевает после сложной экспедиции, например, в дождливые леса Амазонки, где происходил поиск неизвестных до недавнего времени микроорганизмов [Петро, 2007].

Несмотря на то что природы становится все меньше, а мегаполисов все больше [Джекобс, 2011], ученый остается тем, кто «выезжает» на природу. Его деятельность предполагает экспедиции, сбор органического материала, препарирование живых или неживых организмов в лаборатории: «ученый стоит рядом с приборами, где факты говорят якобы сами за себя – так как влияют на показания прибора. Однако факты не имеют голоса, и ученый интерпретирует для нас то, что говорят факты» [Хархордин, 2006, с. 47]. Он выступает представителем природы, союзником и тем, кто способен описать ее законы, – городскому жителю ученые «доставляют» прогнозы погоды, предупреждают о надвигающихся природных катаклизмах и бедствиях, говорят об экологической ситуации. С одной стороны, это влияет на особое состояние ответственности ученых перед городом, в котором связывается природный, политический, футурологический и концептуальный опыт науки [Латур, 2019], а с другой – это предполагает три модуса упорядочивания, на которых и строится образ, описанный выше.

В рамках публичной научной коммуникации, которая обычно совершается в городском пространстве (аудитория университета, зал для популярных лекций), ученым устанавливается следующая схема: первый ее элемент – порядок природы, чьи законы предстоит расшифровать; затем идет упорядоченная наука, ее нужно представить обществу; после – порядок города, который способен полученные знания обработать и продуктивно использовать. Несмотря на то что эти модусы не теряют своей общественно-риторической силы, они часто подвергаются критике.

Например, Бруно Латур, предлагая критику «двухпалатной системы» модерна, указывает на значение поиска альтернатив ценности порядка в природе и человеку, а Джон Ло завершает свою книгу о научном хаосе следующими словами: «После раз-

* Признан иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.

деления универсального нам необходимы совершенно другие метафоры, чтобы составить представление о своих мирах и своей ответственности перед ними. Локальности. Своеобразия. Реализации. Множественности. Дробности. Блага. Резонансы. Собрания. Формы изготовления. Процессы плетения. Спирали. Вихри. Неопределенности. Сгущения. Танцы. Формы воображаемого. Страсти. Интерференции. Вот некоторые метафоры для работы с методом» [Ло, 2015, с. 320].

Попытка разделить универсальное может быть предпринята и в отношении города, чьи локальные практики требуют такой же локальной концептуализации и отказа от образа города как эксклюзивного места великих свершений духа, возвышенного созерцания и исключаящих практик, которые часто появлялись у философов и исследователей, решивших осмыслить город [Подорога, 2022, с. 98].

Сама природа также мешает ученым установить строгий порядок, который можно было бы легко импортировать в город. Это давняя часть истории отношений города, природы и науки, условное начало которой можно обозначить точкой Лиссабонского землетрясения 1755 года, потрясшего идеалы эпохи Просвещения и вдохновившего Иммануила Канта временно принять амплу публичного ученого и успокоить жителей Кенигсберга, убедив, что катастрофа не повторится в их городе [Кант, 1994]. Землетрясение не только разрушило крупнейшую столицу своего времени, но и поставило новые вопросы перед наукой и философией – например, о возможности договора с природой [Serres, 1995, p. 111].

Подобные события сопровождают историю крупных городов [Глейзер, 2022], создавая инфраструктурные коллапсы и провоцируя невозможность научного решения проблем, которые связаны не просто с эпистемологическим и материально-дискурсивным беспорядком в науках, а с целостным переживанием городской и природной реальности как темной, опасной и ломающей привычный ход жизни [Такер, 2017, с. 115].

Примером тут может быть и ураган «Катрина» в Новом Орлеане, и авария на Фукусиме, которая часто репрезентируется в литературе именно как природно-политическая катастрофа [Секигути, 2023, с. 76], связавшая в себе не только противостояние стихии и технологий, но и сложный комплекс научных, идеологических и экологических апорий, чье решение подоспело слишком поздно и не смогло удержать установленный порядок. В чрезвычайной ситуации от ученого требуется объяснение, почему природа, с которой он был союзником, внезапно вышла из-под контроля.

Эта точка отношений города и природы демонстрирует, что заключение стабильного «пакта» с ней, поиск *Номоса* Земли [Latour, 2017, p. 120], появления надежных экологических медиумов возможны лишь в потенциальности, ориентированной на те онтологические основания, которые предполагают подчи-

нение и усмирение природы как глобального актора, лишь изредка покидающего состояние плазмы [Латур, 2020, с. 332] и напрямую заявляющего о своем присутствии.

Данная проблематика возникает, когда мы говорим о позиции ученого как «представителя» природы, способного с ней договориться, а также «приносящего природу в город», у которого есть и инструменты публичной коммуникации – научно-популярные СМИ, социальные сети, книги, подкасты, журналы и тупики в этой коммуникации, касающиеся всплеск общественного недоверия к науке, выражающегося, например, в идеологии экологического скептицизма [Блинов, Савченко, 2019]. Позиция представительства возникает на пересечении практик репрезентации науки и социально-политического пространства восприятия, которое есть в городе. Стремление к порядку и универсальности является его важной частью, несмотря на поиск альтернатив различными авторами.

Помимо упомянутых Латура и Ло, исследовательница философии и нового материализма Донна Харауэй предложила идею Терраполиса – запутанного природно-технологического пространства обитания и политик заботы, в котором город не отчужден от природы и нечеловеческих существ, которые его населяют. Харауэй говорит об изменении городской картографии и инфраструктуры за счет союзов с голубями, бездомными собаками и другими исключенными акторами. Ученый Терраполиса для Харауэй – не тот, кто связывает различные порядки для создания еще большего порядка, который был бы приближен к гетеротопии и онтологической дискретности, но тот, кто интегрирует различные политики в город, направленные на создание тентакулярных пространств и территорий межвидовых общностей. В этом смысле проект Харауэй похож на другие проекты, расширяющие привычные рамки дискурса исследований города – будь то феминистский город, темный город, лесной город и т. д.

Ученый как городской новатор

Город является итогом материализации научного знания, чей образ вписывается в привычное представление об отношениях науки и общества: «применение строгого научного метода, подстрахованное коллективным скептицизмом научного сообщества, дает знание, а применение знания дает технику» [Писарев, 2022]. В этом смысле город является городом инноваций – какими бы несовременными они ни были.

Прочный союз городского и технического появился еще с первых городов, которые были оснащены системами орошения и связаны с ремесленным производством, мастерскими, технологиями возведения стен для защиты от внешнего врага и т. д. Техника здесь понимается в самом широком смысле – и как *технэ*, и как *поэзис*. В отличие

от природы, технику не нужно «приносить», не нужно говорить от ее лица – она сама выступает инструментом репрезентации, который помогает в исследовании, картографировании и эксплуатации городского и природного пространства.

Помимо этого и также в отличие от природы, техника не прошла путь онтологизации, который бы породил традицию философии техники – в том виде, в котором есть философия природы, чья история простирается от Парменида до Джейн Беннет. Сейчас в гуманитарных исследованиях существуют различные интерпретации истории техники.

Например, хайдеггерская интерпретация подразумевает дискурс упадка технического, которое прошло путь от *поззиса* как практики создания новизны до наличного опустошенного *технэ*, и именно в этом виде повлияло на забвение подлинного бытия [Хайдеггер, 1993]. Жильбер Симондон, а за ним Бернар Стиглер, напротив, предлагают рассматривать технику как то, что не захватывало, а исключалось из дискурса науки и философии, в том числе из-за гилеморфической системы, установленной античной рабовладельческой системой [Simondon, 2005, p. 58]. В этом для Симондона выражалась связь организации городской жизни и теорий, со времен Античности строго разделяющих материю и форму: становление гилеморфизма предполагало, что есть хозяин, который дает задание, и есть раб, исполнитель, который отдает ему итоговый продукт: изделие, технический объект, какой-либо товар на продажу; иными словами, есть приказ со стороны формы и исполнение со стороны материи [Делёз, Гваттари, 2010, с. 619]. Современный гонконгский философ Юк Хуэй продолжает линию Симондона и Стиглера, предлагая проект западного понимания техники, которое строится на принципах мультинатурализма и космотехничности, объединяющей природное и рукотворное [Хуэй, 2023, с. 41].

Так или иначе, в отношении техники, несмотря на различие позиций, остается неизменным тезис о том, что она является итогом определенных материализаций – природных и культурных, которые меняют состояния внутреннего и внешнего. Техника является овнешнением, и в этом смысле именно город предстает пространством, которое собирает в себе итоги таких процессов: изобретение геометрии, развитие письменности, разработку законов и другие *техники*. Безусловно, есть и фигура, которая эти процессы запускает, – изобретатель, инженер, архитектор, планировщик, исследователь, ремесленник и, в конце концов, ученый, образ которого обычно объединяет различные аспекты технического производства.

Ученый, как и город, всегда связан с техникой, измерительными приборами и аппаратами исследований, позволяющими достичь точности наблюдения, действуя на расстоянии. Ученые, как агенты городских (социальных) институтов науки, являются монополистами технического, которое организует

свои формы власти. Как замечает Латур, «греки по своему обыкновению предлагают лучшую мифологию действия на расстоянии с помощью тщательно сконструированных форм. Именно Фалесу приписывают изобретение геометрии, когда он, не желая взбираться на пирамиду Хеопса, «просто» измерил тень крепко воткнутой в землю палки. Его теорема (сама суть властных объяснений) открыла возможность владеть всеми пирамидами (существующими, теми, которые будут построены, и теми, которые не будут построены никогда) посредством несложных вычислений. То, чем мы так восхищаемся в греческом чуде, – это переворот отношений власти: самые слабые, крошечные люди, у которых есть только тени и бумажные формы, становятся сильнее древних могучих египтян с их тяжелыми каменными пирамидами. Владеть формами равносильно тому, чтобы владеть всем остальным. <...> Теоремы – не единственная техника, обеспечивающая подобные перестановки [Латур, 2012].

Переворот отношений власти становится возможным за счет техники, он меняет конфигурации науки, города и природы. Городская идентичность ученого является в первую очередь технической идентичностью, инновационной и эмпирической. Ученый как тот, кто интерпретирует «немую» природу и выступает ее союзником, расшифровывая объекты и факты, делает это с помощью рукотворной техники.

Разрыв природы и техники описывали многие авторы, но в контексте городских исследований это затрагивает двойственность позиции самого ученого. Тавтологично можно сказать, что самые высокие технологии необходимы ему для раскрытия самой «натуральной» природы и объективных порядков, репрезентация которых невозможна без технического оснащения: систем записей, интерфейсов, связи, печати, жестких дисков, карт, глобусов и вычислительных машин. В общем, ученый должен принести науку в наши квартиры, но сделать это с помощью техники, которая природе противостоит, вытесняя естественное «культурными» инструментами.

Ученый также задействован в создании технической, инновационной и цифровой «природы» самого города – сложной конгломерации различных уровней, инфраструктура которого включает системы связи, безопасности, транспорта, коммуникации, наблюдения, потребления и производства. Современные города переполнены большими и малыми перформативно-эпистемологическими машинами, которые «производят данные, знания, гипотезы, теории, понятия и воплощают многие из них в жизнь через практики, нормы, режимы и материальные объекты» [Писарев, Гавриленко, 2020]. Идеи «умного города» и «удобного города» предполагают именно такую «переполненность».

У городских интернет-пользователей и людей, несвязанных с наукой непосредственно, появляется все больше возможностей для взаимодействия с глобальными системами городской и планетар-

ной репрезентации. Например, Google Earth, открывая который «мы видим в голубом, зеленом, белом и коричневом цветах дневную сторону нашей планеты с расстояния 11 000 км, выглядящей как светящийся шар на фоне крошечной тьмы космоса. Это не только земной шар, который описывали Соократ, Цицерон, Макробий, фон Браун, а теперь изображенный в цифровом и двухмерном виде, но еще и географическая информационная система с более чем 20 петабайтами геоданных, что эквивалентно учебнику объемом 10 000 млрд страниц. Вся эта информация извлекается за считанные секунды, по мере того как пользователь прокладывает путь вокруг Земли или спускается к ней, изображения обновляются 50 раз в секунду» [Берг, 2023], как замечает Томас Берг. Город также зумируется и информационно обрабатывается, доступ к нему в таком формате – итог научной работы, которая картографирует и анализирует реальные и виртуальные пространства; «реализация любого проекта, созданного в аналоговой или цифровой среде, связана с проявлением власти» [Патимова, 2021] – и в данном случае эта власть научная.

Инновационная «природа» города предполагает также отчуждение внегородской природы и ее появление в специально организованных природных очагах: «зеленый город» предполагает и «зеленые технологии», которые связаны с современным восприятием природного мира как *иного*, несимметричного и отдаленного, что следует *привнести*. Городская идентичность ученого позволяет ему «наслаждаться» природой, совершать природный десант, чтобы не терять связи с «объективным миром» и натурализованным знанием.

Так, например, по наблюдению Люси Тума, Руссо и Гёте открыли для себя горные регионы, отличающиеся скудостью и бедностью, они путешествовали и восхищались прекрасной невинностью пейзажей, ландшафта, людей; описания «чистоты» местных жителей, их «естественного стремления к труду», «девственной простоты» и «неиспорченной дикости» работают по принципам создания Другого, экзотизма и колониальной практики – «природа и люди внутри нее становятся источником эстетического наслаждения, которое возможно только в том случае, если зритель выводит себя за пределы картины, одновременно образуя свою современную городскую идентичность» [Тума, 2021]. Техника играет немаловажную роль в этом и влияет на создание образа *той самой единственной природы* для города и ученого [Латур, 2018, с. 39].

Заключение

Итак, были показаны две стороны положения ученого: представительство и использование, репрезентация и покорение, природная идентичность и техническая, потребность покидать город, но невозможность осуществлять деятельность за его пределами. Эти две стороны научной жизни объяс-

няют то напряжение, которое возникает между городским и природным континуумом.

Вопрос о возможном обновлении их соностроек затрагивает в первую очередь мировоззренческие, онтологические установки, которые влияют на то, каким образом мы разделяем или связываем природу и город. Это включает в себя и аналитику рисков – технологических и естественных, которые объединяет стихийность и непредсказуемость. Техника тоже может быть *катастрофичной*.

Примером тут может служить южнокорейский город Сонгдо, спроектированный и построенный корпорацией CiscoSystems. Как пишут Руслан Хестанов и Александр Сувалко, его опыт показал, что «внедрение новейших технологий не гарантирует, что в городе пожелают жить люди. Сонгдо был сконструирован так, что все его алгоритмы были организованы в логике систем и подсистем с иерархической архитектурой. Абстрактный конструктивизм не предусматривал <...> эстетически заряженной среды, пространства контингенции, образующего контур удовольствия» [Хестанов, Сувалко, 2022]. В этом смысле «каждый алгоритм смертен. Смерть алгоритма запрограммирована его конечностью, то есть ограниченностью допустимых внутри алгоритма операциональных различий. Угроза открывается не технологиями, но вторжением абстрактных систем в городскую среду» [Там же].

В отличие от техники, природа не может умереть. Этот факт лишь подкрепляет силу ученого: «Когда мы апеллируем к понятию природы, объединение, которое она узаконивает, значит бесконечно больше, чем онтологическое качество “природности”, происхождение которого она гарантирует» [Латур, 2018]. Вероятно, в случае исчезновения городов и культур техника будет молчать, тогда как множественность природы, камней и геологических слоев заговорит в полной мере – уже без своих медиаторов и репрезентаций.

Двойственность позиции ученого, безусловно, включает перечень тех проблем, которые были описаны выше, но также открывает и свои концептуальные перспективы, меняя привычные вопросы – например, не «Кто приносит природу в наш дом?», а «Что расскажут камни о нашем наследии?», как гласил знаменитый вопрос Яна Заласевича [Заласевич, 2022, с. 274]. Изменения отношений города и природы, науки и общества на фоне глобальных политических, социальных и экологических трансформаций еще предстоит осмыслить в полной мере.

Источники

- Бауэр М., Белл Э., Борхельт Р. (2018). Пособие по общественным связям в науке и технологиях. М.: Альпина нон-фикшн.
- Берг Т. (2023). Театр мира. История картографии. М.: Ад Маргинем.
- Блинов Е., Савченко И. (2019). Бруно Латур против климатического скептицизма: миссия ученого и кризис политических учреждений // Философский журнал. № 4. С. 70–84.

- Вахштайн В. (2014). Пересборка города: между языком и пространством//Социология власти. № 2. С. 9–38.
- Вилейкис А., Ханова П. (2021). Город – гиперобъект. Введение//Городские исследования и практики. № 4. С. 7–16.
- Глейзер Э. (2022). Живучесть городов//Городские исследования и практики. № 2. С. 129–155.
- Делез Ж., Гваттари Ф. (2010). Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (1998). Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Джекобс Д. (2011). Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Заласевич Я. (2022). Земля после нас: Что расскажут камни о наследии человека? СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Замятин Д. (2022). Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность//Логос. № 6. С. 183–202.
- Кант И. (1994). О причинах землетрясений//Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО. Т. 1. С. 333–342.
- Латур Б. (2019). Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2012). Политика объяснения: альтернатива//Социология власти. № 8. С. 113–143.
- Латур Б. (2006). Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2020). Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Латур Б. (2018). Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем.
- Ло Дж. (2015). После метода: Беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара.
- Мортон Т. (2022). Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом. М.: Издательство Института Гайдара.
- Патимова П. (2021). Город. Мифы, природа и насилие//Городские исследования и практики. № 4. С. 17–25.
- Паяль А. (2019). Переосмысление досуговых цифровых сетей с помощью глобальных городов: метафорический взгляд//Логос. № 1. С. 85–129.
- Петров М. (2007). Образы науки и ученого в общественном сознании//Epistemology & Philosophy of Science. № 3. С. 222–237.
- Писарев А. (2022). Картографируя новую материальность: навигационные установки и картины мира//Логос. № 6. С. 159–182.
- Писарев А., Гавриленко С. (2020). В поисках ускользающего объекта: наука и ее история//Логос. № 1. С. 1–28.
- Подорога В. (2022). Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М.: Новое литературное обозрение.
- Розин В. (2009). О философских предпосылках античной науки//Epistemology & Philosophy of Science. № 2. С. 13–31.
- Секигути Р. (2023). Нагори. Тоска по уходящему сезону. М.: Ад Маргинем.
- Такер Ю. (2017). В пыли этой планеты. Пермь: Гиле Пресс.
- Тума Л. (2021). Касание ландшафта и размещенная магия//Syg.ma. Режим доступа: <https://syg.ma/@geograf-smirnoff/liusi-tuma-kasanie-landshafta-i-razmieshchionnaia-maghiia> (дата обращения: 26.03.2024).
- Хайдеггер М. (1993). Вопрос о технике//Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика. С. 221–238.
- Харауэй Д. (2021). Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулцене. Пермь: Гиле Пресс.
- Хархордин О. (2006). Предисловие редактора//Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 5–56.
- Хестанов Р., Сувалко А. (2022). Кто принимает решения в умном городе//Городские исследования и практики. № 1. С. 7–21.
- Хуэй Ю. (2023). Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М.: Ад Маргинем.
- Шиповалова Л. (2018). Научная революция – разрыв с прошлым или его возобновление? О двусмысленном ответе современной историографии//Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. № 45. С. 47–57.
- Шиповалова Л. (2021). Судьба визуализаций в публичной научной коммуникации: между действием и представлением//ИРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. № 4. С. 273–292.
- Latour B. (2017). Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Schuster J. (2013). Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Corpuscular Mechanism 1618–1633. London: Springer.
- Serres M. (1995). The Natural Contract. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Simondon G. (2005). L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Editions Jérôme Millon.

URBAN SCIENTIST: WHO BRINGS NATURE INTO OUR HOME?

Maximilian S. Neapolitanskiy, researcher in contemporary philosophy, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University (SPbSU), 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: mknea@mail.ru

This article analyzes the relationships between science and the city, where science acts as an operator of nature. Focusing on public scientific communication, the study explores the role of the scientist in these relationships. A thesis is proposed that in the communication about the natural and urban (cultural), the scientist holds an ambivalent position. On the one hand, the scientist acts as a “representative” of nature—speaking on behalf of facts and having access to objective and naturalized knowledge. Being an urban resident, the scientist participates in the representation of the natural world and influences what nature is for the city. On the other hand, the scientist is involved in creating the innovative, technical nature of the city itself, implying the use of technology, devices, interfaces, laboratories, and recording systems. The city, as a place of innovation, solidifies the urban identity of the scientist, creating a gap between his aspiration for nature, which is mandatory in the public perceptions of science, and his technocratic embeddedness. Analyzing this gap, the author turns to the historical component of scientific and urban life, using the ideas of the sociologist Bruno Latour and several other authors. The study concludes with a thesis on the importance of reflexive change in the regimes of the natural-urban continuum, which can benefit the relationships between nature, the city, technology, science, and humans.

Keywords: nature; technology; public scientific communication; philosophy of science; urban studies; representation

Citation: Neapolitan M.S. (2024) Urban Scientist: Who Brings Nature into Our Home? *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202415-22>

References

Bauer M., Bell E., Borkhelt R. (2018). Posobie po obshchestvennym svyazam v nauke i tekhnologiyakh

- [A Guide to Public Relations in Science and Technology]. Moscow: Alpina Non-Fiction. (in Russian)
- Berg T. (2023). Teatr mira. Istoriya kartografii [Theater of the World. A History of Cartography]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Blinov E., Savchenko I. (2019). Bruno Latour protiv klimaticheskogo skeptitsizma: missiya uchenogo i krizis politicheskikh uchrezhdeniy [Bruno Latour Against Climate Skepticism: The Scientist’s Mission and the Crisis of Political Institutions]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], no 4, pp. 70–84. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. (1998). Chto takoe filosofiya? [What is Philosophy?] M.: Institut eksperimental’noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteya. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. (2010). Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya. (in Russian)
- Gleizer E. (2022). Zhivuchest’ gorodov [Gleizer E. (2022). The Resilience of Cities]//Gorodskiy issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices], no 2, pp. 129–155. (in Russian)
- Haraway D. (2021). Ostayas’ so smutoy: Zavodit’ sorodichey v khtulutsene [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Heidegger M. (1993). Vopros o tekhnike [Heidegger M. (1993). The Question Concerning Technology]. *Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika. (in Russian)
- Huei Y. (2023). Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotekhnike [Huei Y. (2023). The Question of Technology in China. An Essay on Cosmotekhnics]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Jacobs J. (2011). Smert’ i zhizn’ bol’shikh amerikanskikh gorodov [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoye Izdatel’stvo. (in Russian)
- Kant I. (1994). O prichinakh zemletryaseniy [On the Causes of Earthquakes]. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vol.] Moscow: CHORO, vol. 1, pp. 333–342. (in Russian)
- Kharkhordin O. (2006). Predisloviye redaktora [Kharkhordin O. (2006). Editor’s Preface]. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoy antropologii* [We
- Have Never Been Modern: Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at St. Petersburg], pp. 5–56. (in Russian)
- Khestanov R., Suvalko A. (2022). Kto prinimayet resheniya v umnom gorode [Khestanov R., Suvalko A. (2022). Who Makes Decisions in a Smart City]. *Gorodskiy issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no 1, pp. 7–21. (in Russian)
- Latour B. (2017). Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Latour B. (2019). Gde prizemlit’sya? Opyt politicheskoy orientatsii [Where to Land? An Experience of Political Orientation]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at St. Petersburg]. (in Russian)
- Latour B. (2020). Peresborka sotsial’nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Latour B. (2020). Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory]. M.: Izdatel’skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki [Publishing House of the Higher School of Economics]. (in Russian)
- Latour B. (2012). Politika ob’yasneniya: alternativa [Politics of Explanation: An Alternative]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], no 8, pp. 113–143. (in Russian)
- Latour B. (2006). Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoy antropologii [There Was No Modern Era: Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at St. Petersburg]. (in Russian)
- Latour B. (2018). Politiki prirody. Kak privit’ naukam demokratiyu [Politics of Nature. How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Lo J. (2015). Posle metoda: besporiyadok i sotsial’naya nauka [After Method: Mess in Social Science Research]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara [Gaidar Institute Press]. (in Russian)
- Morton T. (2022). Rod chelovecheskiy. Solidarnost’ s nechelovecheskim narodom [Humankind: Solidarity with the Non-Human People]. Moscow: Izdatel’stvo

- Instituta Gaydara [Gaidar Institute Publishing]. (in Russian)
- Patimova P. (2021). Gorod. Mify, priroda i nasilie [Patimova P. (2021). The City. Myths, Nature, and Violence]. *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no 4, pp. 17–25. (in Russian)
- Payal A. (2019). Pereosmyslenie dosugovykh tsifrovyykh setey s pomoshch'yu global'nykh gorodov: metaforicheskiy vzglyad [Rethinking Leisure Digital Networks through Global Cities: A Metaphorical View]. *Logos*, no 1, pp. 85–129. (in Russian)
- Petrov M. (2007). Obrazy nauki i uchenogo v obshchestvennom soznanii [Images of Science and the Scientist in Public Consciousness]. *Epistemology & Philosophy of Science*, no 3, pp. 222–237. (in Russian)
- Pisarev A. (2022). Kartografiruya novuyu material'nost': navigatsionnye ustanovki i kartiny mira [Mapping New Materiality: Navigational Settings and Worldviews]. *Logos*, no 6, pp. 159–182. (in Russian)
- Pisarev A., Gavrilenko S. (2020). V poiskakh uskol'zayushchego ob'ekta: nauka i ee istoriya [In Search of the Elusive Object: Science and Its History]. *Logos* [Logos], no 1, pp. 1–28. (in Russian)
- Podoroga V. (2022). Vozvyshennoe. Posle padeniya. Kratkaya istoriya obshchego chuvstva [The Sublime. After the Fall. A Brief History of Common Sentiment]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obzreniye [New Literary Review]. (in Russian)
- Rozin V. (2009). O filosofskikh predposylkakh antichnoy nauki [On the Philosophical Premises of Ancient Science]. *Epistemology & Philosophy of Science*, no 2, pp. 13–31. (in Russian)
- Schuster J. (2013). *Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Copuscular Mechanism 1618–1633*. London: Springer.
- Sekiguchi R. (2023). Nagori. Toska po ukhodyashchemu sezonu [Nagori. Nostalgia for the Departing Season]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Serres M. (1995). *The Natural Contract*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Shipovalova L. (2018). Nauchnaya revolyutsiya – razryv s proshlym ili ego vozobnovlenie? O dvumyslennom otvete sovremennoy istoriografii [The Scientific Revolution: A Break with the Past or Its Renewal? On the Ambiguous Response of Contemporary Historiography]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [TSU Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science], no 45, pp. 47–57. (in Russian)
- Shipovalova L. (2021). Sud'ba vizualizatsiy v publichnoy nauchnoy kommunikatsii: mezhdudеystviem i predstavleniem [The Fate of Visualizations in Public Scientific Communication: Between Action and Representation]. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, no 4, pp. 273–292. (in Russian)
- Simondon G. (2005). *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Editions Jérôme Millon.
- Thacker Yu. (2017). V pyli etoy planety [In the Dust of This Planet]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Tuma L. (2021). Kasaniye landshafta i razmeshchennaya magiya [Touching the Landscape and Situated Magic]. *Syg.ma*. Available at: <https://syg.ma/@geograf-smirnoff/liusi-tuma-kasaniye-landshafta-i-razmieshchionnaia-maghiia> (accessed 26 March 2024). (in Russian)
- Vakhshayn V. (2014). Peresborka goroda: mezhdudеystviem i prostranstvom [The City's Reassembly: Between Language and Space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], no 2, pp. 9–38. (in Russian)
- Vileykis A., Khanova P. (2021). Gorod – giperobyekt. Vvedeniye [The City as a Hyperobject. Introduction]. *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], no 4, pp. 7–16. (in Russian)
- Zalasevich Ya. (2022). Zemlya posle nas: Chto rasskazhut kamni o nasledii cheloveka? [The Earth After Us: What Will the Stones Tell About Human Legacy?]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [EUPress]. (in Russian)
- Zamyatin D. (2022). Ontologii kartografii: geograficheskoye voobrazheniye i planetarnost' [Zamyatin D. (2022). Ontologies of Cartography: Geographical Imagination and Planetarity]. *Logos*, no 6, pp. 183–202. (in Russian)

Непослушное животное в социо-био- технической среде: между STS и animal studies

Илья Смирнов

Введение

Современные социогуманитарные области знания все чаще обращаются к тем объектам, которые долгое время находились в юрисдикции естественных и технических наук. Философия и антропология, психология и урбанистика, кибернетика и инженерия, а также другие науки образуют множество междисциплинарных областей исследований вроде *science and technology studies* (STS), *animal studies*, *gender studies*, *digital humanities* (DH) и т.д. Их объединяет тенденция к эмансипации нечеловеческих объектов, которым отныне свойственна агентность и несводимость к какому-либо одному уровню объяснения – ни к социальному, ни к биологическому, ни к техническому. Так, в исследованиях науки и техники (STS) дверные петли [Латур, 2006а], морские гребешки [Каллон, 2017] и микробы [Латур, 2015] обозначаются как социальные акторы, которые имеют свои цели, индивидуальность и способы коммуникации с другими объектами. В антропологии такими становятся насекомые [Раффлз, 2019] и леса [Кон, 2022], а в городских исследованиях – провода и трубы [Трубина, 2011, с. 154].

Однако, как мы видим, предметом подобных исследований нечасто становятся более очевидные, осязаемые и видимые, представители нечеловеческого вроде кошек и собак, коров и овец [Berland, 2008, p. 434] [Ferrari, 2015, p. 6]. В STS такая диспропорция может быть объяснена тем, что принято называть наиболее трудным для объяснения случаем (*hardest possible case*). Согласно этому принципу, если какая-то объяснительная модель способна *распаковать* самый сложный, запутанный объект исследовательского поля, то эту модель можно экстраполировать на более простые объекты [Collins, 1982, p. 142]. Именно с такой логикой в конце XX века социологи науки обратились к исследованиям лабораторий (*lab studies*), поскольку последние мыслились тем местом, где воплощается рациональная наука. Тогда исследователи полагали: «Если мы

Смирнов Илья Владимирович, социальный исследователь науки и техники (STS), Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6, стр. 1 лит. А; преподаватель и куратор исследований, ДН-центр, Национальный исследовательский университет ИТМО (ИТМО), Российская Федерация, 197101, г. Санкт-Петербург, пр. Кронверкский, 49.
E-mail: smirnov.iw@gmail.com

У животных и технологий много общего. С одной стороны, они наделяются непререкаемой властью над социальным согласно технологическому и биологическому детерминизму. С другой стороны, они редуцируются к инструментальным функциям и культурным символам в социальном конструктивизме. Однако при всех этих операциях мы все же говорим: «Они разные» – границы между природой, технологиями, а также обществом остаются незыблемыми. Однако социальные исследования науки и техники (STS) и современная философия постгуманизма предпринимают попытки размыть эти границы. Исследователи полагают, что технические устройства не являются таким функциональным и аполитичным воплощением рациональности, какими мы привыкли их воспринимать. Каждая отдельная технология имеет свою индивидуальную судьбу: в зависимости от окружающей среды они могут сопротивляться замыслу разработчика, обрести культурными значениями и практиками, не функционировать вовсе или участвовать в распределении властных отношений, становясь полноценным действующим лицом социальных процессов. При этом такой подход размывает границы не только между социальным и техническим, но и природным вместе с ними. В данной статье автор предпринимает попытку привнести логику STS в исследования животных. Ранее животные были исключительно частью природы, познание которой человеком делает их подконтрольными и предсказуемыми. Вместо этого на пересечении STS и *animal studies* представители фауны также становятся полноценными акторами социальных процессов, что выражается в их агентности, собственной изменчивости и способности трансформировать других акторов – людей, технологии и др. Можно предположить, что подобная гибридность становится возможной в высокотехнологичной среде вроде городского пространства. В действительности даже в дикой природе животные могут быть представлены как субъект не только биологический, но и социальный и даже технический. Технологии (общество, город, наука)

сможем продемонстрировать социальную природу научной деятельности в лаборатории, то социологическое объяснение станет несомненным». Лаборатория была последней и необходимой инстанцией, поскольку узреть социальное в повседневной жизни академика не представляется трудной и достаточной задачей. Следовательно, стоит предположить, что какую-то способность к действию у кошек и собак представить нетрудно. Следовательно, чтобы продемонстрировать агентность нечеловеческого, необходимо обратиться к чему-то менее очевидному – микробам, гребешкам и другим молчаливым акторам.

В результате мы наблюдаем спесишизм, от которого так открепиваются современные *animal studies* и философия постгуманизма. В стремлении эмансипировать нечеловеческие сущности исследователи «наделяют новыми правами одних», но упускают других. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как парадокс Плуто, который назван в честь пса из «Микки Мауса» [Berg, 2019]. Если другие персонажи мультфильма антропоморфны, ходят на двух ногах (задних лапах), имеют работу и разговаривают как люди, то Плуто остается обычным псом, который живет в будке и выгуливается другим, человекоподобным, псом Гуфи. Подобным же образом в рассматриваемых в данной статье исследовательских полях остаются собаки, кошки и коровы, обделенные агентностью.

При этом в связи с упоминанием подобного неравенства может показаться, что предметом данной статьи станут этические и политические вопросы несправедливости, эмансипации и спесишизма. Это центральное направление в современных *animal studies*, которое сопровождается хештегами вроде «движения по освобождению животных», «благополучия животных» (*animal welfare*), вегетарианства и активизма [Никитина, 2019, с. 10–11]. Однако автор текста не стремится подсветить или решить какие-то из этих вопросов. Вместо этого предпринимается попытка обозначить точку соприкосновения между *science and technology studies (STS)* и *animal studies* в отношении тех, чей образ возникает первым, когда мы говорим о животных, чтобы показать, что они *действуют* больше, чем мы привыкли думать.

Можно спросить: почему именно исследования науки и техники? Только из-за того, что именно они и распространили свою социоматериальную логику на микробов и морских гребешков? Ответ в том, что у технологий и животных есть много общего, когда их осмысляют люди модерна. В глазах *нововременных* это объекты, которые можно поработать без особого сопротивления, редуцировать к инструментальным функциям и социальным значениям. В частности, образ технологий мечется от бескомпромиссной силы, переворачивающей социальный мир, до объекта, полностью подчиненного человеческим отношениям, – от технологического детерминизма к социальному конструктивизму соответственно. Большая часть истории *STS* была посвящена именно тому, чтобы *распаковать* технологии как нечто более сложное, способное взаимодействовать с другими участниками социального процесса – менять их и меняться самим.

В социогуманитарных областях знания животные также долгое время были сокрыты за социальной символикой или инструментальной функцией [Nagawa, 2008, p. 73], но до сих пор практически не рассматривались как нередуцируемый социобиотехнический гибрид. Таким образом, перспектива *STS* предлагает язык, который демонстрирует способность животных к действию, каждый раз индивидуальному. При этом по большинству описанных далее кейсов можно предположить, что подобная гибридность становится возможной в высокотехнологичной среде вроде городского пространства. В действительности даже в дикой природе животные могут быть представлены как субъект не только биологический, но и социальный и даже технический. Технологии (общество, город, наука) и природа перестают быть противостоящими друг другу полюсами – это все одна гетерогенная социоматериальная среда, которая была такой всегда.

и природа перестают быть противостоящими друг другу полюсами – это гетерогенная социобиотехническая среда, которая всегда была такой.

Ключевые слова: исследования животных; социальные исследования науки и техники (STS); социобиотехническая среда; технологический детерминизм; социальный конструктивизм

Цитирование: Смирнов И. В. (2024) Непослушное животное в социобиотехнической среде: между STS и *animal studies*// Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202423-32>

Непослушная технология

До образования STS технологии появлялись в социогуманитарном дискурсе преимущественно как *некий фактор*, оказывающий своим появлением влияние на все окружающее. В таких нарративах появление железнодорожной системы трансформировало наше восприятие пространства и времени [Урри, 2012], изобретение телефонной связи поменяло наше повседневное взаимодействие, а палка, переобозначенная как инструмент, сделала из обезьяны человека. Иными словами, технологии становились некоторой независимой переменной, которая в процессе своего изменения влекла за собой трансформацию в этих зависимых переменных общества. Социологи науки (предшественники STS [Бычкова, 2020, с. 10]) не могли позволить себе занять такую позицию технологического детерминизма, поскольку она сильно ограничивает область применения социологического объяснения.

Уязвленные таким положением дел исследователи в итоге ударились из одной крайности в другую. Вместо технологического детерминизма они стали развивать идеи социального конструктивизма, полагая, что все вплоть до естественно-научного знания зависит от социального [Каллон, 2017, с. 198], то есть классовых интересов, идеологических установок, религиозных верований и т.д. Так, во главе поворота к технологиям в STS в 1980-е годы стояла концепция социального конструирования технологий (*SCoT – social construction of technology*). Представители этого направления предположили, что строение отдельных технических артефактов – например, велосипеда – полностью обусловлено тем, какие значения, проблемы и их решения относительно этих технологий выдвигают различные социальные группы [Pinch, Bijker, 1984]. Таким образом, как мы видим, в объяснительных моделях социогуманитарных дисциплин то социальное подчиняется технологическому, то наоборот.

Сегодня оба подхода, как уже было упомянуто, являются *крайностями*, от которых исследователи науки и техники стараются откешиваться, хотя обе позиции еще активно присутствуют в публичных дискуссиях. Например, когда использование какой-то технологии приводит к негативным последствиям, общественность занимает позицию конструктивизма и обрушивает критику на тех, кто, по их мнению, *управляет* технологией, то есть на ее производителей или операторов. В свою очередь оправдательная риторика производителей нередко техно-детерминистская: якобы реальность технологии такова [Зубофф, 2022, с. 26], она неизменна, а также объективна и равнодушна по отношению к нашим переживаниям – «Мы не можем ничего поделать». Как мы увидим далее, подобная же двойственность свойственна и социогуманитарным, и публичным дискуссиям о животных.

Так или иначе, проблемная ситуация, в результате которой появился и угас социальный конструктивизм, дает нам крайне важное понимание того, что технология вписана в социальный контекст, а контекст вписан

в нее. Иными словами, технический артефакт непослушен, он не живет той самой автономной, неизменной жизнью, равнодушной ко всему окружающему. Судьба технологии зачастую не движется согласно траектории, которую обозначили разработчики [Latour 2000, p. 12]. Вместо этого артефакт, будучи помещенным в разные социотехнические среды, либо изменяется до неузнаваемости, либо не используется вообще [Akrich, 1992], поскольку он опутывается разными культурными, материальными и другими отношениями.

Что важно для заявленной в данном тексте темы, контекст не ограничивается социальным – очевидно, технология состоит еще и из природного. При этом природное фигурирует здесь не только в виде материала, из которого состоит артефакт, но и в виде упомянутых выше отношений с другими объектами – материальными и нематериальными. Так, в Роттердамском музее естественной истории коллекционируются чучела животных, которые погибают в результате столкновения с антропогенной средой. Один из экспонатов данной коллекции – еж Макфлурри. Свое название он получил в связи с участвовавшими в Великобритании случаями, когда ежи в поисках лакомства засовывают голову в выброшенные стаканчики из-под мороженого, однако выбраться обратно уже не могут и погибают [Писарев, 2020, с. 156–157]. Впоследствии эта проблема получила огласку, и благодаря действиям активистов сеть ресторанов быстрого питания изменила форму стаканчика [Lewis, 2021]. Таким образом, стаканчик (который, стоит заметить, является технологией) спроектирован именно нынешним образом, потому что в него вписаны социальные и природные факторы – активизм и ежи, которые любят сладкое, соответственно.

В исследованиях науки и техники (STS) такой язык описания получил свое развитие благодаря акторно-сетевой теории и смежным направлениям социологии, философии и антропологии. Теоретики снимают дуализм технологического и социального, представляя тот или иной объект в качестве сети отношений между элементами разных порядков. Как в постструктуралистской семиотике значение слова обуславливается его отношениями с другими словами, так и в материальной семиотике (альтернативная версия акторно-сетевой теории) сущность объекта выстраивается через описанные гетерогенные отношения [Law, Mol, 2008, p. 58]. Следствием такого определения технических (и любых других) артефактов становится распределенность действия – оно совершается не одним актором, а целой сетью, которая конституирует и объекты, и саму возможность действия [ibid.]. Благодаря акторно-сетевому языку технологии стали такими же полноценными участниками социальных процессов, как и люди – со своими целями и *голосами*.

Наконец, как мы видим, описанный подход позволяет избежать двух обозначенных крайностей объяснения. Теперь мы не можем заявить ни то, что технологии обуславливают социальное, ни то, что социальное обуславливает науку и технологии. Как по цепочке акторов распределено действие, так распределены и властные отношения. Представим ситуа-

цию, которая имела место во многих европейских гостиницах еще пару десятилетий назад: при выселении постояльцы забывали вернуть ключ от номера сотрудникам, а устные или письменные просьбы не помогали исправить ситуацию. Администраторы решили эту проблему, утяжелив ключи громоздкими брелками, после чего жильцы начали возвращать ключи просто для того, чтобы избавиться от лишнего веса в кармане [Latour, 1990, p. 105]. Кто в данной ситуации смог дисциплинировать постояльцев: администратор или технология? Акторно-сетевые теоретики полагают, что этого добилась цепь из человеческих и нечеловеческих акторов, *заклучивших союз*, – администратора, таблички с просьбой и ключей с брелком. Как мы уже поняли, животные могут становиться такими же своенравными участниками социальных процессов, акторами цепи и узлами гетерогенных сетей.

Непослушное животное

В дискурсе вокруг животных подчинение (через объяснение) выстраивается в виде примерно такого же дуализма, какой мы наблюдали в области технологий. Однако стоит сразу заметить, что проследить историческую сменяемость детерминизмов – условно, биологического и социального – несколько затруднительно. Первый из них остается более приоритетным: мало у кого возникает сомнение в том, что поведение и эволюцию животного объясняют естественные науки. В других объяснениях будто бы нет необходимости, особенно когда речь идет о *дикой природе*. И это неудивительно: в поле технологий изначально возникла более плодородная почва для социального конструктивизма, поскольку все-таки принято считать, что технику изобретает человек. Животные же всегда были частью природы – той среды, которую человек вроде бы не создавал.

Тем не менее конструктивизм скрывается там, где философия определяет науку как процесс, в котором животные и природа в целом становятся все более и более контролируемыми под *светом человеческого разума* (а именно это стремление к предсказуемости, как мы еще увидим далее, является отличительной чертой конструктивизма). В той же мере и становление социальных наук было обусловлено задачей показать, что человек – как животное – управляется не только и не столько биологией, сколько своей социальностью [Мертон, 2006]. Таким образом, все мышление Нового времени построено на том, чтобы противопоставить общество и природу.

В этой оппозиции на сторону общества встают наука, технологии и города – они синонимичны в дуализме против природы. Так, города стали символом прогресса путем снятия тех ограничений, которые накладываются на нашу жизнь природой. Освещение позволяет игнорировать цикл дня и ночи, бетонные стены, отопление и кондиционирование защищают нас от невзгод стихии, а сети супермаркетов позволяют с легкостью «добывать» пищу [Трубина, 2011, с. 135]. В результате если природу принято считать

экосистемой, состоящей из множества населяющих ее видов существ, то город до некоторых пор воспринимался как система, в которой живет только человек. При этом, как и с технологиями, в публичном дискурсе мы все еще наблюдаем метание от одного детерминизма к другому: вроде бы мы стремимся к предсказуемости, однако в случае выхода ситуации из-под контроля апеллируем к *неуправляемости природы* [Там же, с. 160].

Как такой дуализм влияет на построение причинно-следственных связей в рассмотрении отдельных кейсов? Начнем с бытовой ситуации и представим, что в вашем доме уже долгое время живет кот. В один прекрасный день вы приглашаете в гости друга, у которого никогда не было домашних животных. После чаепития вы сворачиваете фантик от конфеты в произвольную форму и бросаете на пол в надежде на то, что животное начнет охотиться за шуршащим предметом. Ваши ожидания не оправдываются – кот не двигается с места, – и вы ловите на себе недоумевающий взгляд товарища. Анализируя эту ситуацию, социальный исследователь скажет, что вы и ваш друг по-разному фреймируете, распознаете произошедшее. Для вас это игровое взаимодействие (хоть и неудавшееся), а для друга, не погруженного в *культуру* сожительства с домашним животным, вы просто намусорили в помещении. Все объяснение сведено к социальному, в котором поведение кота должно было вписаться в эту рамку и соответствовать ожиданиям. В свою очередь фантик (который, как следует в очередной раз отметить, является технологией) в данном случае представляется как инструмент управления предсказуемым поведением животного.

Как мы видим, результат был не таким, каким его ожидали. Следовательно, социологическая объяснительная модель что-то не схватывает. Например, в данной ситуации социология игнорирует то, что этолог мог бы соотнести с генетически обусловленной или выученной реакцией животного. В свою очередь, инженер обратил бы внимание на материал, из которого изготовлен фантик, – ведь именно способность пружинить от поверхности и создавать характерный звук делает его привлекательным для кошачьих.

Игнорируя это, социальный конструктивизм не просто разделяет зоны юрисдикции, полагая, что каждый специалист занимается своими проблемами и способами их решения. Конструктивизм считает это неважным – тем, чем можно пренебречь. Такая позиция предполагает, что реальность действительно может беспрепятственно *конструироваться* человеком как угодно – главное, соответствующим образом выстроить сеть. Как показывает язык акторно-сетевой теории, нечеловеческие акторы могут сопротивляться [Латур, 2006б] и не всегда поддаваться конструированию. Этот язык возвращает нас к важности материального, которое, как мы уже отметили, становится неотъемлемой частью социальных процессов в их новом расширенном понимании. Чтобы сеть, конституирующая тот или иной объект, была выстроена, человеку и нечеловеку необходимо *договориться*.

Опять же, STS-исследователи не должны отныне стать экспертами в естественно-научных и технических областях знания – они должны осуществлять *перевод* между человеческими и нечеловеческими языками. Именно с такой логикой появляется очередное альтернативное название акторно-сетевой теории – социология перевода. Основным принципом такого подхода является использование одного репертуара при описании действий человеческих и нечеловеческих акторов так, будто никаких различий между обществом и природой и не было [Каллон, 2017, с. 202].

Так, в программном кейсе социологии перевода океанологи хотят утвердить некоторый научный факт о поведении морских гребешков одной французской бухты. Чтобы это стало возможным, им приходится проводить *переговоры* как с рыбаками и учеными, так и с самими гребешками и другими морскими обитателями. В этом процессе все участвующие акторы сначала предполагают чужие цели и препятствия к их достижению (проблематизация), затем пытаются навязать другим акторам соответствующее своим предположениям поведение (заинтересовывание) и стабилизируют такой способ действия (вербовка) [Каллон, 2017, с. 206–215]. В рассматриваемом случае океанологи выдвинули гипотезу о том, что в стремлении выжить гребешкам препятствуют течения и морские хищники – то есть они все уже находятся в определенных отношениях, которые необходимо дестабилизировать. Заинтересовывая *испытуемых*, исследователи помещают гребешков в защищающие коллекторы и подвешивают их на *спокойной* глубине. Эти действия и являются переговорами: акторы могут не согласиться с предложенными условиями, как это и было с материалом конструкции – гребешки не прикреплялись к нему, то есть не следовали выдвинутой в их отношении гипотезе. Изменение материала коллектора стало новым *предложением*, с которым гребешки уже *согласились*, а исследователи в итоге смогли утвердить научный факт. Условия этого *договора* могли быть разными, однако ни биологическое, ни социальное не имеют здесь преобладающей объяснительной силы. В социологии перевода это разделение теряет свою значимость.

Возвращаясь к технологиям, стоит напомнить, что STS посвятили большую часть своей истории именно сопоставлению того, как артефакт разрабатывался и как он используется в действительности. Они полагали, что размытия дуализма человека и технологии достаточно, чтобы эмансипировать нечеловека в социальной теории. Однако они не всегда обращали внимание на то, что есть еще одна граница, поддержание которой приводит к затруднениям. Животные, как представители природы, тоже могут быть не только

отдаленными акторами сети, но и пользователями технического устройства, которого в очередной раз зря упускают из виду разработчики. Так, производители автоматических систем доения коров (AMS или *milking robots*) помимо самой технологии активно предлагают фермерам ее сервис: обучающих специалистов, инструкции по переустройству хозяйства, онлайн-форумы для консультаций и многое другое [Finstad et al., 2021, p. 215]. Иными словами, разработчик в целом внимателен к фигуре пользователя, поскольку понимает, что технология будет работать, если сеть к ней подготовлена – фермер обучен¹. Тем не менее программа действий совершенно не принимает во внимание самих животных и их индивидуальности. Выглядит это так, будто при взаимодействии с технологией животные беспрекословно становятся AMS-коровами. В действительности же фермеры зачастую сталкивались с ситуациями, когда коровы пинали устройство, давали меньше молока, отказывались доиться без фермера, не распознавались роботом из-за индивидуальных физических данных и т.д. И все это длилось в течение значительно большего периода времени, чем сроки адаптации, заявленные производителем.

Таким образом, фермерам приходилось учить (адаптировать, настраивать) не только себя, но и каждую отдельную корову и саму технологию [Ibid., p. 218]. В такой ситуации сам термин *машинное обучение* становится проблематичным, поскольку обучается не только машина, но и все имеющие к этому отношению акторы. Животные агенты потому, что они, согласно материальной семиотике, создают ощутимую разницу (*perceprible difference*) [Law, Mol, 2008, p. 58] – они изменяются сами и меняют других акторов. Даже в таких рестриктивных и упорядоченных человеком условиях агрокультуры животные, можно сказать, взаимно контролируют человека и технологию: последним ради достижения своих целей необходимо учитывать запросы животных [Law, Lien, 2014, p. 336], которые как существовали ранее, так и возникли в новых отношениях человека и технологий [Finstad et al., 2021, p. 213]². В итоге, как мы видим, во всех этих историях складывается треугольник отношений биологического, социального и технического, где каждая сторона влияет на другую, не распределяя роли на зависимые и независимые переменные.

Социобиотехническое животное

Таким образом, животные тоже – как и технологии – являются гетерогенным объектом, гибридным. Причем гибридность в данном случае может пониматься двояко. С одной стороны, мы можем подумать, что речь идет о скрещенных видах животных – как суще-

1. Однако даже при условии внимательности к фигуре фермера примечательно, что предполагаются трансформации только пользователя и его среды – сама технология подается как нечто готовое и неизменное – иначе говоря, «если проблемы возникнут, то они в вас, а не в технологии».

2. Разумеется, этот аргумент не позволяет полностью оправдать те меры, которые в критических исследованиях животных считаются неэтичными, – как минимум в данной ситуации возникают новые проблемы, когда фермерам приходится отправлять коров на убой, если те по своим физическим данным не соответствуют стандартам «AMS-коровы» [Finstad et al., 2021, p. 217].

ствующих (вроде лошака или лигра), так и выдуманных (вроде лошади-страуса или коалы-овцы из мультсериала «Аватар»). Несомненно, такой взгляд имеет большое значение для современной философии, демонстрируя, что восприятие животных как представителей *чистых* природных видов не совсем актуально. Проблема в том, что он оставляет нас на одном объяснительном уровне, естественно-научном³. Более того, подобная логика заставляет нас воспринимать гибриды как нечто современное, возникшее благодаря научным методам селекции и исследований генома. Наша же задача – продемонстрировать *нечистые* виды животных как совокупность связей между биологическим, социальным и техническим, которая имела место задолго до развития науки модерна. Отсюда возникает второй способ вообразить представителей фауны в качестве гибридов – семиотический, который уже был упомянут выше.

До этого момента мы гетерогенно рассматривали животных лишь как часть сети, которая конституирует те или иные объекты и действия. В этом смысле погибающие ежи становятся одним из факторов, определяющих форму стаканчика для мороженого, или *согласие* морских гребешков с гипотезами океанологов является обязательной проходной точкой в установлении научного факта. Более того, животные в той же степени вовлекаются современной философией и антропологией в размытие границ человеческого тела, как и технологии. Например, собака-поводырь и белая трость для слепого человека являются не просто отдельными объектами, а актерами одной сети, которая делает возможным передвижение по тротуару для этого гибридного объекта [Курленкова, 2017, с. 124].

При этом язык материальной семиотики предполагает, что любой актер также является сетью в зависимости от того, как мы расставляем акценты. При смещении взгляда на собаку-поводыря человек уже становится частью сети, которая делает животное гетерогенным объектом. В контексте города такое рассмотрение представителей фауны становится наиболее ярким. Например, в ряде стран мира, включая Россию, практикуется девокализация – процедура, в которой голосовые связки животного *подрезаются*, чтобы собаки не лаяли в ночное время и, соответственно, не нарушали закон о тишине [Белова, 2020]. Как мы видим, состояние, казалось бы, биологического тела определяется не только природным законом, но и социальным – разумеется, не без присутствия технологий в этом процессе. Такая же логика может быть применима к лондонским лисам, у которых изменяется строение челюсти в связи с питанием из мусорных баков [Parsons et al., 2020].

Даже само появление животных на свет может быть обусловлено гетерогенными факторами. Так, в конце XX века произошел кризис, связанный с финансовыми спекуляциями. В Джакарте, столице Ин-

донезии, это привело к недостатку средств на завершение постройки высотных зданий. Одновременно с этим произошло сезонное потепление воды в Тихом океане. Как результат всех этих обстоятельств подвалы недостроенных зданий оказались затоплены, что создало благоприятную среду для возникновения комаров, распространивших лихорадку в городе. Получается, в заболевании – и даже в самих комарах – воплотилось социальное в виде финансового кризиса, техническое – в виде зданий и, наконец, природное – в виде потепления океана [Трубина, 2011, с. 148]. Данная проблема – лихорадка – гибридная, а значит, и решение должно быть таким же. При этом обычно подобными ситуациями занимаются эпидемиологи и смежные специалисты. Мы же видим, что избавление от комаров, лечение пострадавших и снижение распространения заболевания (несколько не преуменьшая значимость этих процессов) в данном случае было бы лишь устранением последствий, *симптомов*, а не гетерогенных факторов, которые эту проблему воспроизводят.

Наконец, как было заявлено ранее, сеть может складываться по-разному, конституируя объект в разных его версиях. Сущность дрессированной собаки помимо прочего определяется удержанием стабильного контакта с человеком. Как известно, во время вспыхнувшей несколько лет назад пандемии коронавируса поддерживать этот контакт стало затруднительно, в связи с чем многие оставшиеся в приютах собаки и кошки утратили свои социальные навыки и начали испытывать проблемы со здоровьем [Никитина, 2020, с. 181]. Нарушение стабильных отношений в сети человеческих и нечеловеческих акторов приводит к тому, что сеть либо перестает конституировать некоторый объект, либо делает это иначе – это один из основных уроков ранней акторно-сетевой теории. В данном случае относительно конкретного животного мы задаемся вопросом о том, та же это собака или уже другая?

Однако более поздние акторно-сетевые подходы – в частности, уже названная материальная семиотика – обнаруживают, что *поломки* сети не всегда приводят к краху ее акторов. Один объект может быть множественным в том плане, что его конституируют разные сети – и соответственно, производят его как разные объекты. Мы можем наблюдать разные версии одного и того же животного именно в отличающихся гетерогенных *практиках* [Law, Lien, 2014, p. 329–330]. Так, британские овцы во время распространения острой инфекции в 2001 году задействовались (*enacted*) в четырех разных версиях [Law, Mol, 2008, p. 59]. Согласно ветеринарным практикам клинической диагностики, овца является потенциальным носителем вируса; согласно эпидемиологическим – частью стада с высчитанной вероятностью заражения; согласно экономической – продуктом, имеющим

3. Хотя даже такое буквальное восприятие гибрида не является некорректным. Когда индигенные народы Америки воспринимают всадника конкистадора как один объект – человека-лошадь, – это не говорит об их *нерациональности*: это иначе выстроенные отношения в рамках их понимания связи между человеческим и нечеловеческим [Taussig, 2010, p. 199].

свою поголовную цену; и согласно фермерским – частью стада, целостность которого необходимо поддерживать. Важно отметить, что эти версии – не одно и то же: они могут и включать, и исключать друг друга. Эпидемиологические и ветеринарные практики были взаимозависимы, но в отдельных ситуациях имели определенную иерархию и последствия для жизни скота. Фермерская версия требует поддержания жизнеспособности всего стада, тогда как в экономической версии овца более ценна в умерщвленном виде. Итак, отвечая на вопрос про единство дрессированной собаки во время коронавируса – для нас она все же едина, как и отдельная британская овца. Но это не потому, что так дано от природы, а потому, что мы эти противоречивые между собой версии скоординировали: единство животного – это результат.

При этом обозначенное в предыдущем разделе сопротивление акторов не позволяет собрать лубую сеть (или сети), которая нам только вздумается. Во всех перечисленных практиках британская овца не просто пассивно задействуется, она действует: *демонстрирует* или *скрывает* симптомы, *позволяет* человеку манипулировать с ее телом (чего не сделали бы многие другие животные), *прячется* при помощи фермера от приказа на убой и т. д. Овца не есть что-то, что существует само по себе, – она действует с другими. Однако это не значит, что окружение детерминирует овцу: она сама имеет свое сопротивление, она полна сюрпризов, а ее действия непредсказуемы и недетерминированы [Ibid., p. 72]. Это вновь свидетельствует о том, что, говоря о животным, мы в какой-то степени допускаем конструирование (хотя в современных STS этот язык сменяется терминологией задействования), но это конструирование имеет свои ограничения сопротивлением нечеловеческого и человеческого.

Заключение

В данной статье мы продемонстрировали, что мышление модерна строится на дуализмах «общество – природа» и «общество – технологии». Такое мышление заставляет нас смотреть на технологии и животных схожим образом, редуцируя их либо к социальному, либо к техническому/природному. В модерне подобный взгляд поддерживается так называемой практикой *очищения*, когда объекты, изначально данные нам в гибридном виде, представляются изолированно от их гетерогенных отношений, а каждая отдельная дисциплина берет на себя лишь часть этих объектов [Латур, 2006в, с. 71]. Можно сказать, что исследования науки и техники (STS) отчасти разобрались со своим дуализмом. Соответственно, использованный для этого язык акторно-сетевой теории и смежных направлений, как мы показали выше, может быть заимствован междисциплинарной областью исследований животных (*animal studies*) для размытия их дуализма. В итоге рассмотренные кейсы обращают эти отношения в треугольник социального, природного и технического.

В таком треугольнике отношений животные наряду с технологиями *стучатся* в социальное, которое отныне понимается не как «вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а [как] тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [Латур, 2014, с. 16]. С помощью рассмотренного языка мы избегаем парадокса Плуто, который возникает из-за стремления коснуться только наиболее трудного для объяснения случая (*hardest possible case*). Это позволяет нам обратить внимание даже на тех животных, которые кажутся нам менее проблемными и более очевидными в своей агентности, чем виды *без голоса*. В действительности, как мы видим, собаки и кошки, овцы и коровы могут быть акторами и сетями, которые могут создавать ощутимую разницу (*perceptible difference*), то есть изменяться и менять других акторов и их сети.

С одной стороны, сетевая логика делает нас более внимательными к окружающей среде. В целом мы начинаем воспринимать как единицу эволюции не просто отдельный вид животного, а вид в совокупности с его окружающей средой, потому что, к примеру, эволюция лошади не может совершаться и рассматриваться в отрыве от эволюции ее окружающей среды [Бейтсон, 2005, с. 219]. С другой стороны, теперь говорить об окружающей среде становится затруднительно, поскольку подобная формулировка чертит границу между объектом и тем, что его окружает. Как мы увидели, объект вписан в контекст (актор в сеть), а контекст вписан в него (сеть в актора) – среда становится не только окружающей, но и внутренней [Бек, 1999, с. 99]. Отсюда появляется тезис о том, что животные не являются *чистыми* видами, то есть объектами, принадлежащими безобидной природе. Такое ее восприятие и вовсе возникает только в рамках противопоставления с обществом и городами. В мышлении модерна мы создаем такой образ природы, которой она никогда не была [Пшера, 217, с. 172]. Теперь же мы представляем и города, и природу одной гетерогенной социобиотехнической средой.

Когда мы принимаем этот тезис, мы можем совершенно иначе смотреть на проекты, которые в треугольнике взаимовыгодного взаимодействия решают общие проблемы – как в городах, так и в *дикой природе*. Так, в Калифорнии союз почтовых голубей, художников и инженеров – Pigeon Blog – позволяет получать данные о загрязнении воздуха. На туловище птиц прикрепляют не влияющие на их жизнедеятельность датчики. Последние дают более актуальную информацию о качестве воздуха, чем та, которая собирается официальной системой, поскольку полет голубя реализуется в большей вариации высот и городских местностей [DaCosta, 2008, p. 377]. Подобным же образом функционирует проект «Интернет животных», который помещает датчики на представителей разнообразных видов животных в самых удаленных уголках природы. Отслеживание поведения птиц, насекомых и зверей позволяет предотвращать условия вымирания видов, а также предсказывать природные катастрофы вроде землетрясений, цунами и извержений вулканов [Пшера, 2017].

Наконец, стоит отметить, что такое рассмотрение животных оказывается продуктивным и для самих STS. Исследование роботов для доения коров демонстрирует, что технология может работать нестабильно, даже если мы учитываем пользователей, но игнорируем кого-то другого – таких же непослушных и сопротивляющихся конструированию животных. Более того, этот же кейс и «Интернет животных» обращают наше внимание на уникальное поведение каждой живой единицы. Это представляется важным для избежания спесицизма, который все еще имеет место, когда мы воспринимаем животных видами, а не индивидуальностями [Пшера, 2017, с. 114]. Отдельное существо становится *рискованным* объектом, который непредсказуем в связи с изменчивостью гетерогенных отношений [Латур, 2018, с. 28].

Источники

- Бейтсон Г. (2005) Шаги в направлении экологии разума. М.: Эдиториал УРСС.
- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
- Белова Н. (2020) «Не надо штрафовать за один «гав»: зоозащитники – о наказании за лай в ночное время//Вечерняя Москва. Режим доступа: <https://vm.ru/society/796804-ne-nado-shtrafovot-za-edinichnyj-gav-zoozashita-ocenila-shtrafy-za-laj-sobak> (дата обращения 05.04.2024).
- Бычкова О.В. (2020) Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет?//Социология науки и технологий. Т. 11. № 3. С. 7–21.
- Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара.
- Каллон М. (2017) Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё//Философско-литературный журнал «Логос». Т. 27. № 2 (117). С. 49–94.
- Кон Э. (2022) Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем.
- Курленкова, А.С. (2017) Работа тела и технологий: анализ практик чтения и письма в Курском музыкальном колледже-интернате слепых//Социология власти. Т. 29. № 3. С. 122–143.
- Латур Б. (2006а) Где недостающая масса? Социология одной двери//Социология вещей. Москва: Издательский дом «Территория будущего». С. 199–222.
- Латур Б. (2006б) Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки//Социология вещей. М.: Издательский дом «Территория будущего». С. 342–363.
- Латур Б. (2006в) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2014) Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Латур Б. (2015) Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2018) Политики природы: как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Мертон Р. (2006) Социальная структура и anomia//Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ.
- Никитина Е. (2020) «В отношениях»: как животные и их люди переживают карантин//Прошай, COVID? М.: Издательство Института Гайдара. С. 167–192.
- Никитина Е.Б. (2019) Исследования животных: непослушные заметки по краям//Социология власти. Т. 31. № 3. С. 1–30.
- Писарев А. (2020) Вирус и риск. К онтологии эпидемического существования//Прошай, COVID? М.: Издательство Института Гайдара. С. 155–166.
- Пшера А. (2017) Интернет животных. Новый диалог между человеком и природой. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Раффлз Х. (2019) Инсектопедия. М.: Ад Маргинем.
- Трубина Е.Г. (2011) Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение.
- Урри Дж. (2012) Мобильности. М.: Праксис.
- Akrich M. (1992) The De-Scriptio of Technical Objects//Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change/W. Bijker, J. Law (eds.). Cambridge, MA: MIT Press. P. 205–224.
- Berg E. (2019) The Pluto Paradox//A Berg's Eye View. Пежим доступа: <https://abergseyview.com/blog/2019/12/7/the-pluto-paradox> (дата обращения 05.04.2024).
- Berland J. (2008) Cat and Mouse: Iconographics of Nature and Desire//Cultural Studies and Environment. Vol. 22. No. 3–4. P. 431–454.
- Collins H.M. (1982) Special Relativism: The Natural Attitude//Social Studies of Science. Vol. 12. No. 1. P. 139–143.
- Da Costa B. (2008). Reaching the Limit: When Art Becomes Science//Tactical Biopolitics: Art, Activism, and Technoscience. Cambridge, MA: MIT Press. P. 365–386.
- Ferrari A. (2015) Animals and Technoscientific Developments: Getting Out Of Invisibility//NanoEthics. Vol. 9. P. 5–10.
- Finstad T., Aune M., Egseth K.A. (2021) The Domestication Triangle: How Humans, Animals and Technology Shape Each Other–The Case of Automated Milking Systems//Journal of Rural Studies. Vol. 84. P. 211–220.
- Haraway D.J. (2008) When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Latour B. (1990). Technology Is Society Made Durable//The Sociological Review. Vol. 38. No. 1. P. 103–131.
- Latour B. (2000) PROTEE PROCédures dans les Transports d'Evaluation et de suivi des innovations considerées comme des Expérimentations collectives. Final Report for Publication//Bruno Latour. Режим доступа: <http://www.bruno-latour.fr/node/557> (дата обращения 05.04.2024).
- Law J., Lien M.E. (2014). Animal Architectures 1//Objects and Materials. The Routledge Companion. L.: Routledge. P. 329–337.
- Law J., Mol A. (2008). The Actor-Enacted: Cumbrian Sheep in 2001//Material Agency: Towards a Non-anthropocentric Approach. N.Y.: Springer. P. 57–77.
- Lewis J. (2021) How A Hedgehog Led To A McFlurry Cup Design Change//Mashed. Режим доступа: <https://www.mashed.com/469547/how-a-hedgehog-led-to-a-mcflurry-cup-design-change/> (дата обращения: 05.04.2024).
- Parsons K.J., Rigg A., Conith A.J., Kitchener A.C., Harris S., Zhu H. (2020). Skull Morphology Diverges between Urban and Rural Populations of Red Foxes Mirroring Patterns of Domestication and Macroevolution//Proceedings of the Royal Society B. Vol. 287. DOI: <http://doi.org/10.1098/rspb.2020.0763>.
- Pinch, T.J., Bijker, W.E. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other//Social Studies of Science. Vol. 14. No. 3. P. 399–441.
- Taussig M. (2010) Animism and the Philosophy of Everyday Life. Le Tour de Tiergarten//Animism. Berlin: Sternberg Press. Vol. 1. P. 199–201.

THE DISOBEDIENT ANIMAL IN THE SOCIO-BIO-TECHNICAL ENVIRONMENT: BETWEEN STS AND ANIMAL STUDIES

Ilya V. Smirnov, social researcher in science and technology studies (STS), European University at Saint Petersburg (EUSP), 6/1A Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russian Federation; Lecturer, Digital Humanities Center, ITMO University, 49 Kronverksky Ave., St. Petersburg, 197101, Russian Federation.
E-mail: smirnov.iw@gmail.com

Animals and technologies have much in common. Within technological and biological determinisms they are endowed with unquestionable power over the social; but within social constructivism they are reduced to instrumental functions and cultural symbols. However, after all these operations we still claim: "They are different". The boundaries between nature, technology, and society remain immutable. However, science and technology studies (STS) and posthumanism attempt to blur these boundaries. Researchers suppose that technologies are not the functional and apolitical embodiment of rationality which we are accustomed to perceive them as. Each technology has its own destiny. Depending on the environment, it can resist the developer's design, acquire cultural meanings and practices, not function at all, or even take part in the distribution of power relations, becoming a legitimate actor in social processes. This approach blurs the boundaries between the social, the technical, and the natural. The article brings the logic of STS to animal research. Previously, animals were exclusively part of nature, and scientific knowledge made them controllable and predictable. Instead, at the intersection of STS and animal studies, animals also become legitimate actors in social processes—they have agency, mutability, and the ability to transform other actors—people, technologies, etc. It can be assumed that such hybridity becomes possible in a high-tech environment such as the urban space. Within this language animals even in nature can be presented as not just as a biological, but also a social and even technical, subject. The technological (society, science and cities) and the natural are no longer opposing poles—they are a heterogeneous socio-bio-technical environment.

Keywords: animal studies; science and technology studies (STS); socio-bio-technical environment; technological determinism; social constructivism

Citation: Smirnov I.V. (2024) The Disobedient Animal in Socio-Bio-Technical Environment: Between STS and Animal Studies. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202423-32>

References

- Akrich M. (1992) The De-Description of Technical Objects. *Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change*/W. Bijker, J. Law (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, pp. 205–224.
- Bateson G. (2005). Shagi v napravlenii ekologii razuma [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology]. Moscow: Editorial URSS. (in Russian)
- Beck U. (2000) Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya. [Progress-Tradition] (in Russian)
- Belova N. (2020) «Ne nado shtrafovati' za odin «gav»: zozashhitniki—o nakazanii za laj v nochnoe vremja [Don't Fine for One "Woof": Animal Rights Activists Talk about Punishment for Barking at Night]. *Vechernjaja Moskva* [Evening Moscow]. Available at: <https://vm.ru/society/796804-ne-nado-shtrafovati-za-edinichnyj-gav-zozashhitniki-ocenila-shtrafy-za-laj-sobak> (accessed 05.04.2024). (in Russian)
- Berg E. (2019) The Pluto Paradox. *A Berg's Eye View*. Available at: <https://aberg-seyeviev.com/blog/2019/12/7/the-pluto-paradox> (accessed 05.04.2024)
- Berland J. (2008) Cat and Mouse: Iconographics of Nature and Desire. *Cultural Studies and Environment*, vol. 22, no 3–4, pp. 431–454.
- Bychkova O.V. (2020) Issledovaniya nauki i tehnologij (STS): chemu nachili nas za 50 let? [Science and Technology Studies (STS): What Have We Learned in 50 Years?] *Sociologiya nauki i tehnologij* [Sociology of Science and Technology], vol. 11, no 3, pp. 7–21. (in Russian)
- Callon M. (2017) Nekotorye jelementy sociologii perevoda: priruchenie morskikh grebeshkov i rybolovov buhty Sen-Brijo [Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Briec Bay]. *Logos*, vol. 27, no 2, pp. 49–94. (in Russian)
- Collins H.M. (1982) Special Relativism: The Natural Attitude. *Social Studies of Science*, vol. 12, no 1, pp. 139–143.
- Da Costa B. (2008). Reaching the Limit: When Art Becomes Science. *Tactical Biopolitics: Art, Activism, and Technoscience*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 365–386
- Ferrari A. (2015) Animals and Technoscientific Developments: Getting Out of Invisibility. *NanoEthics*, vol. 9, pp. 5–10.
- Finstad T., Aune M., Egseth K.A. (2021) The Domestication Triangle: How Humans, Animals and Technology Shape Each Other—The Case of Automated Milking Systems. *Journal of Rural Studies*, vol. 84, pp. 211–220.
- Haraway D.J. (2008) When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kohn E. (2022) Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka [How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Kurlenkova, A.S. (2017) Rabota tela i tehnologij: analiz praktik chtenija i pis'ma v Kurskom muzykal'nom kolledzhe-inter-nate slepyh [The Work of the Body and Technology: Analysis of Reading and Writing Practices at the Kursk Music Boarding College for the Blind]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], vol. 29, no 3, pp. 122–143. (in Russian)
- Latour B. (1990). Technology Is Society Made Durable. *The Sociological Review*, vol. 38, no 1, pp. 103–131.
- Latour B. (2015) Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo» [The Pasteurization of France]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Latour B. (2000) PROTEE PRocédures dans les Transports d'Evaluation et de suivi des innovations considerées comme des Expérimentations collectives. Final Report for Publication. *Bruno Latour*. Available at: <http://www.bruno-latour.fr/node/557> (accessed 05.04.2024). (in Russian)
- Latour B. (2006a) Gde nedostayushchaya massa? Sociologiya odnoj dveri [Where Are the Missing Masses, Sociology of a Few Mundane Artefacts]. *Sociologiya veshchej*. [The Sociology of Things]. Moscow: Izdatel'skij dom "Territoriya budushchego", pp. 199–222.

- Latour B. (2006a) *Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyj vklad «issledovaniy nauki» v obshchestvennyye nauki* [When Things Strike Back: A Possible Contribution of 'Science Studies' to the Social Sciences]. *Sociologiya veshchej* [The Sociology of Things]. Moscow: Izdatel'skij dom "Territoriya budushchego", pp. 342–363. (in Russian)
- Latour B. (2006b) *Novogo Vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii* [We Have Never Been Modern]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University in St. Petersburg Press] (in Russian)
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktor-no-setevuju teoriiju* [Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki [Publishing House of Higher School of Economics] (in Russian)
- Latour B. (2018) *Politiki prirody: kak privit' naukam demokratiju* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Law J., Lien M.E. (2014). *Animal architectures 1. Objects and Materials* in: A Routledge Companion, pp. 329–337.
- Law J., Mol A. (2008). *The actor-enacted: Cumbrian sheep in 2001. Material agency: Towards a non-anthropocentric approach*, pp. 57–77.
- Lewis J. (2021) *How A Hedgehog Led To A McFlurry Cup Design Change*. *Mashed.com*. Available at: <https://www.mashed.com/469547/how-a-hedgehog-led-to-a-mcflurry-cup-design-change/> (accessed: 05.04.2024).
- Merton R. (2006) *Social'naya struktura i anomiya* [Social Structure and Anomie] // Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura*. Moscow: AST, pp. 243–281. (in Russian)
- Nikitina E. (2020) *"V otnoshenijah": kak zhivotnye i ih ljudi perezhivajut karantin* ["In a Relationship": How Animals and Their People Survive Quarantine]. *Proshhaj, COVID?* [Goodbye, COVID?]/M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Gaidar Institute Press], pp. 167–192. (in Russian)
- Nikitina E.B. (2019) *Issledovaniya zhivotnyh: neposlushnye zametki po krajam* [Animal Studies: Naughty Notes around the Edges]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], vol. 31, no 3, pp. 1–30. (in Russian)
- Parsons K.J., Rigg A., Conith A.J., Kitchener A.C., Harris S., Zhu H. (2020). *Skull Morphology Diverges between Urban and Rural Populations of Red Foxes Mirroring Patterns of Domestication and Macroevolution*. *Proceedings of the Royal Society B.*, vol. 287, DOI: <http://doi.org/10.1098/rspb.2020.0763/>
- Pinch, T.J., Bijker, W.E. (1984) *The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other*. *Social Studies of Science*, vol. 14, no 3, pp. 399–441.
- Pisarev A. (2020) *Virus i risk. K ontologii jepidemicheskogo sushhestvovaniya* [Virus and the Risk. Towards the Ontology of Epidemic Existence]. *Proshhaj, COVID?* [Goodbye, COVID?]/M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Gaidar Institute Press], pp. 155–166. (in Russian)
- Pschera A. (2017) *Internet zhivotnyh. Novyj dialog mezhdum chelovekom i prirodoy* [Animal Internet: Nature and the Digital Revolution]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Raffles, H. (2019) *Insectopedia* [Insectopedia]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Taussig M. (2010) *Animism and the Philosophy of Everyday Life. Le Tour de Tiergarten*. *Animism*. Berlin: Sternberg Press, vol. 1, pp. 199–201.
- Trubina E.G. (2011) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The City in Theory: Experiments in Understanding of Space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New literature review]. (in Russian)
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praksis. (in Russian)
- Zuboff Sh. (2022) *Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh rubezhah vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Gaidar Institute Press]. (in Russian)

Нечеловеческие животные в городских пространствах

Марк Мефёд

Частный закрытый поселок Нордельта в составе муниципалитета Тигре-Партидо провинции Буэнос-Айрес с населением 25 000 человек ничем не отличался бы от множества других подобных городских пространств, если бы не одно событие. В 2020 году во времена активной фазы COVID-19, когда большинство жителей находились на карантине, общественные места стали пристанищем капибар¹. Капибары появились в этом поселке и раньше, но в основном выбирались из своих укрытий только по ночам. Это не доставляло особого дискомфорта местным жителям. Однако ситуация времен распространения COVID-19 стала по-настоящему конфликтной. В отсутствие жителей капибары сначала облюбовали публичные пространства, а после засушливой зимы, уничтожившей большую часть травы, начали появляться и на частной территории: в садах и на лужайках возле дома, поедая газон и кусты роз. Группы капибар свободно передвигались по городу, иногда доставляя проблемы жителям, становясь причиной ДТП, сбивая курьеров с велосипедов, а также атакуя домашних животных.

Строительство поселка в 1999 году подвергалось критике экологами: для Нордельта была выбрана заболоченная территория реки Прана, которая была местом обитания в том числе и капибар [Nugent, 2022]. Поэтому появление капибар в городе было вопросом времени, конфликт между капибарами и человеком спустя определенное время должен был выйти наружу. Власти и жители города, пытаясь разрешить его, приняли решение ограничить численность капибар с помощью вазэктомии и создать новые благоприятные места обитания, которые капибары предпочли бы садам.

В декабре 2023 года в Омске садовое товарищество «Земля Сибирская» и несколько других товариществ по соседству столкнулись с «нашествием косуль» [Демина, 2024], также небольшое количество косуль было замечено на улицах самого города. Появление косуль в человеческом городском пространстве было спровоцировано недостатком корма, «оказавшегося под ледяной коркой» [Демина, 2024], а также отсутствием «переходов для животных через автомобильные и железные дороги» [Фомина, 2024], которые могли бы помочь им мигрировать

Мефёд Марк Владиславович, независимый исследователь, Российская Федерация, 143911, г. Балашиха, мкр. 1 Мая, д. 34.
E-mail: fleainmyhead@gmail.com

В статье обсуждается взаимодействие нечеловеческих животных с человеческими животными в городских пространствах и конфликты, возникающие из-за этих взаимодействий. Выдвигается предположение, что эти конфликты часто возникают из-за того, что городские пространства спроектированы и контролируются людьми без учета потребностей и агентности животных и утверждается, что антропоцентрическая перспектива, доминирующая в современной политической теории города, часто приводит к исключению, контролю или уничтожению нечеловеческих животных, если они разрушают установленный человеком порядок.

Автор выступает за признание нечеловеческих животных законными городскими обитателями, обладающими правом влиять на организацию городского пространства, что предполагает включение и интеграцию нечеловеческих животных в политические процессы, признание их агентности и возможность влиять на формирование города посредством выражения потребностей и интересов. Предполагается, что это может привести к более гармоничным взаимодействиям между людьми и животными в городских пространствах, что превратит город в межвидовое пространство. Автор ставит под вопрос традиционные представления о городском развитии и управлении и призывает к пересмотру отношений между людьми и животными в городском пространстве.

Ключевые слова: нечеловеческие животные; агентность; политическая теория; городское пространство; межвидовой город

Цитирование: Мефёд М. В. (2024) Нечеловеческие животные в городских пространствах // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 33–43. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202433-43>

1. Крупное полуводное млекопитающее, относящееся к отряду грызунов.

в другие районы в поисках пищи. Оказавшись в городской среде, косули не знали, как себя вести: постоянно врзались в заборы, падали, убегали при виде людей и собак, застревали в человеческих сооружениях и замерзали. В конечном итоге более 100 косуль погибли только в «Земле Сибирской», не найдя выхода из товарищества и умерев от истощения. Мертвые тела многих косуль до сих пор находятся в городском пространстве, что по заверению некоторых жителей выглядит пугающе. Власти пытаются разрешить этот конфликт, отлавливая животных и возвращая обратно в лес или подкармливая их. Надо сказать, что им с трудом это удается, учитывая, что никто не хочет брать ответственность за устранение последствий (никто тем более не рассуждает о том, как в следующем году предотвратить подобное).

В 2015 году аэропорт Схипхол в Амстердаме столкнулся с проблемой. Голландская популяция серых гусей, численность которых в 1970-х составляла всего восемь пар, выросла до сотен тысяч. Рядом с аэропортом находятся сельскохозяйственные угодья, которые отличаются «высоким качеством из-за того, что фермеры часто используют удобрения» [Meijer, 2017, p. 221], и болотистая местность, которая служит местом отдыха для гусей. Все эти факторы привлекают птиц. Однако такое соседство создает опасность для полетов [Boztas, 2022].

Первым ответом властей на возникшую проблему было убийство птиц с помощью устройств, которые активисты называли «мобильными газовыми камерами» [Meijer, 2017, p. 221]. Однако это не дало никакого результата: «в 2013 г. таким образом было убито 15000 гусей», но «популяция сократилась лишь на 600 особей» [Ibid., p. 221]. Поэтому активисты и ученые призывают к другим попыткам разрешить возникший конфликт. Например, «сделать <...> землю менее привлекательной, меняя способ посева» [Boztas, 2022], установить солнечные батареи или роботов птиц, которые будут отпугивать гусей. Одно из последних предложений – выпускать свиней после сбора урожая на территории, на которые прилетают гуси, чтобы свиньи их отпугивали.

На фоне частых трагедий с участием бездомных собак (например, весной 2023 года в Оренбурге бездомные собаки загрызли ребенка [РБК, 2023]) – в июле 2023 года был подписан закон, запрещающий самовыгул домашних животных [РБК, 2023].

Поправки были внесены в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статья 13 теперь исключает «возможность свободного, неконтролируемого передвижения животного вне мест, разрешенных решением органа местного самоуправления для выгула жи-

вотных». Если раньше был перечень конкретных мест в городе (например, детские и спортивные площадки), где самовыгул был запрещен, то теперь весь город стал недоступен для домашних животных без сопровождения человеком.

Помимо ограничения передвижения домашних животных в городских пространствах, этот закон дал новые полномочия регионам самим решать, что делать с бездомными животными, и принимать для этого соответствующие законодательные акты. Появилась развилка между следующими вариантами: продолжать реализовывать федеральную программу ОСВВ (отлов – стерилизация – вакцинация – возврат) или создать свои собственные методы контроля за бездомными животными. На этом фоне власти Бурятии приняли закон, фактически разрешающий убийство бездомных животных [Народный Хурал Республики Бурятия, 2023]². Чукотка также «единогласно приняла закон, разрешающий эвтаназию дворняг», а «Забайкалье, Республика Алтай, Магаданская и Астраханская области убой живых существ позволили себе ранее» [Тарасов, 2024].

При этом нельзя сказать, что запрет на нахождение одомашненных животных в публичных местах и убийство животных – исключительно специфика России. Например, не так давно, в 2016 году, появился запрет на перевозку собак и других животных в нью-йоркском метро [Metropolitan Transportation Authority, 2024], если они не находятся в специальных переносках [Wolfson, 2019]. Что касается отстрела, то подобная практика осуществляется в Азербайджане [Sputnik.Азербайджан, 2019], а также иногда применяется в Индии [Narayanan, 2017].

Зимой 2023 года бык Рикардо сбежал с бойни в Ньюарке. Двигаясь в неизвестном направлении, он был замечен на железнодорожных путях рядом с вокзалом Newark Penn, что «нарушило движение между станциями Newark Penn Station и New York Penn Station». Однако после поимки его не вернули обратно на бойню, а отправили в приют для животных (*sanctuary*) Skylands Animal Sanctuary & Rescue в городе Вантедж [Gordon, 2023]. И это лишь один из тысячи случаев таких побегов [Hribal, 2011; Colling, 2021].

Можно заметить, что, вопреки распространенному мнению, «люди никогда не были единственными животными, живущими в городах» [Shingne, 2022, p. 114]. Наряду с ними в урбанизированной среде жили и продолжают жить множество других видов животных. Помимо одомашненных животных, кошек и собак, которые делят с нами пространство внутри наших домов и квартир, стоит также помнить о сельскохозяйственных животных, которые являются частью городского ландшафта, несмотря на то что их жизнь и смерть вынесены далеко за пределы досягаемости взглядов жителей [Arcari, Probyn-Rapsey,

2. «Верховный суд Бурятии частично удовлетворил иск эоактивистов – до решения Конституционного суда приостановили пункт закона, в котором говорится, что если собака оказалась не востребована в отлове в течение 30 дней, то она подлежит эвтаназии. Теперь в республике можно умерщвлять лишь агрессивных бродячих животных» [UlanMedia, 2024].

Singer, 2021]. Дикие и лиминальные животные³ также делят с нами города, так как города предоставляют богатые возможности для их выживания и адаптации. Хотя город в первую очередь создается для людей, люди далеко не единственные, кто им пользуется. Урбанизированная среда стала пространством жизни для многих видов животных.

Однако, как видно, существует конфликт между присутствием и проявлением агентности (*agency*)⁴ животных в городе и ответом со стороны городского права и городской политики на это присутствие и проявление агентности. Животные заявляют о себе и претендуют на некоторое пространство внутри города, тогда как город делает многое для того, чтобы либо избавиться от этого присутствия, либо сделать так, чтобы определенные виды животных не выходили за границы пространств обитания, очерченные для них людьми. Нельзя не заметить, что в последнее время все чаще ответ на присутствие животных в городе выглядит более мягким и компромиссным, однако это не всегда так: жесткие практики изгнания животных из города (включая физическое уничтожение животных) все так же применяются по отношению к животным.

Что объединяет между собой вышеперечисленные случаи?

1) Первичная реакция на столкновение с животными: от них хотят избавиться или вернуть обратно в те места и те территории, которые были ими покинуты; таким образом люди пытаются сохранить границу существования, пролегающую между людьми и животными [Elder, Wolch, Emel, 1998];

2) животные рассматриваются зачастую как виновники произошедшего, тогда как человеческие поступки, которые стали катализатором тех или иных действий, не принимаются в расчет;

3) возникающий конфликт разрешается без участия животных, несмотря на то, что они в том или ином пространстве находились до нас [Деррида, 2008], а значит, имеют право на то, чтобы и их позиция была рассмотрена и услышана [Meijer, 2023].

В связи с этим возникает несколько вопросов. Почему животным нет места в городском пространстве (а в некоторых случаях его остается все меньше) и почему их лишают автономии, какой ответ можно дать на присутствие животных в городе и зачем конструктивно реагировать на это присутствие?

Животные в политической теории

Устройство города, техника его строительства напрямую зависят от политической теории. Нам нужно

обратиться к ее истокам, чтобы понять, какие идеи обрамляют создание города и почему в них нет места животным.

Рассмотрим один из ключевых отрывков из «Политики» Аристотеля: «Между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, и равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость, и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [Аристотель, 1983, с. 379].

Для Аристотеля только люди обладают речью, логосом, который позволяет отличать им справедливое от несправедливого, полезное от вредного. Наличие логоса дает людям возможность в аргументированной форме высказывать свои интересы и требования. Животные же не обладают логосом, могут воспринимать только печаль и радость, удовольствие и боль. Они не способны быть настолько разумными, что это позволило бы им выражать свои интересы и требования в форме осмысленного высказывания. Поэтому люди могут быть частью политического сообщества, политических отношений и полиса, а животные не могут [Donaldson, Kymlicka, 2015].

Существует прямая связь между полисом и логосом. Полис создается теми и для тех, кто обладает логосом. Современная политическая теория, политическая теория города и сама техника строительства города наследуют во многом этой связке. Как следствие, нечеловеческие животные, которые всегда были в городе, остаются невидимы для города. Политическая теория города и сам город слеп к ним, потому что они не являются частью общности, обладающей логосом.

Такая техника связывания полиса с логосом и разграничения человеческих животных от нечеловеческих, переформатирующая город, работает таким образом, что город отдаляется от животных. Город показывает, что он является человеческим местом, в котором места неконтролируемой природы и нечеловеческим животным нет.

Логос ассоциируется с порядком. Этот порядок может быть создан людьми, обладающими логосом.

3. Животные, которые являются дикими, но живут в районах обитания человека [Donaldson, Kymlicka, 2011].

4. Агентность «означает воздействие на мир такими способами, которые отражают желания или волю субъекта» [Blattner, Donaldson, Wilcox, 2020, р. 4]. Однако «желания и воля не возникают в вакууме». В их формировании, а следовательно, и в самом понятии агентности «важную роль играют отношения – на индивидуальном уровне, а также на уровне социальных, политических и культурных структур. Другими словами, всегда существует взаимодействие между агентностью и окружающей средой животного. Социальные, политические и культурные структуры могут ограничивать возможность проявления агентности животных», но также могут служить катализатором для ее проявления [Meijer, Bovenkerk, 2021, р. 54–55].

Животные в городе являются агентами хаоса и постоянно привносят его. Хаос связан с беспорядочностью, с некоторой природной беспорядочностью, животной эмоциональностью, нестабильностью и иррациональностью. Тогда как город – это пространство логоса, который противится хаосу природы, частью которой являются нечеловеческие животные. Каждый раз, когда хаос себя проявляет, логос ему отвечает вычеркиванием его из своих пространств и навязыванием ему жестких ограничений в отношении тех мест, где он должен находиться.

Можно обнаружить связь между полисом, логосом, человеком, современным городом и политической теорией города, с одной стороны, и хаосом, природой и нечеловеческими животными – с другой. Городу не нужен необузданный хаос, поэтому он отводит определенные места для его существования, делает так, чтобы он всегда находился под пристальным логосом, или пытается его уничтожить, когда он нарушает определенный порядок пространства.

Природа в городе должна быть контролируемой. Если она есть, то это, например, деревья, которые должны высаживаться в определенных местах, и парки, которые должны располагаться в определенных частях города и не выходить за их пределы. То же самое происходит и с животными. Если это сельскохозяйственные животные, то побег с бойни будет рассматриваться как потеря контроля над ними или временное помешательство животного – ситуация хаоса, вышедшего за очерченные для него границы [Gillespie, 2016; Colling, 2021]. Если это домашние животные, свободно гуляющие по городу, – это ситуация, в которой появляется опасность для окружающих, потому что никогда не понятно, как поведет себя хаос, когда столкнется с логосом. В случае с дикими животными этот контакт выглядит еще более опасным и устрашающим. Лиминальные животные могут быть переносчиками болезней, поэтому их тоже следует контролировать: либо не позволять им покидать места их обитания, либо делать все для того, чтобы эти места стали менее привлекательными и они не задерживались в них надолго, либо располагать эти места так, чтобы они находились вдали от человека [Shingne, 2022].

Городу нужны только покорные животные-инструменты [Shingne, 2020], которых он может контролировать. Он относится к ним через прагматическую призму: терпит их только в том случае, если они могут принести ему пользу [Narayanan, 2017]. Сельскохозяйственные животные нужны были и продолжают быть нужными для развития города. Животные, которые выступают в цирке, или животные, находящиеся в зоопарках, нужны для того, чтобы людям было где проводить досуг. Домашние животные могут служить антистрессом [Крылова, 2023]. Даже бездомные собаки могут быть полезны. По ним можно изучать, как урбанизация влияет на здоровье людей (они являются переносчиками болезней человека; по ним также можно отслеживать загрязнение окружающей среды).

Однако в тот момент, когда животные подрывают структуру города, ломая установленные границы мест, в которых им предписали находиться, они становятся неуместными (*out-of-space*) [Srinivasan, 2013, p. 107]. До тех пор, пока они занимают предписанные им места, они любимы, полезны, мы смиряемся с нахождением их рядом с нами. Но если они подрывают эту структуру, они становятся непокорными вредителями и уничтожаются [Philo, Wilbert, 2000; Narayanan, 2017]. Так выглядит один из возможных ответов логоса на столкновение с хаосом.

Здесь возникает другой вопрос: почему от сосуществования с животными мы приходим к их уничтожению, когда они не подчиняются? Одним из ответов может быть то, что проявление агентности животных, сопротивление животных внушают нам страх. Во-первых, страх возникает от осознания того, что мы тоже являемся животными, мы не полностью определяемся логосом, внутри нас есть и хаос, который был искусственно вытеснен. Мы не являемся только и исключительно людьми, мы также в большой степени животные. Убийство и репрессивные меры в отношении животных возникают как ответ на это осознание и как попытка вытеснить из мыслей это озарение [Weisberg, 2011]. Во-вторых, страх возникает оттого, что структура города разваливается. Конфликт между человеком и животными, который пытается спрятать политическая теория, вновь возрождается в пространстве города. Этот конфликт никуда не исчезает, потому что животные всегда рядом с нами и постоянно проявляют себя и свою агентность. Страх перед животным состоянием хаоса провоцирует политическую теорию на устранение этого конфликта. Все это достаточно хорошо видно на примере политической теории Томаса Гоббса.

В теории Гоббса в естественном состоянии люди являются животными. Непосредственно человеком человек становится в гражданском состоянии, которое возникает посредством использования речи и метода. Без речи и метода люди не могут заключить общественный договор. Однако не только речь и метод толкают еще-не-людей к заключению договора, но и страх быть убитыми в естественном состоянии. Поэтому одна из функций договора – создание безопасного политического сообщества, свободного от естественного, природного, хищнического образа жизни. Важно то, что такая схема создает границу между человеком и животным. В естественном состоянии существует животное, в гражданском состоянии животности нет места, и нам является подлинный человек: государство (*commonwealth*) возникает в процессе гуманизации.

Однако животность, существующая как аффективная часть человека, как таковая на самом деле никуда не исчезает, она лишь искусственно купирруется, всегда присутствуя в нас. Когда Гоббс говорит о том, что люди являются животными, он лишает их человеческой исключительности: ни разум, ни свободная воля, ни душа не могут быть их отличительной особенностью. Все это есть и у животных.

Поэтому только использование речи и рассуждений создает государство, которое делает людей людьми: «человеческие животные зависят от искусственности государства (*commonwealth*), чтобы быть такими, какие они есть» [Rossello, 2012, p. 259]. Если люди откажутся от этого политического порядка, то вместе с тем откажутся и от своей человечности, вернувшись в животное естественное состояние. Иными словами, животность, появляющаяся в пространстве человека, может полностью его поглотить. Гражданское состояние и человечность – это не конечные точки, это процесс, который можно повернуть вспять: «бытие человека – это процесс: ненадежный и нестабильный результат гуманизации» [ibid., p. 60]. Как следствие, процесс урбанизации является синонимом денатурализации [Wolch, 1998].

Возникая в политическом пространстве города, животное требует дать ответ на это появление. Так как животные не обладают человеческой речью, значит, с ними нужно выстраивать отношения посредством других техник коммуникации и взаимодействия. Такой шаг выглядит как отказ от речи и метода как ключевых черт гражданского состояния и человечности и, как следствие, рассматривается как возврат в естественное состояние. Не желая вновь испытывать страх быть убитым в естественном состоянии, закономерным ответом людей на фигуру животного в городе является либо возвращение животных в предписанные им границы существования, либо их уничтожение. Только таким образом можно сохранить безопасность политического сообщества.

Политическая теория города, черпающая свои основные идейные тропы из политической теории, предстает перед нами как образец антропоцентричной теории, в которой нет места животным [Wolch, 1995]. Неудивительно, что она всячески пытается подчинить себе животное и указать ему на его место, разрешая таким образом каждый раз возникающий конфликт. Парадоксально при этом, что страх как ответ на присутствие животных в городе является эффектом, который Гоббс пытается оставить за пределами гражданского состояния. Именно страх является проводником решения того, что делать с животными в городе, а не речь и метод. Поэтому, даже пытаясь сохранить политическое состояние путем контроля, изгнания, уничтожения животных, мы все равно рискуем вернуться в естественное состояние.

Возможно, стоит пытаться не избавляться от животного в себе и буквальных животных вовне, а принять свою животность и впустить животных в политическое пространство, признав их частью нашего общего политического сообщества [Cochrane, 2020], и начать разрешать возникающие конфликты иначе?

Расширение городского пространства

Одним из возможных вариантов разрешения конфликтов с животными является концепция зоополитики Сью Дональдсон и Уилла Кимлики. Они предлагают рассматривать одомашненных животных как

наших сограждан, диких животных как тех, кто имеет суверенное право на занимаемую ими территорию, а лиминальных животных – как тех, кто имеет статус обитателей (*denizenship*) [Donaldson, Kymlicka, 2011].

Какие преимущества дает гражданство для одомашненных животных? Оно позволяет одомашненным животным влиять на принятие решений о своей собственной жизни. Это происходит двумя способами: через физическое присутствие (*sheer presence model*) и через переговоры (*negotiation model*). Первое предполагает, что своим присутствием в пространствах совместно с людьми животные могут влиять на то, как конкретные люди к ним относятся на личностном уровне, после чего могут последовать социальные изменения во взаимоотношениях. Второе предполагает способность одомашненных животных договариваться посредством доступных им способов коммуникации со своими спутниками-людьми об условиях своей жизни.

Для того чтобы эти способы политического участия работали, нужно также признать легитимность демократических механизмов включения животных: «включение голоса» (*enabling voice*) и «включение пространства» (*enabling space*) [Meijer, 2019, p. 214–217]. Включение голоса животных относится к поощрению демократического участия нечеловеческих животных в существующих демократических структурах (дом, места работы) посредством нечеловеческой коммуникации: лаем, ласками, физическим взаимодействием [Donaldson, Kymlicka, 2011], материальным изменением окружающего пространства [Meijer, 2019, p. 236–237] и т. д. Включение пространства предлагает привязать репрезентацию к пространствам, где животные существуют свободно, а не к отдельным животным [Donaldson, 2020].

Признание суверенитета за дикими животными предполагает, что мы должны перестать без необходимости вторгаться на их территорию, избавив ее от колонизации и патерналистского управления. Что, в свою очередь, влечет обязанность переместить и перепроектировать автомобили, дороги, здания и другую инфраструктуру, чтобы уменьшить воздействие на животных и создать эффективные коридоры и буферные зоны для животных. Суверенность диких животных также предполагает, что, когда животные непреднамеренно получают травмы в результате контакта с деятельностью человека, несмотря на все наши усилия по минимизации этих рисков, мы должны создать центры спасения диких животных для их реабилитации и выпустить обратно в дикую природу. Однако самое важное – мы должны будем научиться жить с риском присутствия диких животных.

Право лиминальных животных на место жительства влечет за собой не столько вмешательство в их образ жизни, сколько защиту от насилия и право на проживание (*right of residency*) внутри сообщества. Мы не должны рассматривать их как чужаков, у них должно быть право находиться с нами на одной территории. Именно поэтому мы должны перестать стигматизировать их, стараться не мешать

их жизни, но при этом не давать им делать все, что они захотят. Иными словами, искать некоторый баланс в этих отношениях.

Такая теоретическая конструкция позволяет включить одомашненных животных в группу значимых политических акторов, чьи интересы должны будут учитываться городом. Некоторые интересы диких и лиминальных животных тоже отчасти будут учитываться городом, однако это напрямую не следует из проявления их политической агентности. Дональдсон и Кимлика не пишут об их прямом политическом участии в нашем (человеческих животных и одомашненных животных) политическом сообществе, городе. И это логично, так как дикие животные рассматриваются как жители другого даже не города, а государства, а лиминальные животные имеют лишь статус обитателей.

Однако из-за антропоцена территориальные границы существования групп оказываются нестабильными [Donaldson, Kymlicka, 2016]. Из описанных случаев в самом начале текста можем увидеть, что капибары и косули из диких стали лиминальными, собаки из одомашненных – лиминальными, бык из одомашненного стал лиминальным, а потом снова одомашненным, но оказался в более благоприятных для себя условиях. Все эти животные теряют свой изначальный статус и могут переходить из одного в другой. Этот переход происходит посредством города. В зависимости от того места в городе, в котором животное находится, которому оно принадлежит, меняется его статус. Все животные взаимодействуют с городом и посредством города. Однако только у одомашненных животных есть возможность политически участвовать в его устройстве и изменениях его пространств.

Концептуальная рамка, которую Дональдсон и Кимлика используют, не дает некоторым группам животных в полной мере влиять на принятие решений о своей собственной жизни, которая зависит от изменения пространства, где эти животные существуют. Суверенитет диких животных и статус обитателей лиминальных животных не предполагают участия в политических делах города, несмотря на то что и те и другие активно в нем проживают, пользуются им и в некоторых моментах зависят от него.

Столкновение с различными животными в городе, порождающее конфликт, подталкивает нас к тому, чтобы распространить политическое участие на всех нечеловеческих животных. Город – вернее, пространство, на котором он находится, – принадлежит всем, и все могут влиять на его переустройство; интересы всех, находящихся на его территории, должны быть учтены. Территория, на которой находится город, изначально была землей диких животных, и только со временем они были вытеснены с нее. У нечеловеческих животных есть если не право полностью вернуть ее себе, то право хотя бы участвовать в ее управлении [Wolch, 1998].

В связи с этим новое общественное состояние – агора животных – это территория всего города

[Donaldson, 2020]. Город становится местом и медиатором общения человеческих и нечеловеческих животных через разные практики коммуникации. Это значит, что мы все вместе формируем общее пространство города, что в его формировании нет преимуществ только у людей и одомашненных животных: все животные влияют на его переустройство.

Благодаря этому пространство города становится открытым, подвижным и нестабильным – как следствие, это место, где и животные проявляют свою агентность в не меньшей степени, чем человек, определяя свои личные и наши общие с ними пространства: «Животные также считаются актерами – или существами, способными направлять изменения – формируя политику, культуру, социальную жизнь, экономику и конструируя пространства и знания» совместно с другими человеческими и нечеловеческими актерами [Gillespie, Collard, 2015, p. 8]. Город становится местом для «непредсказуемых встреч», позволяя «мыслить вне рамок существующих отношений человека и животных» [Donaldson, 2020, p. 713].

Городское пространство: множество и единство

Включение животных в город делает его единым пространством встреч человеческих и нечеловеческих животных. Он реагирует на эти встречи переустройством и изменением общего пространства существования. Однако если мы будем смотреть на город и на политику как на совместное предприятие человеческих и нечеловеческих животных, тогда и город, и сама политика должны выглядеть по-другому.

Во-первых, городская политика, принятие решений об изменениях городского пространства, должна перестать происходить непосредственно в одном конкретном месте, условной городской администрации. Политики и политика должны выйти из кабинетов, встретиться и начать взаимодействовать с нечеловеческими животными в тех пространствах, где им более привычно находиться: в парке, на улице или в лесу [Meijer, 2019].

Во-вторых, процесс принятия решений и обсуждение вопросов должны перестать носить завершённый характер. Следует перейти от завершённых диалогов к текучим процессам обсуждения (*deliberation*) [Meijer, 2017], которые никогда не должны заканчиваться. После каждого вынесенного решения и преобразования пространства мы должны ждать обратный ответ от человеческих и нечеловеческих животных по поводу того, насколько им комфортно находиться в нынешних условиях, и реагировать на него [Meijer, 2019].

Такое переустройство городской политики влечет за собой переустройство города на институциональном уровне: вместо централизованной городской власти требуется муниципализм.

Вернемся к случаю с капибарами. Они сталкиваются с людьми не на всей территории Буэнос-Айрес-

са, а только в закрытом поселке. Центральная власть города вряд ли знает, с какими трудностями сталкиваются жители этого поселка, поэтому сами жители будут напрямую решать конфликты с капибарами. Именно жители поселка сталкиваются с капибарами на их земле, а не городская власть. Именно на территории поселка возникает конфликт, поэтому исключительно жители поселка должны участвовать в его разрешении.

Расширение времени коммуникации и пролонгация внедрения решений также видны на примере этого случая. Усилия по созданию новых подходящих мест обитания для капибар, которые они могли бы предпочесть садам, могут не принести желаемых результатов с первого раза или вообще не увенчаться успехом. Поэтому после попытки таким образом разрешить конфликт существует вероятность того, что придется корректировать внедренные варианты решения или пытаться придумать новые.

В этом контексте репрезентация нечеловеческих животных становится конструкцией, которая только усложняет коммуникацию и в целом отпадает за ненадобностью. Коммуникация с капибарами может происходить непосредственно без опосредующего их звена в виде человека, который может быть назначен или избран для этой цели [Латур, 2018; Parry, 2016; Cochrane, 2018; Donaldson, 2020].

Включение нечеловеческих животных в город должно граничить с предоставлением большей автономии субъектам города (и самим животным), потому что отвечать на агентность животных и вступать в коммуникацию с ними трудно из одного центра. В связи с этим город – это не просто единое пространство встречи, в котором сосуществуют различные человеческие и нечеловеческие животные, но единство, которое распадается на множество пространств встреч.

Включение нечеловеческих животных в город не только дает больше оснований для уважительно-го взаимодействия [Асапорога, 2004] с ними, но и больше оснований для «права на город» [Lefebvre, 2000], на городское самоуправление. В этом смысле город наш, но мы – это не только человеческие, но и нечеловеческие животные, которые делят друг с другом общее пространство и разрешают возникающие конфликты.

Заключение: межвидовой город

Городская политика исходит из того, что земля – это *terra nullius* [Datta, 2015], и жизнь животных, которые на ней обитают, игнорируется [Palmer, 2003], как будто на этой земле до появления на ней людей никого не было. Город строится без принятия в расчет агентности животных.

Однако в те моменты, когда животные себя проявляют (при этом не только те животные, которые были до людей на этой земле, но и те, которые начинают обитать на ней с появлением людей): они разрушают выстроенную человеком границу между

человеческими и нечеловеческими животными [Narayanan, 2017]. Такого рода проявления можно трактовать как попытку вернуть себе пространство и показать, что те места, в которых животным предписали быть, их не устраивают.

Ответом на присутствие животных в городе, на их проявление и агентность должно быть включение в город, признание права на город и возможность политически участвовать в жизни города.

Несмотря на включение животных в город, конфликт между человеком и животными не исчезает, напряжение существует всегда, так как само взаимодействие и столкновение с животными не пропадает (политический поворот в этике животных настаивает на этом [Milligan, 2014; Garner, O'Sullivan, 2015; Cochrane, Garner, O'Sullivan, 2018]). Право на город для животных лишь дает более приемлемую рамку для разрешения конфликтов, но не разрешает конфликт *per se*. Отныне город становится межвидовым пространством, в котором уделяется равное внимание к конфликтующим сторонам [Wolch, 1998; Buller, 2013].

Случаи, с описания которых начинался данный текст, не имеют единственного верного решения. Однако нужно отметить, что конфликты, обозначенные в них, в первую очередь должны разрешаться при помощи включения в город животных, и признание животных в качестве полноправных членов города – это первый шаг в сторону их справедливого урегулирования. Вторым шагом должна быть попытка понять, каким образом эти конфликты можно разрешить. И здесь требуется обращение к этике [Buller, 2015], обсуждение которой выходит за рамки этого текста.

Случаи гармоничного межвидового взаимодействия в урбанизированной среде уже существуют в некоторых регионах мира. Один из таких примеров описан в работе Маркуса Бейнс-Рока, в которой он исследует взаимодействие между людьми и гиенами в городе Харэре, Эфиопия [Baynes-Rock, 2015]. Так как на данный момент применяемые методы урегулирования подобных конфликтов являются противоречивыми и требуют дальнейшего поиска справедливых ответов, данный пример может послужить основой для разрешения конфликтных ситуаций, связанных с присутствием в пространстве города бездомных собак, диких гусей, сельскохозяйственных животных, одомашненных животных и диких капибар и косуль.

Источники

- Аристотель (1983) Политика // Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. С. 375–644.
- В Оренбурге стая собак загрызла мальчика (2023) // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/643bffb79a794743ef0274a3> (дата обращения: 30.03.2024).
- Гоббс Т. (2021) Левиафан. М.: Рипол-Классик.
- Демина Е. (2024) «“Просьба вынести косуль на центральную аллею”: в омских садоводствах обнаружили десятки мертвых животных» // NGS55RU. Режим доступа: <https://ngs55.ru/text/animals/2024/02/29/73278281/> (дата обращения: 30.03.2024).

- Деррида Ж. (2019) Животное, которым я следовательно являюсь//Социология власти. Т. 31. № 3. С. 220–275.
- Крылова К. (2023) Рынок удобных животных. М.: Новое литературное обозрение.
- «Лопы вверх: в Бурятии запретили усыплять невестребованных бродячих собак» (2024)//UlanMedia. Режим доступа: <https://ulanmedia.ru/news/1687063/> (дата обращения: 04.06.24).
- Латур Б. (2018) Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Народный Хурал Республики Бурятия (2023) «Принят закон о порядке обращения с животными без владельцев». Режим доступа: <https://hural-buryatia.ru/news/detail.php?ID=3774> (дата обращения: 08.05.2024).
- «Ничьи» стрелки: в Баку вновь убивают бродячих собак» (2019)//Sputnik.Азербайджан. Режим доступа: <https://az.sputniknews.ru/20190213/otstrel-sobaki-baku-419375175.html> (дата обращения: 30.03.2024).
- Путин подписал закон о запрете самовыгула животных вне отведенных мест (2023)//РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64be8a8e9a79477def19b271> (дата обращения: 30.03.2024).
- Тарасов А. (2024) «В режиме разжигания ненависти»//Новая газета. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2024/02/20/v-rezhime-razzhiganiia-nenavisti> (дата обращения: 30.03.2024).
- Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 30.03.2024).
- Фомина М. (2024) «В Омской области ввели режим повышенной готовности из-за нашествия косуль»//NGS55RU. Режим доступа: <https://ngs55.ru/text/animals/2024/01/05/73092863/> (дата обращения: 30.03.2024).
- Asampora R. (2004) Oikos and Domus: On Constructive Co-habitation with Other Creatures//Philosophy and Geography. Vol. 7 No. 2. P. 219–235.
- Arcari P., Probyn-Rapsey F., Singer H. (2021) Where Species Don't Meet: Invisibilized Animals, Urban Nature and City Limits//Nature and Space. Vol. 4. No. 3. P. 940–965.
- Baynes-Rock M. (2015) Among the Bone Eaters: Encounters with Hyenas in Harar. Pennsylvania: The Pennsylvania State University.
- Blattner C.E., Donaldson S., Wilcox R. (2020) Animal Agency in Community: A Political Multispecies Ethnography of Vine Sanctuary//Politics and Animals. Vol. 6. P. 1–22.
- Buller H. (2013) Animal Geographies I//Progress in Human Geography. Vol. 38. No. 2. P. 1–11.
- Buller H. (2015) Animal Geographies III: Ethics//Progress in Human Geography. Vol. 40 No. 3. P. 1–9.
- Boztas S. (2022) Pig Patrol: Amsterdam Airport's Innovative Approach to Flight Safety//The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2021/nov/24/pig-patrol-amsterdam-airports-innovative-approach-to-flight-safety> (дата обращения: 30.03.2024).
- Cochrane A. (2018) Sentientist Politics: A Theory of Global Inter-Species Justice. Oxford: Oxford University Press.
- Cochrane A. (2020) Should Animals Have Political Rights? Cambridge: Polity Press.
- Cochrane A., Garner R. O'Sullivan S. (2018) Animal Ethics and the Political//Critical Review of International Social and Political Philosophy. Vol. 21. No. 4. P. 261–277.
- Colling S. (2021) Animal Resistance In The Global Capitalist Era. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press.
- Datta A. (2015) A 100 Smart Cities, A 100 Utopias//Dialogues in Human Geography. Vol. 5. P. 49–53.
- Derrida J. (2008) The Animal That Therefore I Am. New York: Fordham University Press.
- Donaldson S. (2020) Animal Agora: Animal Citizens And The Democratic Challenge//Social Theory and Practice. Vol. 46. No. 4. P. 709–735.
- Donaldson S., Kymlicka W. (2015) Animals in Political Theory//The Oxford Handbook of Animal Studies/L. Kalof. (ed.). P. 34–64.
- Donaldson S., Kymlicka W. (2016) Comment: Between Wild and Domesticated: Rethinking Categories and Boundaries in Response to Animal Agency//Animal Ethics in the Age of Humans, The International Library of Environmental, Agricultural and Food Ethics/B. Bovenkerk, J. Keulartz (eds.). Vol. 23. P. 225–239.
- Donaldson S., Kymlicka W. (2011) Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. New York: Oxford University Press.
- Elder G., Wolch J., Emel J. (1998) Race, Place, and The Bounds of Humanity//Society and Animals. Vol. 6 No. 2. P. 183–202.
- Garner R., O'Sullivan S. (2015) Introduction//The Political Turn in Animal Ethics/R. Garner, S. O'Sullivan (eds.). Rowman & Littlefield Publishers. P. 1–12.
- Gillespie K., Collard R.-C. (2015) Introduction//Critical Animal Geographies: Politics, Intersections and Hierarchies in a Multispecies World. London, New York: Routledge. P. 1–16.
- Gillespie K. (2016) Nonhuman Animal Resistance and the Improprieties of Live Property//Animals, Biopolitics, Law Lively Legalities/I. Braverman (ed.). Routledge. P. 117–134.
- Gordon J. (2023) Newark Bull Settles in at Animal Sanctuary after Reported Escape from Slaughterhouse//New Jersey Monthly. Режим доступа: <https://njmonthly.com/articles/news/newark-bull-animal-sanctuary-reported-escape-slaughterhouse/> (дата обращения: 30.03.2024).
- Hobson K. (2007) Political Animals? On Animals as Subjects in an Enlarged Political Geography//Political Geography. Vol. 26. P. 250–267.
- Hribal J. (2011) Fear of the Animal Planet. The Hidden History of Animal Resistance. Petrolia, CA: Counterpunch.
- Lefebvre H. (2000) The Right To The City//Writings on Cities/E. Kofman, E. Lebas (eds.). Oxford, UK: Blackwell Publishers. P. 147–160.
- Meijer E. (2023) Deep Listening and Democracy: Political Listening to Fellow Citizens and Other Beings//The Philosopher. Vol. 111 No. 1. Режим доступа: <https://www.thephilosopher1923.org/post/deep-listening-and-democracy> (дата обращения: 30.03.2024).
- Meijer E. (2017) Interspecies Encounters and the Political Turn: From Dialogue to Deliberation//Ethical and Political Approaches to Nonhuman Animal Issues/A. Woodhall, G. Garmendia da Trindade (eds.). London: Palgrave MacMillan. P. 201–226.
- Meijer E. (2017) When Animals Speak: Toward An Interspecies Democracy. New York: New York University Press.
- Meijer E., Bovenkerk B. (2021) Taking Animal Perspectives Into Account in Animal Ethics//Animals in our Midst: The Challenges of Co-existing with Animals in the Anthropocene. B. Bovenkerk, J. Keulartz (eds.). Springer. Vol. 33. P. 49–64.

Metropolitan Transportation Authority (2024). Riding the Subway. Режим доступа: <https://new.mta.info/guides/riding-the-subway> (дата обращения: 30.03.2024).

Milligan T. (2014) The Political Turn In Animal Rights//Politics and Animals. Vol. 1. No. 1. P. 6–15.

Narayanan Y. (2017) Street Dogs at the Intersection of Colonialism and Informality: 'Subaltern Animism' as a Posthuman Critique of Indian Cities//Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 35 No. 3. P. 475–494.

Narodnyj Hural Respubliki Buryatiya (2023) "Prinyat zakon o poriyadke obrashcheniya s zhivotnymi bez vladel'cev". Available at: <https://hural-buryatia.ru/news/detail.php?ID=3774> (accessed 08.05.2024).

Nugent C. (2022) Giant Rodents 'Invaded' a Wealthy Gated Community. What Happened Next Is a Lesson for Cities in the Climate Change Era//Time. Режим доступа: <https://time.com/6173837/sarybaras-argentina-climate-change/> (дата обращения: 30.03.2024).

Palmer C. (2003) Colonization, Urbanization, And Animals//Philosophy and Geography. Vol. 6. P. 47–58.

Parry L.J. (2016) Deliberative Democracy and Animals: Not So Strange Bedfellows//The Political Turn in Animal Ethics/R. Garner, S. O'Sullivan (eds.). Rowman & Littlefield Publishers. P. 137–155.

Philo. C, Wilbert C. (2000) Animal Spaces, Beastly Places: An Introduction//Animal Spaces, Beastly Places: New Geographies of Human-Animal Relations/C. Philo, C. Wilbert (eds.). London: Routledge. P. 1–34.

Riding the Subway (2024)//Metropolitan Transportation Authority. Режим доступа: <https://new.mta.info/guides/riding-the-subway> (дата обращения: 30.03.2024).

Rossello D. (2012) Hobbes and the Wolf-Man: Melancholy and Animality in Modern Sovereignty//New Literary History. Vol. 43. No. 2. P. 255–279.

Shingne M.C. (2020) The More-Than-Human Right to the City: A Multispecies Reevaluation//Journal of Urban Affairs. Vol. 44. No. 2. P. 137–155.

Shingne M.C., Reese L.A. (2022) Animals In The City: Wither The Human-Animal Divide//Journal of Urban Affairs. Vol. 44. No. 2. P. 114–136.

Srinivasan K. (2013) The Biopolitics of Animal Being and Welfare: Dog Control and Care in the UK and India//Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 38. P. 106–119.

Weisberg Z. (2011) Animal Repression Speciesism as Pathology//Critical Theory and Animal Liberation/J. Sanbonmatsu (eds.). Rowman & Littlefield Publishers. P. 177–193.

Wolch J.R. (2002) Anima Urbis//Progress in Human Geography. Vol. 26 No. 6. P. 721–742.

Wolch J.R. (1998) Zoöpolis//Animal geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-culture Borderlands/J.R. Wolch, J. Emel (eds.). London: Verso. Режим доступа: https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/3487-zoopolis?_pos=2&_sid=9abfac124&_ss=r (дата обращения: 30.03.2024).

Wolch J.R., West K., Gaines T.E. (1995) Transspecies Urban Theory//Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 13. No. 6. P. 735–760.

Wolfson F. (2019) 'That's Not a Bag': Man with Dog Bends New York Subway Rule and Gets Denied//The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/09/new-york-city-subway-dog-rule-bags-denied#:~:text=4%20years%20old-,%20That's%20not%20a%20bag'%3A%20man%20with%20dog%20bends%20New,subway%20rule%20and%20gets%20denied&text=In%202016%2C%20the%20Metro%20Transit,would%20not%20annoy%20other%20passengers%E2%80%9D> (дата обращения: 30.03.2024).

NONHUMAN ANIMALS IN URBAN SPACES

Mark V. Mefed, Independent researcher, Balashikha, 34 bldg. 1 Maya district, 143911, Russian Federation.
E-mail: fleainmyhead@gmail.com

This paper discusses the interaction of nonhuman animals with human animals within urban spaces and the conflicts that arise from these interactions. It argues that these conflicts often emerge due to urban spaces being designed and controlled by humans, with little or no consideration of animals' needs and agency. It suggests that an anthropocentric perspective dominates urban political theory, which often leads to the exclusion, control, or even eradication of nonhuman animals when they are perceived to be disrupting the human-established order. The paper advocates for the recognition of nonhuman animals as legitimate urban co-habitants, with the right to influence the construction and the internal organization of urban spaces. This could involve integrating nonhuman animals into the political process, acknowledging their agency, and enabling them to communicate their needs and interests in the infrastructure of the city. This could lead to more harmonious human-animal interactions in urban spaces, transforming the city into a 'multi-species' or 'interspecies' space.

This paper challenges traditional notions of urban development and governance and calls for a re-evaluation of human-animal relations in the urban context.

Keywords: nonhuman animals; agency; political theory; urban space; multi-species city

Citation: Mefed M.F. (2024) Nonhuman Animals in Urban Spaces. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 33–43. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202433-43> (in Russian)

References

- Acamora, R. (2004). Oikos and Domus: On Constructive Co-habitation with Other Creatures. *Philosophy and Geography*, vol. 7, no 2, pp. 219–235.
- Arcari P., Probyn-Rapsey F., Singer H. (2021). Where Species Don't Meet: Invisibilized Animals, Urban Nature and City Limits. *Nature and Space*, vol. 4, no 3, pp. 940–965.
- Aristotle (1983) *Politika* [Politics]. *Sochineniya v 4-h tomah* [Works in 4 volumes]. Moscow: Mysl' [Thought], vol. 4, pp. 375–644. (in Russian)
- Baynes-Rock M. (2015). Among the Bone Eaters: Encounters with Hyenas in Harar. Pennsylvania: The Pennsylvania State University.
- Blattner C.E., Donaldson S., Wilcox, R. (2020). Animal Agency in Community: A Political Multispecies Ethnography of VINE Sanctuary. *Politics and Animals*, vol. 6, pp. 1–22.
- Buller H. (2013). Animal Geographies I. *Progress in Human Geography*, vol. 38, no 2, pp. 1–11.
- Buller H. (2015). Animal Geographies III: Ethics. *Progress in Human Geography*, vol. 40, no 3, pp. 1–9.
- Boztas S. (2022). Pig Patrol: Amsterdam Airport's Innovative Approach to Flight Safety. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2021/nov/24/pig-patrol-amsterdam-airports-innovative-approach-to-flight-safety> (accessed 30.03.2024).
- Cochrane A. (2018). *Sentientist Politics: A Theory of Global Inter-Species Justice*. Oxford: Oxford University Press.

- Cochrane A. (2020). *Should Animals Have Political Rights?* Cambridge: Polity Press.
- Cochrane A., Garner R., O'Sullivan S. (2018). Animal Ethics and the Political. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, vol. 21, no 4, pp. 261-277.
- Colling S. (2021). Animal Resistance in the Global Capitalist Era. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press.
- Datta A. (2015). A 100 Smart Cities, A 100 Utopias. *Dialogues in Human Geography*, vol. 5, pp. 49-53.
- Demina E. (2024) "'Pros'ba vynesti kosul' na central'nyu alleyu': v omskih sadovodstvah obnaruzhili desyatki mertvyh zhivotnyh" ["'Please Take the Roe Deer out to the Central Aley': Dozens of Dead Animals Were Found in Omsk Gardening Areas"]. *NGS55.RU*. Available at: <https://ngs55.ru/text/animals/2024/02/29/73278281/> (accessed 30.03.2024). (in Russian)
- Derrida J. (2019). Zhivotnoe, kotorym ya sledovatel'no yavlyayus' [The Animal That Therefore I Am]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], vol. 31, no 3, pp. 220-275. (in Russian)
- Donaldson S. (2020). Animal Agora: Animal Citizens and the Democratic Challenge. *Social Theory and Practice*, vol. 46, no 4, pp. 709-735.
- Donaldson S., Kymlicka W. (2015) Animals in Political Theory. *The Oxford Handbook of Animal Studies*/L. Kalof. (ed.), pp. 34-64.
- Donaldson S., Kymlicka W. (2016). Comment: Between Wild and Domesticated: Rethinking Categories and Boundaries in Response to Animal Agency. *Animal Ethics in the Age of Humans, The International Library of Environmental, Agricultural and Food Ethics*/B. Bovenkerk, J. Keulartz (eds.), vol. 23, pp. 225-239.
- Donaldson S., Kymlicka W. (2011). Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. New York: Oxford University Press.
- Elder G., Wolch J., Emel J. (1998). Race, Place, and the Bounds of Humanity. *Society and Animals*, vol. 6, no 2, pp. 183-202.
- Federal'nyj zakon "Ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" ot 27.12.2018 N 498-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law "On the Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 27, 2018 N 498-FZ (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (accessed 30.03.2024). (in Russian)
- Fomina M. (2024) "V Omskoj oblasti vveli rezhim povyshennoj gotovnosti iz-za nashestviya kosul'" ["A High Alert Regime Has Been Introduced in the Omsk Region Due to an Invasion of Roe Deer"]. *NGS55RU*. URL: <https://ngs55.ru/text/animals/2024/01/05/73092863/> (Accessed 30.03.2024). (in Russian)
- Garner R., O'Sullivan S. (2015). Introduction. The Political Turn in Animal Ethics/R. Garner, S. O'Sullivan (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, pp. 1-12.
- Gillespie K., Collard R.-C. (2015.) Introduction. *Critical Animal Geographies: Politics, Intersections and Hierarchies in a Multispecies World*. London, New York: Routledge, pp. 1-16.
- Gillespie K. (2016). Nonhuman Animal Resistance and the Improprieties of Live Property. *Animals, Biopolitics, Law Lively Legalities*/I. Braverman (ed.). Routledge, pp. 117-134.
- Gobbs T. [Hobbes Thomas] (2021) Leviafan [Leviathan]. Moskva: Ripol-Klassik [Moscow: Ripol-Classic]. (in Russian)
- Gordon J. (2023). Newark Bull Settles in at Animal Sanctuary after Reported Escape from Slaughterhouse. *New Jersey Monthly*. Available at: <https://njmonthly.com/articles/news/newark-bull-animal-sanctuary-reported-escape-slaughterhouse/> (accessed 30.03.2024).
- Hobson K. (2007). Political Animals? On Animals as Subjects in an Enlarged Political Geography. *Political Geography*, vol. 26, pp. 250-267.
- Hribal J. (2011). Fear of the Animal Planet. The Hidden History of Animal Resistance. Petrolia, CA: Counterpunch.
- Krylova K. (2023) Rynok udobnyh zhivotnyh [Comfortable Animals Market]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [Moscow: New Literary Review]. (in Russian)
- "Lapy vverkh: v Buryatii zapretili usyplyat' nevestrebovannykh brodyachikh sobak" (2024) ["Paws Up: in Buryatia it is Forbidden to Euthanize Unclaimed Stray Dogs"]. *UlanMedia* [UlanMedia]. Available at: <https://ulanmedia.ru/news/1687063/> (accessed: 04.06.24). (in Russian)
- Latur, B. [Latour Bruno] (2018) *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Lefebvre H. (2000). The Right to the City. *Writings on Cities*/E. Kofman, E. Lebas (eds.). Oxford, UK: Blackwell Publishers, pp. 147-160.
- Meijer E. (2023). Deep Listening and Democracy: Political Listening to Fellow Citizens And Other Beings. *The Philosopher*, vol. 111, no 1. Available at: <https://www.thephilosopher1923.org/post/deep-listening-and-democracy> (accessed 30.03.2024).
- Meijer E. (2017). Interspecies Encounters and the Political Turn: From Dialogue to Deliberation. *Ethical and Political Approaches to Nonhuman Animal Issues*/A. Woodhall, G. Garmendia da Trindade (eds.). London: Palgrave McMillan, pp. 201-226.
- Meijer E. (2017). When Animals Speak: Toward An Interspecies Democracy. New York: New York University Press.
- Meijer E., Bovenkerk B. (2021). Taking Animal Perspectives into Account in Animal Ethics. *Animals in Our Midst: The Challenges of Co-existing with Animals in the Anthropocene*/B. Bovenkerk, J. Keulartz (eds.). Springer, vol. 33, pp. 49-64.
- Metropolitan Transportation Authority (2024). Riding the Subway. Available at: <https://new.mta.info/guides/riding-the-subway> (accessed 30.03.2024).
- Milligan T. (2014). The Political Turn in Animal Rights. *Politics and Animals*, vol. 1, no 1, pp. 6-15.
- Narayanan Y. (2017). Street Dogs at the Intersection of Colonialism and Informality: 'Subaltern Animism' as a Posthuman Critique of Indian Cities. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 35, no 3, pp. 475-494.
- "'Nich'i' strelki: v Baku vnov' ubivayut brodyachih sobak" (2019) ["'Nobody's' Shooters: Stray Dogs Are Being Killed Again in Baku"]. *Sputnik.Azerbajdzhan* [Sputnik. Azerbaijan]. Available at: <https://az.sputniknews.ru/20190213/otstrel-sobaki-baku-419375175.html> (accessed 30.03.2024). (in Russian)
- Nugent C. (2022). Giant Rodents 'Invaded' a Wealthy Gated

- Community. What Happened Next Is a Lesson for Cities in the Climate Change Era. *Time*. Available at: <https://time.com/6173837/capybaras-argentina-climate-change/> (accessed 30.03.2024).
- Palmer C. (2003). Colonization, Urbanization, and Animals. *Philosophy and Geography*, vol. 6, pp. 47–58.
- Parry L.J. (2016). Deliberative Democracy and Animals: Not So Strange Bedfellows. *The Political Turn in Animal Ethics*/R. Garner, S. O'Sullivan (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, pp. 137–155.
- Philo. C, Wilbert C. (2000). Animal Spaces, Beastly Places: An Introduction. *Animal Spaces, Beastly Places: New Geographies of Human-Animal Relations*/C. Philo, C. Wilbert (eds.). London: Routledge, pp. 1–34.
- Pouillard V. (2023). The Silence and the Fury. Addressing Animal Resistance and Agency through the History of Human-Animal Relationships. *Animals Matter Resistance and Transformation in Animal Commodification*/J. Dugnoille, E. Vander Meer (eds.). Leiden, Boston: Brill, pp. 32–55.
- Putin podpisal zakon o zaprete samovygula zhyvotnyh vne otvedennyh mest [Putin Signed a Law Banning Animals from Walking outside Designated Areas] (2023). *RBK*. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64be8a8e9a79477def19b271> (accessed 30.03.2024). (in Russian)
- Riding the Subway (2024). *Metropolitan Transportation Authority*. Available at: <https://new.mta.info/guides/riding-the-subway> (accessed 30.03.2024).
- Rossello D. (2012). Hobbes and the Wolf-Man: Melancholy and Animality in Modern Sovereignty. *New Literary History*, vol. 43, no 2, pp. 255–279.
- Shingne, M.C., Reese L.A. (2022). Animals in the City: Wither the Human-Animal Divide. *Journal of Urban Affairs*, vol. 44, no 2, pp. 114–136.
- Shingne, M.C. (2020). The More-than-Human Right to the City: A Multispecies Reevaluation. *Journal of Urban Affairs*, vol. 44, no 2, pp. 137–155.
- Srinivasan, K. (2013). The Biopolitics of Animal Being and Welfare: Dog Control and Care in the UK and India. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 38, pp. 106–119.
- Tarasov A. (2024) “V rezhime razzhiganiya nenavisti” [“In Hate Mode”]. *Novaya gazeta* [New Newspaper]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2024/02/20/v-rezhime-razhiganiia-nenavisti> (accessed 30.03.2024). (in Russian)
- V Orenburge staya sobak zagryzla mal'chika (2023) [A Pack of Dogs Killed a Boy in Orenburg]. *RBK*. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/643bffb79a794743ef0274a3> (accessed 30.03.2024). (in Russian)
- Weisberg Z. (2011). Animal Repression Speciesism as Pathology. *Critical Theory and Animal Liberation*/J. Sanbonmatsu (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, pp. 177–193.
- Wolch J.R. (2002). Anima Urbis. *Progress in Human Geography*, vol. 26, no 6, pp. 721–742.
- Wolch J.R. (1998). Zoöpolis. *Animal geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-culture Borderlands*/J.R. Wolch, J. Emel (eds.). London: Verso. Available at: https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/3487-zoopolis?_pos=2&_sid=9abfac124&_ss=r (accessed 30.03.2024).
- Wolch J.R., West K., Gaines T.E. (1995). Transspecies Urban Theory. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 13, no 6, pp. 735–760.
- Wolfson F. (2019). ‘That’s Not a Bag’: Man with Dog Bends New York Subway Rule and Gets Denied. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/09/new-york-city-subway-dog-rule-bags-denied#:~:text=4%20years%20old-,%20That%20not%20a%20bag%20man%20with%20dog%20bends%20New,subway%20rule%20and%20gets%20denied&text=In%202016%2C%20the%20Metro%20Transit,would%20not%20annoy%20other%20passengers%E2%80%9D> (accessed 30.03.2024).

Прекарные встречи¹

Николь Щукин

Спустя два года после «тройной катастрофы», произошедшей 11 марта 2011 года, то есть через два года после того, как землетрясение у берегов Японии магнитудой 9 баллов вызвало цунами, разрушительная сила которого, в свою очередь, стала причиной расплавления активной зоны ядерного реактора на атомной электростанции в префектуре Фукусима, в *The Japan Times* появился небольшой новостной сюжет [The Japan Times, 2013]. В нем сообщалось о быстрорастущей популяции диких кабанов на территории Фукусимы. Особенно их численность возросла в зоне отчуждения радиусом 20 км вокруг АЭС «Фукусима-дайти», с территории которой люди были эвакуированы по распоряжению правительства в 2011 году. Также отмечалось, что у эвакуированных жителей и всех остальных людей, пострадавших от разрушений и переживших катастрофу, выросла враждебность в отношении животных. Можно понять, почему это произошло. Животные удивительным образом оказались безразличны к ставшей руинами некогда полноценной жизни Фукусимы и неуязвимы для радиации. Как сообщает один из корреспондентов, кабаны не только беспрепятственно размножались в зоне отчуждения, но и вторгались на окружающие ее сельскохозяйственные угодья, сея хаос на своем пути: «Дикие кабаны наносят ущерб сельскому хозяйству в префектуре Фукусима, в то время как фермеры изо всех сил пытаются оправиться от запрета на выращивание сельскохозяйственных культур, введенного после аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 года».

Этот изначально малозаметный сюжет быстро приобрел широкую известность, породив волну все более тревожных и алармистских сюжетов о диких кабанах, которые не только процветают среди радиоактивных руин, но и ставят под угрозу первые неуверенные попытки фермеров Фукусимы и других людей восстановить сельскохозяйственную и социальную инфраструктуру опустошенного региона. В 2016 году заголовки газеты *The Independent* (Великобритания) гласил: «Радиоактивные

1. Перевод с английского Марка Мефёда по изданию: *Shukin N. Precarious Encounters // Precarious Encounters in Exploring Animal Encounters: Philosophical, Cultural, and Historical Perspectives / M. Calarco, D. Ohrem (eds.). Palgrave MacMillan, 2018. P. 113–136.* Перевод публикуется с любезного разрешения Николь Щукин.

Название «Precarious Encounters» мы предлагаем переводить как «Прекарные встречи». Статья Щукин вдохновлена книгой Анны Лёвенхаупт Цзин «Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма» [Цзин, 2017], в которой также используется понятие *encounters*. В исследовании Цзин оно проникает из социологии Эрвина Гоффмана. Обращаясь к существующему переводу Гоффмана, мы переводим *encounters* как «встречи». — Прим. пер.

Николь Щукин, доцент, кафедра английского языка, Университет Виктории (UVic), 3800 Finnerty Rd, Victoria, BC V8P 5C2, Canada.
E-mail: nshukin@uvic.ca

В статье рассматривается то, как распространение радиоактивных диких кабанов в зоне отчуждения атомной электростанции «Фукусима» после катастрофы 2011 года заставляет переосмыслить содержание понятия прекарности. Щукин использует этот пример как повод для концептуализации понятия прекарного становления видов, которое помогает объяснить то, как жизнь нечеловеческих животных и межвидовые отношения оказываются поставлены в условия всеобщей прекарности при глобальном капитализме и то, как глобальный капитализм на них влияет.

Щукин утверждает, что большинство теорий прекарности остаются антропоцентричными, так как предполагает, что только люди могут субъективно испытывать прекарность. В отличие от этого прекарное становление-видом учитывает то, как человеческие и нечеловеческие жизни переплетаются и конституируют друг друга. Щукин рассматривает встречи с животными как инфраструктурную поддержку, управляющую прекарностью и восстанавливающую поврежденную жизнь. На этом фоне чрезмерная стойкость кабанов, размножающихся в радиоактивной зоне «Фукусимы», представляет собой неуправляемую автономию, которая подрывает суверенные попытки восстановить цикл капиталистического производства и воспроизводства.

Щукин предполагает, что кабаны являются катализатором амбивалентной «переходной инфраструктуры», которая открывает альтернативные многовидовые формы организации жизни, общности, выходящие за рамки принудительного восстановления «неисправного мира». Радиоактивные кабаны — это не столько символы неконтролируемой прекарности, сколько символы экологической памяти и символические напоминания о прекарности, присущей всей жизни при капитализме.

Ключевые слова: прекарность; нечеловеческие животные; прекарное становление-видом; капитализм; гвернаментальность; биовласть

Цитирование: Щукин Н. (2024) Прекарные встречи // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 44–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202444-58>

дикие кабаны буйствуют на территории фукусимской АЭС» [Worley, 2016], в то же время в газете *The Times* можно было увидеть такую статью: «Радиоактивные кабаны бесконтрольно разгуливают вокруг реакторов Фукусимы» [Parry, 2016]. Если до событий 11 марта кабаны считались местным деликатесом, то из-за этих статей стало ясно, что дикие кабаны стали настоящей проблемой для чиновников префектуры Фукусима, которые не понимали, как избавиться от чудовищно выносливых, бесконтрольно размножающихся и ставших слишком радиоактивными для того, чтобы их можно было съесть, животных.

В данной статье я рассматриваю угрозу, исходящую со стороны радиоактивных кабанов, как случай, как это ни парадоксально, на примере которого можно проанализировать то, как нечеловеческие животные встречаются или оказываются вплетены в понятие прекарности², реальность и, как выражается Изабель Лорей, «управление» прекарностью [Lorey, 2015]. Понятие прекарности ориентируется на политизацию уязвимости и творческого сопротивления людей различным видам риска и незащищенности, которые, хотя и по-разному затрагивают разных людей, в нынешних условиях глобального капитализма стали острее, приобретая всеобщий характер. Незащищенность больше не затрагивает только низшие классы. Эта характеристика не просто описывает изменения в режимах труда³, она распространяется на представителей среднего класса и становится неотъемлемой чертой разных сфер жизни через прекарность, «ставшую нормой» (“becoming-normal” of precarity)⁴ [Lorey, 2015, p. 13]. Широкий диапазон социальных групп, которых движение *Оссиру* называет 99%, протестующий не только против мер жесткой экономии, но и против расширяющегося состояния прекарности, теперь сталкивается с реальностью: постоянные или гарантированные рабочие места с такими льготами, как медицинское обслуживание и пенсия, стали исключением, а не правилом. В условиях постфордистского капитализма то, что Роб Хорнинг описывает как «переживание опыта внешней незащищенности», возникает из-за утраты стабильности и безопасности на рабочем месте, характеристик, которые, как утверждают некоторые критики, если и существовали, то так или иначе лишь в короткий промежуток времени, и были аномалией при фордистских способах производства и занятости. Критики предполагают, что в истории развития капитализма прекарный труд лучше рассматривать как историческое правило, а не как исключение

[Neilson, Rossiter, 2008; Horning, 2016]. Социальные и экологические угрозы, создаваемые глобальным изменением климата и формами смертоносного, нерегулируемого производства, способного нанести необратимый ущерб жизням людей и системам жизнеобеспечения в беспрецедентных масштабах, примером чего является преступная халатность Токийской электроэнергетической компании (TEPCO) в отношении эксплуатации атомной электростанции «Фукусима-дайити», также являются источником внешней незащищенности. Таким образом, в самом широком смысле прекарность является причиной широкого распространения и обострения чувства незащищенности в условиях глобального неолиберального капитализма.

Однако в большинстве разговоров о прекарности только человек считается субъектом, чей труд и жизнь подвергаются риску. Это происходит, видимо, потому, что только люди (рабочие-мигранты, студенты, временные или контрактные работники или безработные, которые находятся в уязвимом положении) обладают достаточной степенью субъектности, чтобы ощущать на себе или страдать от изменения степени незащищенности. Новости о диких кабанах являются доказательством того, что нечеловеческие животные не только не обращают внимания на угрозу радиации, но и то, что они не способны переживать прекарность как таковую, то есть не просто объективно ощущать состояние уязвимости, но и субъективно ее воспринимать. Тем не менее несколько важных исключений из этого правила встречаются в стенограммах виртуального круглого стола, посвященного обсуждению прекарности, который был организован Джасбир Пуар в 2012 году. На нем она задает вопросы теоретикам и художникам, чьи работы связаны с вопросами прекарности и прекарной жизни (Лорен Берлант, Джудит Батлер, Бояна Цвейич, Изабель Лорей и Ана Вуянович): «...можем ли мы думать о прекарности ‘за пределами’ человека?» [Puar, 2012, p. 171]. Отталкиваясь от вопроса Пуар, я берусь проследить «прекарные встречи» на материале катастрофы, произошедшей 11 марта, события, из-за которого люди и нелюди одновременно оказываются в условиях прекарности, несмотря на то что эти условия выглядят для них по-разному. Условия прекарности могут привести к разобщению людей и нелюдей, а также к столкновению интересов разных видов на фоне несоразмерной реакции властей на их положение либо к формированию нового типа родства между ними, основанного на общей для всех живых существ способности к сопротивлению, воз-

2. Джудит Батлер определяет прекарность как “политически обусловленное состояние, в котором определенные группы населения больше, чем другие, страдают от недостаточной поддержки социально-экономических сетей, подвергаясь травмам, насилию и смерти” (Butler J. (2009) *Frames of War: When Is Life Grievable?* London: Verso). – *Прим. пер.*

3. Режимы труда – это совокупность материалов, помещений, графиков работы и отдыха, инструментов, условий социального воспроизводства и правила вознаграждения и наказания, которые формируют условия труда. – *Прим. пер.*

4. Николь Щукин использует форму “becoming” (становление) в некоторых случаях, чтобы подчеркнуть, что женщины, мигранты и нечеловеческие животные постоянно находятся в прекарном положении, их существование сформировано им и продолжает формироваться в его условиях. – *Прим. пер.*

рождению и восстановлению. Например, в то время как японское правительство приказало людям эвакуироваться с территории вокруг «Фукусимы-1», мотивировав это (лицемерным) беспокойством о жизнях людей (так как они могли получить дозу радиации), многие домашние и сельскохозяйственные животные в процессе стремительной эвакуации были просто брошены на произвол судьбы или подвергнуты эвтаназии в соответствии с отдельной правительственной рекомендацией, которая предписывала фермерам избавиться от сельскохозяйственных животных. После событий 11 марта действия властей по управлению прекарностью, направленные на разграничение спасения по своего рода видовому признаку, стали одной из причин разрушительных последствий катастрофы для многих выживших. Их чувство общей уязвимости с животными привело к отказу следовать рекомендациям властей (например, фермеры-диссиденты выступали против убийства животных) и к попыткам обходными путями воссоединить эвакуированных людей со спасенными домашними животными⁵. Энн Эллисон в книге «Прекарная Япония» отмечает, что, находясь на территории Фукусимы после событий 11 марта, она обнаружила, что «большая часть разговоров посвящена животным. Застрявшие собаки, выздоровевшие лошади, брошенный скот» [Allison, 2013, p. 193–194]. Хотя прекарность может порождать чувство общей уязвимости и родства видов, управление прекарностью также может, как показывают случаи с радиоактивными кабанами на территории Фукусимы, категоризировать некоторых животных или некоторые виды животных как подлежащих истреблению, когда они препятствуют биополитике, направленной на восстановление нормальной жизни, что, кажется, требуется после таких катастроф, как события 11 марта.

Теория Донны Харауэй о видах-компаньонах бросает вызов формам человеческой исключительности, которые основываются на идее о том, что человек представляет собой дискретную идентичность или является основанием дискретной онтологии⁶. По мнению Харауэй, виды-компаньоны взаим-

но соконституируются при встречах и во взаимоотношениях друг с другом: «Благодаря проникновению друг в друга, “цепляясь” или хватаясь друг за друга, существа конституируют друг друга и самих себя. Существа не предшествуют своим отношениям» [Haraway, 2003, p. 6]. В широком смысле, позволить человеку оставаться единственным допустимым субъектом прекарности – значит потерять из виду формы жизни, которые исторически, материально, социально, экономически, аффективно и (био)политически связаны с этим субъектом. Джудит Батлер в ответ на приведенный выше вопрос Пуар, предполагает, что «мы должны переосмыслить человека в свете новых условий прекарности, показав, что не существует человека без сетей жизней, что внутри этих сетей человеческая жизнь является лишь одним из видов жизни. В противном случае мы окончательно лишаем человека условий, поддерживающих его существование (тем самым становясь соучастниками самого процесса прекарности)» [Puag, 2012, p. 173].

Начиная дискуссию о прекарном положении нечеловеческой жизни, зачем обращаться к образу животных, которые кажутся неуязвимыми, которые, вместо того чтобы олицетворять всю ничтожность прекарной жизни, находят возможность процветать в условиях эвакуации людей и брошенных в панике домашних животных после трагических событий? Я предполагаю, что именно потому, что радиоактивные дикие кабаны выражают своими действиями безразличие к прекарной жизни в условиях катастрофы, они служат подходящим примером для размышлений о прекарности за пределами человеческой жизни, особенно в контексте аварии на «Фукусиме». Ниже я конкретизирую это утверждение, бегло проследив генеалогию понятия прекарности. Основываясь на более ранних концептуализациях понятий прекарного «становления-мигрантом» и «становления-женщиной», сначала я предположу, что существуют исторические и материальные основания для нынешней концептуализации прекарного «становления-видом». Затем я заострю свое внимание на специфическом

5. Больше про фермеров-диссидентов можно узнать в статье Shukin N. (2017) On The Biopolitics of Living – And Art Of Dying – After Fukushima // Postmodern Culture. Vol. 26. No 2.

6. В философии долгое время считалось, что человек является единственным актором, формирующим все природные и культурные процессы. Будучи свободным и недетерминированным существом, он может избежать влияния этих процессов на себя и, что называется, «сделать себя сам». Однако оказалось, что, помимо человека, мир наполнен множеством живых и неживых, человеческих и нечеловеческих акторов, находящихся в со-становлении, самоорганизации, которые являются такими же активными, как и человек, и, помимо всего прочего, влияют на его формирование. В этом смысле больше невозможно смотреть на человека как на дискретную идентичность, которая формируется сама по себе, без влияния извне других акторов. Проект Донны Харауэй и Карен Барад является радикальной критикой индивидуализма: мы никогда не существуем (и никогда не существовали) в этом мире одни. В одной из своих работ Харауэй пишет: «Когда виды встречаются» – это такая двойственность, но еще больше игры в “колыбель для кошки”, в которых те, кто должен быть в этом мире, конституируются в интра- и интеракциях. Партнеры не предваряют встречу; всевозможные виды, живые и неживые, являются следствием танца встреч, формирующих субъекта и объект» (Haraway D. (2008) When Species Meet, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. P. 4).

Интра-акция противостоит дискретной онтологии (в которой человек и его дискретная идентичность являются ключевыми понятиями). Интра-акция не предполагает заранее сформированных тел и объектов, они не формируются до отношений, а формируются только в них. В то время как дискретная онтология предполагает именно такой взгляд, когда тела и объекты могут быть сформированы до отношений. Не существует ни тел, ни объектов, которые бы сформировались вне каких-либо отношений. А также не существует тел или объектов, которые не находились бы вне отношений. – Прим. пер.

ландшафте прекарной Японии до и после событий 11 марта, рассматривая, как прекарность была критически осмыслена в связи с кризисом так называемого общества без отношений⁷ и как материальные и аффективные встречи с другими животными впадают в понятие прекарности, что в конечном итоге приводит к состоянию, в котором сама человеческая идентичность оказывается под вопросом. В конце я вернусь к анализу радиоактивных диких кабанов, которые становятся чудовищными образами избытка прекарности в Японии после 11 марта, и предложу альтернативный взгляд на этих животных, рассматривая их как вовлеченных в борьбу за инфраструктуру, за разрушенные системы жизнеобеспечения, а особенно за двадцатикилометровую зону отчуждения, которая физически и гвернаментально⁸ разграничивает пространства, которые поддерживают жизни, от пространства, которое этим жизням угрожает.

Для любого, кого в целом беспокоит степень возрастающей угрозы разрушения «условий, поддерживающих» (Батлер) жизнь; кто в то же время вынужден изо всех сил стараться устоять и пытается выживать в остающихся неизменно «небезопасных» условиях капитализма – для них борьба за инфраструктуру, за то, как и кем должны быть организованы жизненные системы, за то, как они должны работать и в чьих интересах, становится решающей. Как отмечает Лорен Берлант, реакция людей самой разной политической ориентации на прекарность зачастую может принимать форму действий, направленных на «принудительное восстановление» того, что было разрушено [Berlant, 2016, p. 399]. Берлант противопоставляет принудительным и поспешным попыткам исправить разрушенную инфраструктуру возможность «жить в неисправном мире», который лучше соответствует амбивалентным условиям совместной жизни [Berlant, 2016, p. 396]. Призывая с осторожностью относиться к слишком амбициозным представлениям о будущем и действиям, направленным на возвращение к нормальной жизни (часто путем использования утопической концепции «общего» (*commons*)⁹ как решения проблемы пре-

карности), Берлант также предполагает, что мы можем упустить появление альтернативной организации жизни, если принудительное восстановление того, что было разрушено, будет единственным способом взаимодействия с нарушенным порядком жизни. Вытапывая первые урожаи, выращенные фермерами после отмены запрета на посадку сельскохозяйственных культур на территории Фукусимы, тем самым очерчивая границы биополитики устойчивости и восстановления, которая управляет прекарностью, радиоактивные кабаны являются чем-то большим, чем просто случайным препятствием, мешающим реализации проектов восстановления нормальной жизни. Их вторжение на территорию Фукусимы можно рассматривать как один из признаков радикально контингентной, многовидовой общности, находящейся в развитии, которая, по крайней мере на данный момент, нарушает суверенные границы системы человека и капитала.

Еще одно предварительное замечание. Хотя мой анализ касается прекарной Японии и, в частности, прекарной Фукусимы, вам быстро станет ясно, что мне не хватает критической дистанции для того, чтобы понять всю сложность ситуации в Японии. Я сосредоточена на зоне отчуждения вокруг Фукусимы, потому что это, по выражению Тимоти Мортон, эпицентр «содроганий в бытии», разрушающих любую географическую дистанцию и объективность, которые я, возможно, ранее пыталась сохранить в отношении событий в Фукусиме [Morton, 2013, p. 32]. Эти содрогания бытия, очевидно, наиболее остро ощущают выжившие нечеловеческие существа и люди, находящиеся в непосредственной близости от них и сталкивающиеся с последствиями реального землетрясения и цунами, а также с внутренней прекарностью повседневной жизни с ее непредсказуемым риском облучения радиацией. Помимо них в Японии в большем количестве есть те, для кого собственное «мирное» производство ядерной энергии напоминает о жестокости и ужасе времен американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. В конечном итоге не существует никакого живого существа, никакого способа осмысления, которые могут

7. Термин «общество без отношений» (или *tuen shakai*) используется японскими средствами массовой информации для описания общества, в котором из-за отсутствия связи между ближайшими членами семьи, более дальними родственниками и местным сообществом происходит усиление социальной изоляции людей. Признаками такого общества являются стареющее население, случаи смерти в одиночестве (*kodokushi*), семьи, состоящие из одного человека, и слабые связи с местным сообществом. – Прим. пер.

8. «Гвернаментальность» – подход к изучению власти, который подчеркивает управление поведением людей позитивными средствами, а не посредством суверенной власти, формулирующей законы. В отличие от дисциплинарной формы власти, гвернаментальность обычно ассоциируется с добровольным участием управляемых» (Britannica). – Прим. пер.

9. Концепция «общего» предполагает, что культурные и природные ресурсы, включая воздух, воду и пригодную для жизни Землю, доступны всем членам общества. Антонио Негри и Майкл Хардт определяют «общее» как природу (или окружающую среду), ее ресурсы и производимые ею продукты; и как продукты социального взаимодействия, такие как коды, языки, аффекты, информация и другие формы знания. Широкое распространение термин «общее» получил после работы «Трагедия общин» Гаррета Хардина (1968). Он писал о том, что природные ресурсы, такие как сельскохозяйственные угодья, с XVI века в Великобритании постепенно переходят из общего пользования в частную или государственную собственность через процесс огораживания. Когда люди руководствуются исключительно личными интересами при использовании общего ресурса, это неизбежно приводит к деградации и истощению этого ограниченного ресурса, что в итоге причиняет ущерб всем. Для Хардина, исходившего из приоритета личных интересов, общие ресурсы представляли собой «ужас», от которого следовало избавляться путем приватизации или государственного регулирования использования ресурсов. Он рассматривал это как меньшее зло по сравнению с неконтролируемым истощением ресурсов, основной причиной которого он видел перенаселение. – Прим. пер.

сохранить дистанцию в отношении катастрофы, произошедшей 11 марта. Сама интеллектуальная деятельность из-за событий на территории Фукусимы становится прекарной независимо от того, насколько некоторые из нас достаточно подготовлены к тому, чтобы начать размышлять об этом новом контексте, находясь внутри него.

Прекарность: становление-мигрантом, становление-женщиной, становление-видом

В работе «Небезопасное государство: Управление прекарностью»¹⁰ Лорей выделяет три термина: «прекарность», «состояние прекарности» и «прекаризация»: «прекарность обозначает нечто, что является общим для всех живых существ, что создает угрозу живым существам, что невозможно избежать и от чего, как следствие, нельзя защититься не только потому, что живые существа смертны, но скорее потому, что они находятся в социальном взаимодействии друг с другом» [Lorey, 2015, p. 12].

Ссылаясь на работу Батлер, она отмечает, что прекарность «является состоянием, свойственным как человеческим, так и нечеловеческим живым существам», и подчеркивает, что «социальные отношения первичны» для этого состояния [Lorey, 2015, p. 15]. Признавая, что жизнь нечеловеческих живых существ тоже может находиться в тяжелом прекарном положении, она допускает, что их существование формируется под воздействием социальных (а не только «естественных») сил. В отличие от прекарности как таковой, продолжает Лорей, состояние прекарности «означает неравномерное распределение прекарности в условиях неравенства, иерархизацию совместного бытия, сопровождающуюся процессом отчуждения существ друг от друга» [Lorey, 2015, p. 12]. Например, видовая дискриминация нечеловеческих животных, безусловно, может рассматриваться как пример политики прекарности, как ее определяет Лорей, поскольку уязвимость неравномерно распределяется как между видами, так и внутри человеческого общества. Однако третья формулировка «губернаментальной прекаризации», в силу того что Лорей в значительной степени опирается на формулировку Фуко о губернаментальности и биовласти, по-видимому, касается только человеческих субъектов. Прекаризация описывает производство субъективности и проявление такого самоуправления, посредством которого люди не только привыкают ко всеобщей незащищенности труда и жизни в неолиберальные времена, но даже представляют себе неолиберальный образ гибкой, временной работы без социальных гарантий как соот-

ветствующий их собственным желаниям и стремлению к свободе. По словам Эндрю Росса, культура постфордистской занятости и неолиберального управления «не только дает работодателям свободу нанимать и увольнять работников по своему желанию, но и отмечает частичную, периодическую занятость как проявление свободы действий» [Rosenbaum, 2014, p. 5]. В этом смысле незащищенность самоуправляется субъектами, чье поведение и желания соответствуют прекарности, «становящейся-нормой» в неолиберальную эпоху.

Я обращаю внимание на проводимые Лорей различия, потому что вектор ее разговора о прекарности, которого нельзя избежать, сначала направлен в сторону того, чтобы возможно было признать, что жизни нечеловеческих животных находятся в состоянии прекарности, однако потом она меняет направление, и оказывается, что исключительно человеческие существа могут быть прекаризованными субъектами и находиться в состоянии незащищенности. Могут ли жизни нечеловеческих животных также рассматриваться в качестве субъектов прекаризации, а если могут, то такой же, как и в случае с людьми, или другой набор техник управляет их жизнями как прекарными субъектами? Этот вопрос остается одновременно насущным, интригующим и загадочным. Я вернусь к вопросу о нечеловеческой прекаризации после того, как попытаюсь показать, что в действительности уже сейчас можно заметить прекарное «становление-видов».

Понятие прекарности претерпело множество изменений с тех пор, как стало набирать популярность в Европе после протестов против мер жесткой экономии, европейских маевек и других активистских мероприятий, возникших в 1990-х годах. Марибель Касас-Кортес выделяет четыре ключевые «линии развития понятия» в своей генеалогии прекарности, которые вращаются вокруг: (1) условий труда после отказа от достижений государства всеобщего благосостояния; (2) новой парадигмы нерегулярного и нематериального труда; (3) постоянной трудовой мобильности и (4) феминизации труда и жизни [Casas-Cortés, 2014, p. 207]. Впервые понятие прекарности, как отмечает Касас-Кортес, использовалось в 1990-х годах в качестве непосредственного ответа на распространение новых нетипичных контрактов, предполагающих временные трудовые отношения, как правило, с низким уровнем заработной платы и меньшей защитой от сокращения». Она пишет, «что первоначально представление о прекарности относилось к сокращению трудовых прав, приобретшей в то время характер тенденции, к утрате достижений, завоеванных в ходе исторической борьбы рабочим

10. Речь идет о книге "State of Insecurity: Government of the Precarious" (Lorey I. (2015) State of Insecurity: Government of the Precarious. London: Verso). Слово "state" в названии можно перевести одновременно и как «государство» (книга анализирует реконструкцию государства всеобщего благосостояния, которое в совокупности с развитием технологий и растущей мощью госаппарата привели общество к состоянию прекарности), и как «состояние» (Изабель Лорей пытается найти выход из нынешних условий (состояния) прекарности посредством самоорганизации и сопротивления). – Прим. пер.

движением и закрепленных на государственном уровне. В этом случае прекарность можно трактовать как ряд преобразований социального гражданства¹¹, включающих демонтаж таких мер социальной защиты, как медицинское страхование, реформирование пенсионной системы и растущую приватизацию государственного сектора» [Casas-Cortés, 2014, p. 209].

Если изначально понятие и политика прекарности основывались на ощущении нехватки или утраты, то позднее, когда активисты столкнулись с «мифической стабильностью труда» [Casas-Cortés, 2014, p. 209], которую многие рабочие вообще никогда не испытывали (что, как я отмечала ранее, по мнению многих, является исторической нормой при капитализме), произошла первая серьезная переинтерпретация этого понятия. Прекарность, в которой больше не преобладает ощущение утраты, возникшее в связи со снижением уровня защиты труда и отказом от достижений государства всеобщего благосостояния, также становится связана с получившей общественный резонанс инициативой антиработы и творческими усилиями, направленными на то, чтобы воспользоваться переходом к нерегулярному и нематериальному труду как возможности радикально улучшить ситуацию, изменив соотношение свободного и занятого трудом времени. Прекарность означает коллективную творческую способность вообразить альтернативную совместную жизнь и мобилизовать усилия, направленные на ее создание, а также на борьбу с силами, которые подрывают возможность полной или стабильной занятости.

(Кроме того, не следует забывать о переинтерпретации понятия прекарности (от связи его с нехваткой к ассоциации с агентностью), когда мы касаемся вопроса о том, каким наиболее полным образом можно включить нечеловеческих животных в разговор о прекарности. Размышления о прекарности и прекаризации за пределами человека не должны сводиться к размышлениям о том, что труд и жизнь нечеловеческих животных становятся расходным материалом, пригодными для эксплуатации, «текучим активом», который легко адаптируется к изменениям самого капитализма. Их содержание также не должно сводиться только к демонстрации того, как осуществляется биополитический контроль над отдельными нечеловеческими индивидуальностями или целыми популяциями путем сохранения их жизней или убийств, в зависимости от меняющихся выгод для человека, его здоровья, его экономических интересов и экологического благополучия. Они должны быть направлены на изучение того, как нечеловеческие животные могут творчески переупорядочить капитализм или отказаться от участия в его производстве и воспроизводстве.

Далее Касас-Кортес прослеживает, как понятие прекарности сочетается с теориями нематериального и аффективного труда в работах автономистских марксистских теоретиков, таких как Паоло Вирно, Маурицио Лаццарато, Майкл Хардт и Антонио Негри. По мнению этих мыслителей, гегемонистский сдвиг к нематериальному, постиндустриальному труду позволяет подчинить всю социальную жизнь обслуживанию капитализма. Таким образом, понятие прекарности распространяется на то время, которое ранее рассматривалось свободным от работы. Автономисты утверждают, что «современное накопление капитала основано не только на эксплуатации труда, но также и на эксплуатации знаний, культуры, свободного времени, усилий, требующихся для различных взаимодействий людей (таких, как общение, секс, социализация), живого материала, воображения и т. д.» [Casas-Cortés, 2014, p. 214].

Суммируя, автономистские марксисты добавляют анализ реального подчинения труда капиталу к пониманию прекарности, заявляя, что именно гегемонистский сдвиг в капиталистическом производстве «заставил работать саму жизнь».

Две дополнительные переинтерпретации значения, которые прослеживает Касас-Кортес в генеалогии понятия прекарности, вытекают из обнаружения критической нечувствительности к расово-половым особенностям. По мере расширения понятия в него были включены слои общества, которые ранее считались, имели с прекарностью мало общего. Кульминацией расширения понятия прекарности стало включение в него фигуры «прекариата», состоящей из разнородных групп студентов; рабочих с временной или нерегулярной занятостью; рабочих, занятых в сфере нематериального и интеллектуального труда; а также мигрантов. Несмотря на это, теоретики и активисты были обеспокоены тем, что неравенство, создаваемое расой и полом, игнорируется в понятии прекарности. Как следствие, разговоры о прекарности и действия в ее отношении были направлены на то, чтобы солидаризироваться с «особой уязвимостью незарегистрированных работников» и показать, что расизм может всерьез усугубить положение людей, которые пересекают государственные границы в поисках работы и часто в чужих для них государствах находятся в прекарном положении неграждан и «незарегистрированных работников» [Casas-Cortés, 2014, p. 215]. Касас-Кортес также отмечает, что, поскольку некоторые общие черты прекарности и уязвимого положения рабочих-мигрантов (например, растущие ожидания того, что все рабочие станут мобильными и будут готовы работать по менее формальным контрактным соглашениям) могут быть экстраполированы на всех рабочих, стало полезным говорить о прекарном «становлении-мигрантом» [Casas-Cortés, 2014, p. 217].

11. Социальное гражданство – термин, введенный Томасом Х. Маршаллом, который утверждал, что идеальное гражданство предполагает доступ к политическим, гражданским и социальным правам. – Прим. пер.

Феминистки также столкнулись с очевидными недостатками теории прекарности. Например, игнорированием ключевой для феминистского анализа гендерно-окрашенной истории репродуктивного труда. В книге «Прекарный труд: Феминистская точка зрения» Сильвия Федеричи оценивает, как «теория прекарного труда пытается объяснить новые аспекты организации труда и борьбы»; однако она не только критикует утопическое направление в автономистской марксистской мысли, которое рассматривает нематериальный труд как этап в преодолении капитализма, но и бросает вызов его «андроцентризму». По мнению Федеричи, автономистские теории нематериального труда обходят стороной феминистский анализ неоплачиваемого домашнего труда и гендерно-окрашенную историю репродуктивного труда. Формулировка аффективно-го труда в этом направлении развития теории прекарности даже не обращает внимание на репродуктивный труд, поскольку он кажется «гендерно-нейтральным». Она пишет, что «теория прекарного труда игнорирует и обходит стороной одно из наиболее важных достижений феминистской теории и борьбы, а именно переопределение труда, признание неоплачиваемого репродуктивного труда женщин как ключевого источника капиталистического накопления. Переопределяя домашний труд как РАБОТУ, рассматривая его не как персональное обслуживание, а как работу по производству и воспроизводству рабочей силы, феминистки открыли новую критически важную основу эксплуатации, которую Маркс и марксистская теория полностью игнорировали. Все важные политические интуиции, содержащиеся в этом анализе, теперь отбрасываются, как если бы они не имели никакого отношения к пониманию нынешней организации производства» [Federici, 2016].

Таким образом, феминистская переинтерпретация понятия прекарности усложняет предположение о том, что только на постиндустриальной стадии развития капитализма, когда появляется нематериальный труд или реальное подчинение труда капиталу, «саму жизнь заставляют работать». Это предположение, не осмысленное в феминистском ключе, рискует свести на нет как длительное историческое подчинение жизни женщин обслуживанию капиталистического накопления, так и критически важное для феминисток представление о том, что для производства и воспроизводства человека как источника рабочей силы требуется массовая скрытая инфраструктура непризнанного и неоплачиваемого биологического, материального, социального и эмоционального труда. Однако помимо того, что феминистские исследовательницы оказывали давление на формирование понятия прекарности таким образом, феминистские работы, посвященные прекарности, также стремились сделать видимым общий тренд в сторону феминизации труда. Марта Мало описывает феминизацию труда как «процесс, посредством которого такие черты, как гибкость,

уязвимость, постоянная готовность выполнять работу, высокая степень адаптации, талант к импровизации и способность одновременно выполнять различные роли и задачи (домохозяек, жен, матерей, бабушек, дочерей, медсестер, учителей, акушерок), обычно характеризующие работу и жизнь женщин, в наши дни начинают распространяться на все больший спектр видов занятости» [Casas-Cortés, 2014, p. 219–220]. Таким образом, Casas-Cortés в завершение анализа генеалогии понятия прекарности приходит к развитию понятия прекарное «становление-женщиной».

Однако если понятие прекарности не будет переосмыслено еще глубже, а также не будут с его помощью предприняты попытки объяснить и протестовать против проникновения капитализма во всю социальную ткань и каждый уголок жизни, то оно рискует упустить из виду нечто большее, чем текущее расовое и гендерное неравенство. На кону не только упущенный из виду гендерно-окрашенный труд по воспроизводству рабочих, о чем вспоминает Федеричи и другие исследовательницы, но и замалчивание многовидового характера репродуктивного труда, которое возникает, когда нечеловеческие жизни остаются непризнанными в качестве «условий, поддерживающих» жизнь не только работника, но и человека как такового (здесь можно услышать отголоски идей Батлер). Хотя Федеричи критикует теорию прекарности за ее «андроцентричность», она сама, как и многие другие теоретики прекарности, становится жертвой антропоцентричного взгляда на то, кто несет бремя репродуктивного труда. Другие виды не фигурируют в рассуждениях Федеричи, несмотря на то что они все чаще являются членами семьи и общества, эмоционально поддерживают людей, будучи компаньонами, являются неоплачиваемыми работниками сферы услуг, которые бережно восстанавливают физическое и психическое здоровье людей и способность студентов, солдат или наемных рабочих выполнять свою работу. Приведем всего два современных примера репродуктивного труда других животных, на которых видно растущее использование терапевтических свойств собак. Первый пример – это когда они используются студентами североамериканских университетов в периоды повышенного стресса. Второй пример – использование собак для оказания помощи в адаптации к гражданской жизни («гуманизации») американских солдат, вернувшихся домой из служебных командировок. Автономистские марксисты также не учитывают жизни других существ, а не только репродуктивный труд женщин, когда они заявляют, что «саму жизнь заставляют работать», предполагая при этом также, что «жизнь» является синонимом жизни людей. Опять же, процитированное выше утверждение Батлер, в котором она напоминает нам о том, что «человеческая жизнь является лишь одним из видов жизни», противоречит идеям автономистских марксистов и некоторых феминистских исследовательниц и наводит

на мысль, что жизнь, подчиненная производству и воспроизводству капитализма, представляет из себя многовидовую сеть взаимосвязанных между собой живых существ и жизненных процессов.

Я ввожу понятие прекарного становления-видов, чтобы устранить существующие антропоцентрические границы прекарности, возникающие в тот момент, когда речь заходит о политизации прекаризации обширных сетей взаимосвязанных жизней, которые поддерживают людей, живущих ради капитализма и работающих на него. Экофеминистки давно проводят связь между эксплуатацией природы и женских тел, в то время как экологические марксисты, такие как Джеймс О'Коннор, утверждают, что условия капиталистического производства в настоящее время являются условиями самой жизни на планете Земля; то, что О'Коннор называет «вторым противоречием» капитализма заключает в себе иронию, так как капитализм разрушает экологические условия производства, тем самым подрывая собственную способность к воспроизводству [O'Connor, 1998, p. 158]. Однако я считаю, что концептуальная и политическая рамка прекарности подходит для объяснения жизни как многовидовой общности при позднем капитализме больше, чем экофеминистские или экомарксистские концепции. Это так не только потому, что выдвигание на первый план уязвимости в условиях прекарности наиболее точно отражает распространение реальных и предполагаемых рисков для жизни в начале XXI века, но и потому, что разговоры о прекарности, о формах репродуктивного и аффективного труда особенно актуальны для того, чтобы понять, как другие виды оказываются втянутыми в современный капитализм. Например, хотя биологический и материальный труд других животных в истории капитализма критически соотносился с неоплачиваемым трудом рабов и рабочего класса [Hribal, 2007, p. 101–112], нематериальному и аффективному труду и жизни других видов начинают уделять внимание только сейчас. Однако такое понимание труда не соответствует типам выполняемых услуг видами-компаньонами или другими животными, находящимися в условиях аффективной экономики. В тех случаях, когда «нематериальная» продуктивность животных, проявляющаяся в социальном общении, заботе, привязанности или любви, служит воспроизводству людей и капитала, под угрозой оказывается не только трудоспособность животных, но и жизненно важная способность всех живых существ выстраивать социальные взаимоотношения. Другими словами, возможно, именно виды-компаньоны – ни люди, ни нелюди, но соконститутивные взаимоотношения, в которых они существуют, – прекаризируются, поскольку они одновременно поддерживают «жизнь» как условие капитализма и оказываются в новом уязвимом положении по отношению к его катастрофическим провалам. Понятие прекарного становления-видов отражает то, как соконститутивные связи, поддерживающие жизнь между видами,

являются одним из средств, которое необходимо для функционирования глобальной системы капитализма. Это звучит абсурдно, но способность живых существ помогать друг другу восстанавливать связи между собой после частых катастроф становится критически важной для продолжения функционирования капитализма.

Авария на «Фукусиме» показывает, что капитализм во времена ядерной энергетики, в неолиберальную эпоху не только прекаризирует все живые существа, но и будущую жизнь. Только когда система выходит из строя, как предполагает Берлант, ее обычно невидимые инфраструктурные опоры становятся видимыми [Berlant, 2016, p. 393]; в случае «Фукусимы» одно из последствий катастрофы, ставшее очевидным, – это способ, которым бесчисленными живыми существами, в том числе и человеческими, управляли в рамках того, что можно назвать оперативно созданной инфраструктурой, то есть в данном случае, контингентным способом организации жизни, обеспечивающим воспроизводство людей и капитала. В следующем разделе я перейду к анализу проявлений прекарности в Японии до и после событий 11 сентября и контекстуализирую мое предложение о том, что зону отчуждения вокруг атомной электростанции «Фукусима», включая размножающихся внутри нее радиоактивных кабанов, можно рассматривать как вышедшую из строя инфраструктуру, которая в своем нынешнем нерабочем состоянии может кое-что рассказать нам о двойной зависимости человека и капитала от многовидового сотрудничества.

Прекарная Япония

«Говорят, когда в 1945 году ядерная бомба уничтожила Хиросиму, первым, что пробилось на выжженной земле, оказался гриб мацутаке» [Цзин, 2017], – пишет Анна Цзин. В книге «Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма» Цзин уже в настоящем предлагает этнографию своих неожиданных встреч с удивительно устойчивыми мацутаке, появляющихся на останках вырубленных лесов на Тихоокеанском Северо-Западе США и на других руинах, возникших из-за капитализма. Ее экспериментальная этнография рассказывает о «прекарном образе жизни» людей – многие из них беженцы из Лаоса и Камбоджи, – которые в сезон созревания мацутаке собирают грибы, чтобы продать их на мировом рынке, центром которого является Япония, где грибы высоко ценятся. Книга Цзин одновременно рассказывает о столкновении нескольких видов прекарности, так как ее главная идея заключается в том, что «выживание в прекарные времена» требует отказа от идеи «самодостаточных индивидуальностей» любого вида [Цзин, 2017]. В духе формулировки Харауэй о видах-компаньонах, Цзин настаивает на том, что «эволюция наших “самостей” уже имеет примеси историй соприкосновения, мы смешиваемся с другими еще до того, как вступим в какое-либо новое сотрудничество» [Цзин, 2017].

Однако трудно не заметить разницу между эмоциями, выражающими удивление и надежду, которые у Цзин вызывает сверхустойчивость мацутаке, и эмоциями, выражающими враждебность и ужас, которые вызваны сообщениями о чудовищной стойкости популяции кабанов на территории Фукусимы. Почему способность одних процветать в условиях, казалось бы, непригодных для жизни, становится надеждой в прекарные времена, тогда как способность других процветать в этих же условиях порождает страх? Я вернусь к этому вопросу, который, возможно, все-таки как-то связан с тем, как появляющиеся (нерадиоактивные) грибы, за сбором которых следила Цзин, становятся искуплением, даже прощением за разрушительные последствия капитализма, так как являются товаром, который можно выгодно продать на рынке из-за того, что их цена продолжает расти даже после сбора. Радиоактивные кабаны, напротив, оказываются в более неблагоприятном положении, когда дело доходит до возвращения поврежденных форм жизни в капиталистическое обращение.

По мнению большинства исследователей, прекарность в Японии возникла не после Второй мировой войны, когда Япония стремилась восстановить свой статус мощной экономической державы из пепла Хиросимы и Нагасаки, а в начале 1990-х годов, когда лопнул экономический пузырь. После так называемого экономического чуда Япония впала в глубокую рецессию, что привело к появлению «потерянных поколений», преисполненных «пессимизма и серьезного волнения, вызванного неопределенностью будущего» [Rosenbaum, 2014, p. 5]. Амамия Карин активно занимается повышением прекарного сознания в Японии, подчеркивая, что прекарность хоть и часто субъективно воспринимается людьми, которые изо всех сил пытаются обеспечить себе стабильную работу, как личная неудача, однако на самом деле она является следствием неолиберальной повестки, институционализированной правительством Коидзуми в первом десятилетии XXI века [Rosenbaum, 2014, p. 4–5]. Наряду с разрушением системы социальной поддержки и резко увеличивающимся разрывом в оплате труда, потерянные поколения Японии также характеризуются разнообразными социальными и культурными проявлениями прекарности. Один из образов потерянных поколений – хикикомори. Это преимущественно молодые люди, которые порывают с социальной жизнью вплоть до того, что сидят «в одной комнате, которую они редко покидают, если вообще когда-либо покидают» [Allison, 2013, p. 3]. Другие признаки прекарности включают растущий уровень самоубийств; феномен «рядовых беженцев», как его называет Энн Эллисон (обычные люди, которые оказываются бездомными и ищут убежища в интернет-кафе); одино-

кую жизнь и смерть пожилых людей и растущее число людей поколения NEET (тех, кто не имеет работы, образования или нигде не учится). Как отмечает Эллисон, в настоящее время треть всех трудящихся в Японии не имеют постоянной занятости. «Имея неполный рабочий день, временную работу или работу по найму, рабочие с непостоянной занятостью лишены гарантий занятости, льгот или достойной заработной платы» – это так называемая ситуация «рюидока», или ситуация «перехода к более текучим и подвижным формам труда и жизни» [Allison, 2013, p. 7–8]. А после 11 марта – после принудительной эвакуации сотен тысяч людей и после того, как многие люди, которые опасались за свое здоровье или здоровье своих семей, добровольно покинули окрестности, прилегающие к территории Фукусимы, на которой находятся поврежденные ядерные реакторы, – к уже существующим бездомным добавились еще прекарные «ядерные беженцы». Как выразился Роман Розенбаум, 11 марта серьезно усугубило культурный кризис «мюен шакаи», или «текущего общества без отношений» [Rosenbaum, 2014, p. 1].

Можно утверждать, что именно социокультурные проявления прекарности в Японии больше всего вызывают опасения, так как прекарность в конечном счете подрывает способность людей к выстраиванию социальных связей, а «лишиться отношений» из-за прекарности – это значит потерять свою человечность. Беспокойства Эллисон по поводу чувства хронической разобщенности (мюен) среди молодежи и пожилых людей и отсутствия у них чувства принадлежности к какой-либо социальной или культурной группе (ибашо га наи) разделяются многими исследователями. По мнению Эллисон, это свидетельствует о движении в сторону «десоциализации» [Allison, 2013, p. 85]. Розенбаум также связывает прекарность с кризисом социальных отношений, или, как он выражается, с «неспособностью людей в современной Японии устанавливать связи между собой» [Rosenbaum, 2014, p. 2]. Некоторые рассматривают литературную культуру «эго-романа», практику эндзё-косай¹² и субкультуры, подобные отаку, когда люди помешаны на манге и аниме, как признаки того, что люди в Японии теряют саму способность к установлению социальных связей и выстраиванию межсубъектных отношений – способность, которая делает их людьми. А Хироки Адзума заходит настолько далеко, что описывает членов субкультуры отаку как «животных» из-за их погруженности в себя и из-за отсутствия интереса к выстраиванию социальных отношений, что, с его точки зрения (вдохновленной Гегелем), больше не квалифицирует их как людей. В книге «Отаку: Японская база данных животных» Адзума отмечает, что отаку – «это общий термин, обозначающий тех, кто увлекается такого

12. Эндзё-косай – практика, когда пожилые мужчины дарят деньги или роскошные подарки молодым женщинам (включая старшеклассниц) в обмен на то, что они составят им компанию, проведут с ними время, а часто и окажут сексуальные услуги. Бум эндзё-косай в Японии пришелся на 1990-е годы.

рода субкультурами, тесно связанными с аниме, видеоиграми, компьютерами, научной фантастикой, фильмами со спецэффектами, аниме-фигурками и т.д.» [Azuma, 2009, р. 3]. Однако Адзума рассматривает культуру отаку скорее как симптом эпохи постмодерна, чем состояния прекарности, когда в основном молодые мужчины порывают с социальной жизнью и погружаются в вымышленные миры аниме и манги, где их эротические и эмпатические потребности удовлетворяются персонажами, чьи хара-моэ (желательные черты характера) сгенерированы на основе базы данных, которая соответствует периоду прекарнизации Японии. Но что во влиятельной трактовке Адзумы культуры отаку одновременно очень показательна и наиболее проблематично, так это его утверждение о том, что отсутствие интереса к выстраиванию социальных отношений позволяет рассматривать людей как низведенных до животного существования. Опираясь на работу Александра Кожева «Введение в чтение Гегеля», Адзума описывает период в Японии с 1995 года как «эпоху животных» [Azuma, 2009, р. 90]. Как и Кожев, Адзума проводит различие между людьми и животными в духе Гегеля, утверждая, что человеческое желание «имеет сложную структуру, в которой желание другого само по себе является желанным»¹³ [Azuma, 2009, р. 86]. Адзума пишет: «люди отличаются от животных... потому что их желания intersубъективны. Потребности животных могут быть удовлетворены без другого, но для человеческих желаний другой, по существу, необходим» [Azuma, 2009, р. 86–87]. Такая проблематичная трактовка Адзумы поддерживает западный философский дискурс о «животном». Но его утверждение о том, что люди, которые отказываются от intersубъективных отношений, становятся животными, на самом деле чрезвычайно показательна, поскольку аналогичные опасения по поводу дегуманизации пронизывают дискуссии о прекарности в Японии, включая исследование Эллисон о потере «души», от чего страдают люди, ощутившие на себе отсутствие перспектив, утрату социальных связей и отношений в условиях прекарности.

В заключительной главе книги «Прекарная Япония» под названием «В грязи» Эллисон делает две вещи. Во-первых, она описывает, как тройная катастрофа 11 марта усиливает и без того невыносимую прекарность – например, когда работники, уже находящиеся в состоянии прекарности, привлекаются к смертельно опасной работе по очистке загрязнений вокруг атомной электростанции «Фукусима-дайит». В этом случае «грязь» функционирует и как ре-

презентация буквального ущерба, причиненного землетрясением, цунами и расплавлением ядерного реактора, и как метафора социальной, экологической и экономической текучести жизни, вызванной тем, что «многочисленные прекарности накладываются друг на друга и входят в резонанс» [Allison, 2013, р. 9].

А во-вторых, одновременно с этим Эллисон наблюдает удивительный дух волонтерства в Японии после 11 марта, объединение людей и возрождение человеческой социальности или «души», которая увядала, рискуя совсем погибнуть, в обществе без отношений, состоящем из хикикомори, рядовых беженцев и отаку. Призывая к тому, чтобы в разговорах о прекарности искать творческие возможности, а не только фиксировать потери, вызванные незащищенным положением, Эллисон преобразует метафору грязи таким образом, чтобы она также описывала «чувство приобщения» или «своего рода отношения, возникающие благодаря готовности вымазаться в грязи и прикоснуться к следам жизни, но также и смерти, которые мы в ней находим» [Allison, 2013, р. 191–192]. Хотя эта социальность, несомненно, сформирована страданиями, тем не менее она восстанавливается из руин, а вместе с ней восстанавливается и «ощущение общечеловеческой прекарности и совместные усилия, направленные на то, чтобы что-то с этим сделать» [Allison, 2013, р. 179]. Таким образом, Эллисон видит проблески надежды в грязи: «Можно ощутить, если быть настроенным оптимистично, возникающий потенциал в попытках по-человечески и коллективно пережить прекарность... эту своего рода низовую биополитику». Она описывает эту низовую биополитику как «забастовку душ в прекарной Японии» [Allison, 2013, р. 18].

И все же именно тогда, когда прекарность рассматривается в терминах утраченной или обретенной «души» и «человечности», когда прекарность рискует превратиться в повод для возрождения гуманистического сопротивления силам дегуманизации, возможно, тогда наиболее необходимым, критически важным становится понятие прекарного становления-видов. В конце концов, продолжая связывать дегуманизацию со «сведением» к животному существованию, человеческая жизнь позиционируется как жизнь, превосходящая жизнь якобы низших существ, от которых она отличается, и рассматривается как нечто уникальное среди жизней других живых существ. Как говорит Батлер, «аффективный регистр, в котором обитает прекарность, – это что-то похожее на дегуманизацию. Ко всему проче-

13. «Человек “удостоверяет” человечность, рискуя своей жизнью ради удовлетворения своего человеческого Желания, т. е. Желания, предмет которого – другое Желание. Но желать Желание – значит быть готовым поставить себя на место той ценности, которая составляет предмет этого Желания, так как без такой замены желалась бы ценность, вожденный предмет, а не само Желание. Желать Желание другого, стало быть, в конечном счете означает желать, чтобы ценность, которую я собой являю или “представляю”, была бы ценностью, желаемой этим другим: я хочу, чтобы он “признал” мою ценность своей собственной, я хочу, чтобы он “признал” меня самодостаточной ценностью. Иначе говоря, всякое человеческое, антропогенное, порождающее Самосознание и человечность Желание сводится в конечном счете к желанию “признания”. И “удостоверяющая” человечность решимость рисковать жизнью» (Кожев А. (2003) Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука. С. 15–16). – *Прим. пер.*

му, мы знаем, что это слово опирается на различие между человеком и животным, которого мы не можем и не должны придериваться» [Puar, 2012, p. 173]. Что еще более важно, подобная озабоченность по поводу неспособности людей к созданию межсубъектных связей в прекарной Японии или чувство облегчения, когда человеческие отношения наконец удается наладить, несмотря на прекарность, не учитывает широкого спектра межвидовых связей, которые также чрезвычайно важны. Это упущение очень значительно, если взять во внимание огромное количество встреч с настоящими и искусственными животными в прекарной Японии – от полюбившихся домашних роботов (AIBO) производства Sony до живых кошек, выполняющих аффективную работу в котокафе; от идеи «многовидового идеала» в послевоенных аниме и манге до свежего увлечения технологиями дополненной реальности, а именно Pokemon GO, телефонного приложения, которое позволяет людям искать вымышленных существ в пространстве реального мира¹⁴.

Например, бум котокафе в первом десятилетии XXI века в Японии нельзя отделить от последствий прекарности, которая привела к «неспособности людей устанавливать связи между собой» (Розенбаум), так как кафе продают не что иное, как время в компания другого вида. В своей статье «Котокафе, аффективный труд и бум исцеления в Японии» Лорейн Плурд отмечает, что в Японии, «все еще переживающей рецессию» после 11 марта, кафе рекламируют «возможно, целебные качества кошек» как средство от социальной прекарности [Plourde, 2016, p. 116]. Работа Плурд примечательна тем, что критически связывает прекарность с аффективным трудом нелюдей, включая в теорию Хардта и Негри об аффективном труде общественный труд по налаживанию отношений, работу кошек по исцелению или помощи отдыху изнуренных людей в прекарной Японии. Плурд отмечает, что многие посетители котокафе – молодые наемные работники, которые посещают кафе после работы, чтобы «справиться с последствиями изнурительного труда». Один клиент рассказывает Плурд, что после того, как наемные работники проводят время в кафе, «они способны продолжать упорно («ганбаримасу») и усердно работать на следующий день» [Plourde, 2016, p. 119]. Эти слова напоминают о репродуктивном труде по содержанию и уходу за трудящимися, о котором, по утверждению Федеричи, некоторые теории прекарности умалчивают. Но эти слова также говорят о том, что на кону стоит не только гендерно-окрашенный труд по воспроизводству рабочей силы; жизнь, которую заставили работать, включает и социальную жизнь тех нелюдей, присутствие в чьей компании служит гуманизации трудящихся, которые чувствуют себя все более дегуманизированными в условиях современного капитализма. Возможно,

что в аффективном труде кошек важно не только воспроизводство людей, но также и воспроизводство рабочих. Экономическая связь с другими животными в этом смысле переплетена с аффективным контролем и управлением прекарностью в силу того, что межвидовые взаимодействия служат эмоциональному восстановлению разрушенной социальной инфраструктуры капитализма, его бесчеловечности, чтобы обеспечить его продолжающееся существование.

Это, наконец, возвращает меня к совершенно другим видам, а именно диким кабанам, которые, по-видимому, скорее препятствуют, чем служат управлению прекарностью в Японии. Далекие от того, чтобы исцелить или восстановить инфраструктуру поврежденной жизни, дикие кабаны в Фукусиме, похоже, лишь усугубляют и без того тяжелую ситуацию, подрывая усилия региона, изо всех сил пытающегося оправиться после событий 11 марта, как сообщалось в новостном сюжете, который я процитировала в начале. То есть кабаны препятствуют возвращению к нормальной жизни. И все же, когда «нормальной» является среда, в которой многовидовая жизнь подвергается смертельным рискам из-за капиталистического производства и накопления, разве тогда не становится возможным разглядеть в препятствиях, создаваемых дикими кабанам, что другие виды, помимо людей, обладают возможностью сопротивляться тому, чтобы их (снова) заставляли работать на капитализм, и возможностью объявить «забастовку»?

Забастовка самой жизни

Я начала статью с предположения о том, что именно потому, что радиоактивные дикие кабаны в Фукусиме, похоже, не обращают внимание на усиливающуюся прекарность после 11 марта, они являются сильным аргументом в пользу того, что прекарность выходит за рамки человеческого. Хотя кажется, что они глупы или что они не могут субъективно воспринимать и «переживать» опыт внешней незащищенности» (Хорнинг), они тем не менее помогают проиллюстрировать, почему нужно концептуализировать прекарное становление-видом, – чтобы понятие прекарности не упускало из виду многовидовую структуру «жизни», которой также угрожают текущие условия капитализма. Кабаны одновременно являются частью биоразнообразия и систем жизнеобеспечения (сосуществующих рядом с людьми), которые подвергаются новым видам риска. Но можно сказать, что они также являются примером того, что другие животные играют определенную роль в активизации потенциала, который имманентен прекарности, потенциала, который содержит в себе возможность того, что жизнь может быть организована таким образом, чтобы служить радикально

14. Анализ «многовидового идеала» в аниме и манге см. в LaMarre T. (2010) Speciesism, Part II: Tezuka Osamu and the Multispecies Ideal// Mechademia Second Arc. Vol. 5. No. 1. P. 51–85.

иным приоритетам, чем производство и воспроизводство капитализма и человека. Эта роль не является политически мотивированной и не устроена таким образом, что с ее помощью люди (теоретически) могут запустить цепочку перемен или объявить забастовку, превратив прекарность в «низовую биополитику» (Эллисон). Но это не означает, что потенциал, появившийся благодаря другим животным, — это пустяк (*bêtise*), который не имеет биополитических последствий¹⁵.

Данная дилемма, возникающая в связи с быстро размножающейся популяцией радиоактивных кабанов, которую трудно держать в границах зоны отчуждения «Фукусимы» (особенно учитывая, что трупы убитых животных остаются проблемой, потому что считаются радиоактивными отходами), фиксирует биополитический избыток, особенно на уровне языка, который используется для описания устойчивой жизни и который доминирует в политике выживания в прекарную эпоху неолиберализма. Когда другие животные активизируют жизненный потенциал в условиях прекарности способами, которые подталкивают стремление «оправиться» после катастрофы, их витальность больше не является образцом устойчивости, а выражает разрушительную автономию, которая дорого обходится и без того находящемуся в напряжении сообществу людей. Этой автономии оно не может допустить. В данном случае жизненная автономия и размножение кабанов в зоне отчуждения чрезвычайно сильно зависят от кризисных условий, вынуждающих (по крайней мере временно) людей и капитал поступиться своими суверенными интересами, которые ранее управляли их существованием. Как отмечает Рон Брوليو в книге «Существа, которые помнят Чернобыль», подобно радиоактивной зоне отчуждения вокруг Чернобыля, где также размножаются радиоактивные дикие кабаны, территория вокруг Фукусимы демонстрирует признаки превращения в «постчеловеческий заповедник дикой природы»¹⁶. И именно для того, чтобы лучше изучить, как другие животные используют контингентность для создания новых условий существования, которые не зависят от интересов людей и капитализма, необходимо понятие прекарного становления-видом. Выше я вкратце упомянула о противоположных эффектах с совершенно разными последствиями, связанных с грибами мацутаэ и кабанами, двумя устойчивыми формами жизни, которым удается жить «вопреки капитализму» [Цзин, 2017]. Почему первое внушает надежду, а второе ужас, возможно, лучше всего можно понять с помощью трактовки прекарности у автономистских марксистов, а особенно с помощью их утверждения о том, что «саму жизнь заставляют работать» в пост-

индустриальный период развития капитализма. Принимая во внимание феминистскую и постгуманистическую критику трактовки прекарности автономистскими марксистами, которая рискует вновь затушевать историю репродуктивного труда женщин и других видов, все же мацутаэ, не говоря уже о кошках, выполняющих аффективную работу в котокафе, можно рассматривать как биополитические ресурсы управления прекарностью в той мере, в какой их присутствие позволяет заставить жизнь снова работать даже после того, как условия существования многих видов были разрушены без возможности восстановления. Подобно первым зерновым культурам, которые оправляются после катастрофы на «Фукусиме», устойчивость мацутаэ поддерживает сохранение по крайней мере одного глобального рынка, несмотря на неисправность многих систем жизнеобеспечения. В этом смысле их борьбу за выживание легче включить обратно в производство и воспроизводство капитала, чем борьбу за выживание кабанов, чья радиоактивность затрудняет возможность снова использовать их в качестве жизненных ресурсов.

Но различие между тем, какие формы поврежденной жизни могут быть восстановлены системой капитализма для своего собственного функционирования, зависит не только от того, связан ли ущерб с последствиями, которые может принести полураспад радиоактивных веществ, но также и от управляемости рассматриваемого вида, то есть от степени того, насколько конкретное взаимодействие вида с контингентностью и прекарностью разрушает ожидания того, что вся жизнь на земле поддерживает интересы человечества и капитала или делает эту поддержку возможной. Кабаны на территории Фукусимы не просто стали непригодными для капитализма из-за радиации; есть также что-то решительно неуправляемое в устойчивости их популяции, сопровождающейся неумеренностью и похотливостью, в том, как они воплощают силу воспроизводства, работающую против управления прекарностью, которое функционирует для того, чтобы снова заставить саму жизнь работать (репродуктивные успехи кабанов никак положительно не влияют на человеческую надежду, что жизнь вернется в нормальное русло). Действия размножающихся и мародерствующих кабанов, учитывая автономный характер их обитания в зоне отчуждения, в которой господство капитала и людей, по крайней мере на время, рухнуло, в этом смысле могут быть истолкованы как форма «забастовки» (заимствуя это выражение у Эллисон) самой жизни. Кабаны продлевают момент критической дисфункциональности капитализма, противодействуют и не поддаются

15. О существовании нечеловеческих животных в эпоху биополитики более подробно см. в Shukin N. (2009) *Animal Capital: Rendering Life In Biopolitical Times*. — Прим. пер.

16. Брوليو в той же статье утверждает, что радиоактивные «кабаны и кролики», которые процветают на ядерных руинах, являются агентами «экологической памяти». См. также Broglio R. (2016) *The Creatures That Remember Chernobyl*. *The Atlantic*. Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/science/archive/2016/04/the-creatures-that-remember-chernobyl/479652/> (дата обращения: 14.06.2016).

восстановлению ни в качестве его материального, ни в качестве его аффективного ресурса.

Берлант предполагает, что инфраструктура капитализма «не идентична его системе или структуре», а вместо этого является «живым посредником в организации жизни – структурой жизненного мира» [Berlant, 2016, p. 393]. В определенном смысле ее трактовка инфраструктуры перекликается с критическими попытками политизировать непризнанный репродуктивный труд тех людей и других биологических видов, который лежит в основе капиталистического производства и накопления. Инфраструктура становится видимой, утверждает Берлант, только тогда, когда «сбой» в работе капитализма приводит к тому, что она выходит из строя [Berlant, 2016, p. 393]. Однако наиболее важным является то, что выход из строя инфраструктуры «открывает потенциал для новой организации жизни», но только в том случае, если принудительному восстановлению будет оказано сопротивление, и только тогда, когда другой инфраструктуре (и возникающим «условиям для ее перехода», как выражается Берлант) будет дан хотя бы призрачный шанс себя проявить [Berlant, 2016, p. 394]. Еще более важно то, что непреодолимое желание привести все в порядок характерно не только для господствующих социальных сил, стремящихся вернуться к нормальной жизни; Берлант предполагает, что к этому также склонны даже те, кто стремится сформулировать представления о наилучшей совместной жизни. То есть концепция общего (*commons*) сама по себе рискует воспроизвести систему, которой она бросает вызов, превратившись в пустую фантазию об альтернативной хорошей жизни, идеализируя общее как свободное от конфликтов справедливое пространство, к которому принадлежат и человеческие, и нечеловеческие существа, в котором также устранены сбои в функционировании существующих жизненных миров (инфраструктур). Обещая «укрепление суверенитета» [Berlant, 2016, p. 399] вместо «разрушенной фантазии о старой доброй жизни», концепция общего попадает в ловушку принудительного восстановления [Berlant, 2016, p. 396]. Поэтому Берлант пытается представить себе совместную жизнь в терминах переходных инфраструктур, которые реагируют на ущерб и сложность несuverенными способами, включающими «педагогику отучения от старых представлений в условиях жизни в неисправном мире». Зону отчуждения вокруг атомной электростанции в Фукусиме и многочисленную обитающую там популяцию диких кабанов лучше всего можно описать как инфраструктуру переходного периода или «сбой-инфраструктуру», как другой жизненный мир, который имманентно возникает из неисправного мира [Berlant, 2016, p. 396].

Следуя за Берлант, я делаю ставку на то, что радиоактивные дикие кабаны, размножающиеся в зоне

отчуждения Фукусимы, подорвут антикапиталистические устремления к совместной жизни с таким же рвением, с каким в они в настоящее время подрывают стремления людей возобновить привычный для этого региона бизнес. Это произойдет потому, что они вписываются в образ обновленного или «укрепленного» суверенитета не больше, чем в нынешний порядок. Однако в то время как Берлант призывает отучиться от использования «сверхразвитого сенсориума, который так быстро приспосабливается к поврежденной жизни и смотрит на нее лицом, выражающим не любопытство, а серьезность намерений», ее подход к несuverенному общему должным образом не учитывает другие виды [Berlant, 2016, p. 399]. Предполагается, что радиоактивные кабаны, как и другие животные, относятся к поврежденной жизни несерьезно, с любопытством, когда с удовольствием размножаются, несмотря на то что это не является экономически или социально выгодным предприятием (в этот момент они начинают воплощать избыток жизни, который трудно заставить снова работать). Они также поднимают проблематичный вопрос о том, как представить себе многовидовую общность, которая одновременно избегает ловушки принудительного восстановления поврежденной жизни и отказывается принимать прекаризации всех форм жизни (независимо от того, насколько они устойчивы), которая происходит после включения их в капиталистическое производство. Наконец, задача представить и инициировать создание совместной жизни, которая включает в себя несuverенные отношения с более чем человеческими другими, не является творческой привилегией одних только людей; кабаны также способствуют этому, изменяя инфраструктуру жизни, выходящую за рамки крайностей капитализма и концепции общего.

У историй о свирепствующих диких кабанах есть долгая традиция в культуре Японии. В отличие от появляющихся в СМИ сюжетов о радиоактивной популяции кабанов на территории Фукусимы, старые истории часто представляют кабанов как непокорных животных и даже мстительных духов, которые стремятся к возмездию (а не к восстановлению поврежденной жизни) за использование ресурсов или разрушение того, что я называю многовидовой общностью. Иносасао, бог-кабан в японской мифологии, убитый охотниками, возвращается как дух мщения, чтобы наказать беспечных охотников. В аниме-блокбастере «Принцесса Мононоке» (1997), автором сценария и режиссером которого является Хаяо Миядзаки, кабаны также фигурируют как суровые духи/монстры (*mononoke*), которые мстят за поврежденное экологическое равновесие: за вырубку леса и разрушающую окружающую среду добычу железа. «Свирепствующие» радиоактивные кабаны, которые изображаются как «колонизировавшие»¹⁷

17. См. Daley J. (2016) Radioactive Boars Rampage Around Fukushima // Smithsonian Magazine. Режим доступа: <http://www.smithsonianmag.com/ist/?next=/smart-news/radioactive-boars-rampage-around-fukushima-180958722> (дата обращения: 01.08.2016). См.

территорию Фукусимы существа (два слова, которые повторяются в заголовках недавних новостей), были включены в совершенно другой культурный нарратив, в котором подсчитываются экономические издержки от ущерба сельскому хозяйству, который они наносят (по некоторым сообщениям, 900 тыс. долл.¹⁸), в котором их представляют как животных, существование которых невозможно допустить в прекарные времена и которых необходимо устранить, если мы хотим восстановить приемлемые социально-экономические условия на территории Фукусимы. Парадоксально, но в этом представлении о кабанах как о препятствии на пути к возрождению забывают именно о том, о чем помнят в отношении мстительных кабанов в «Принцессе Мононоке», а именно вероятность, с которой многовидовая общность рискует быть уничтоженной смертоносной системой капитализма, которая прекаризирует все живое.

Источники

Цзин А.Л. (2017) Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ад Маргинем.
 Корбут А. (2017) От переводчика // Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы. С. 355–364.
 Allison A. (2013) Precarious Japan. Durham, NC: Duke University Press.
 Azuma H. (2009) Otaku: Japan's Database Animals. Translated by Jonathan E. Abel. Minneapolis: University of Minnesota Press.
 Berlant L. (2016) The Commons: Infrastructure for Troubling Times // Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 34. No. 3. P. 393–419.
 Broglio R. (2016) The Creatures That Remember Chernobyl: Radioactive Boars and Bunnies Won't Let Us Forget about the Nuclear Disaster // The Atlantic. Режим доступа: [\[ence/archive/2016/04/the-creatures-that-remember-chernobyl/479652/\]\(http://www.theatlantic.com/science/archive/2016/04/the-creatures-that-remember-chernobyl/479652/\) \(дата обращения: 12.07.2016\).
 Casas-Cortes M. \(2014\) A Genealogy of Precarity: A Toolbox for Rearticulating Fragmented Social Realities In and Out of the Workplace // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society. Vol. 26. No. 2. P. 206–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/08935696.2014.88849>.
 Federici S. \(2016\) Precarious Labor: A Feminist Viewpoint. Режим доступа: \[inthemiddleofthewhirlwind.wordpress.com/precarious-labor-a-feminist-view-point\]\(http://inthemiddleofthewhirlwind.wordpress.com/precarious-labor-a-feminist-view-point\) \(дата обращения: 03.07.2016\).
 Haraway D. \(2003\) The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Others. Chicago: Prickly Paradigm Press.
 Horning R. \(2012\) Precarity and 'Affective Resistance' // The New Inquiry. Режим доступа: <http://thenewinquiry.com/blog/precarity-and-affective-resistance/> \(дата обращения: 12.07.2016\).
 Hribal J. \(2007\) Animals, Agency, and Class: Writing the History of Animals From Below // Human Ecology Review. Vol. 14. No. 1. P. 101–112.
 LaMarre T. \(2010\) Speciesism, Part II: Tezuka Osamu and the Multispecies Ideal // Mechademia. Vol. 5. P. 51–85.
 Lorey I. \(2015\) State of Insecurity: Government of the Precarious / A. Derieg \(trans.\). Verso.
 More Boars Mean More Damage in Fukushima \(2013\) // The Japan Times. Режим доступа: <https://www.japantimes.co.jp/news/2013/09/24/national/more-boars-mean-more-damage-in-fukushima/> \(дата обращения: 05.07.2016\).
 Morton T. \(2013\) Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press.
 Neilsen B., Rossiter N. \(2008\) Precarity as a Political Concept, or, Fordism as Exception // Theory, Culture & Society. Vol. 25. No. 7–8. P. 51–72.
 O'Connor J. \(1998\) Natural Causes: Essays in Ecological Marxism. New York, London: The Guilford Press.
 Parry R.L. \(2016\) Radioactive Boars Run Wild around](http://www.theatlantic.com/sci-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Fukushima Reactors // The Times. Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/radioactive-boars-run-wild-around-fukushima-reactors-xfmh3gffx> (дата обращения: 12 июля 2016).
 Plourde L. (2014) Cat Cafes, Affective Labour, and the Healing Boom in Japan // Japanese Studies. Vol. 34. No. 2. P. 115–133.
 Puar J. (2012) Precarity Talk: A Virtual Roundtable with Lauren Berlant, Judith Butler, Bojana Cvejic, Isabell Lorey, Jasbir Puar, and Ana Vujanovic // TDR: The Drama Review. Vol. 56. No. 4. P. 163–177.
 Rosenbaum R. (2014) Towards an Introduction: Japan's Literature of Precarity // In Visions of Precarity in Japanese Popular Culture and Literature / K. Iwata-Weickgenannt, R. Rosenbaum (eds.). Routledge.
 Worley W. (2016) Radioactive Wild Boars Rampaging around Fukushima Nuclear Site // The Independent. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/radioactive-wildboars-rampaging-fukushima-nuclear-site-japan-a6972361.html> (дата обращения: 12.07.2016).

также статью в научном разделе *Business Insider* под заголовком «Дикие кабаны колонизировали территорию Фукусимы» (Sundermier A. (2016) Wild Boars Have Colonized Fukushima // Business Insider. Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/wildboars-have-colonized-fukushima-2016-4> (дата обращения: 01.08.2016).

18. Данная сумма указана в: Andrews T.M. (2016) Thousands of Radioactive Boars Are Overrunning Farmland in Fukushima // Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2016/04/11/thousands-of-radioactive-boars-areoverrunning-farmland-in-fukushima/> (дата обращения: 01.08.2016).

PRECARIOUS ENCOUNTERS

Nicole Shukin, Associate Professor, Department of English at the University of Victoria (UVic), 3800 Finnerty Rd, Victoria, BC V8P 5C2, Canada.
E-mail: nshukin@uvic.ca

This paper explores the conceptual implications of the proliferation of radioactive wild boars in the Fukushima exclusion zone after the 2011 nuclear meltdown. Shukin uses this striking example as an occasion to conceptualize a “becoming-species” of precarity—a way of accounting for how nonhuman lives and multispecies relationships are caught up in and impacted by conditions of generalized insecurity under global capitalism. Building on feminist and posthumanist critiques, Shukin argues that most theorizations of precarity remain limited by anthropocentric assumptions that only humans can subjectively experience precarity. In contrast, the political framework of the becoming-species of precarity is attuned to how human and nonhuman lives are entangled and co-constituted. Shukin positions encounters with animals as infrastructural supports for governing precarity and repairing damaged life. The boars’ resilience in Fukushima’s radioactive ruins represents an ungovernable autonomy that disrupts sovereign attempts to restore capital accumulation and circulation. Shukin suggests that precarious encounters with the boars catalyze an ambivalent, “transitional infrastructure” that opens onto alternate multispecies commons, beyond compulsive efforts to repair a “malfunctioning world.” Rather than symbols of ungoverned vulnerability, the radioactive boars emerge as figures of ecological remembrance and symbolic reminders of the precarity intrinsic to all life under capitalism.

Keywords: precarity; nonhuman animals; becoming-species of precarity; capitalism; governmentality; biopower

Citation: Shukin N. (2024) Precarious Encounters. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 44–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202444-58>

References

Allison A. (2013). *Precarious Japan*. Durham, NC: Duke University Press.
Azuma H. (2009). *Otaku: Japan’s Database Animals*/E. Abel

- (trans.). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Berlant L. (2016). The Commons: Infrastructure for Troubling Times. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 3, pp. 393–419.
- Broglio R. (2016). The Creatures That Remember Chernobyl: Radioactive Boars and Bunnies Won’t Let Us Forget about the Nuclear Disaster. *The Atlantic*. Available at: <http://www.theatlantic.com/science/archive/2016/04/the-creatures-that-remember-chernobyl/479652/> (accessed July 12, 2016).
- Casas-Cortes M. (2014). A Genealogy of Precarity: A Toolbox for Rearticulating Fragmented Social Realities in and Out of the Workplace//Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society, vol. 26, no 2, pp. 206–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/08935696.2014.88849>.
- Tsing A.L. (2017) Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinalakh kapitalizma [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Federici S. Precarious Labor: A Feminist Viewpoint. Available at: <http://inthemiddleofthewhirlwind.wordpress.com/precious-labor-a-feminist-view-point/> (accessed July 3, 2016).
- Haraway D. (2003). *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Others*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Horning R. (2012). Precarity and ‘Affective Resistance’. *The New Inquiry*. Available at: <http://thenewinquiry.com/blog/precarity-and-affective-resistance/> (accessed July 12, 2016)
- Hribal J. (2007). Animals, Agency, and Class: Writing the History of Animals from Below. *Human Ecology Review*, vol. 14, no 1, pp. 101–112.
- Korbut A. (2017) Ot perevodchika [From the Translator] *Goffman E. Povedenie v publichnykh mestakh: zametki o sotsial’noy organizatsii sborishch* [Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings]. Moscow: Elementarnye formy [Elementary Forms], pp. 355–364. (in Russian)
- LaMarre T. (2010). Speciesism, Part II: Tezuka Osamu and the Multispecies Ideal. *Mechademia*, vol. 5, pp. 51–85.
- Lorey I. (2015). *State of Insecurity: Government of the Precarious*/A. Derieg (trans.). London: Verso.
- More Boars Mean More Damage in Fukushima (2013). *The Japan Times*. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/news/2013/09/24/national/more-boars-mean-more-damage-in-fukushima/> (accessed July 5, 2016).
- Morton T. (2013). *Hyperobjects. Philosophy And Ecology After the End of the World*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Neilsen B., Rossiter N. (2008). Precarity as a Political Concept, or, Fordism as Exception//Theory, Culture & Society, vol. 25, no 7–8, pp. 51–72.
- O’Connor J. (1998). *Natural Causes: Essays in Ecological Marxism*. New York, London: The Guilford Press.
- Parry R.L. (2016). Radioactive Boars Run Wild around Fukushima Reactors. *The Times*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/radioactive-boars-run-wild-around-fukushima-reactors-xfmh3gffx> (accessed July 12, 2016).
- Plourde L. (2014). Cat Cafes, Affective Labour, And the Healing Boom in Japan. *Japanese Studies*, vol. 34, no 2, pp. 115–133.
- Puar J. (2012). Precarity Talk: A Virtual Roundtable with Lauren Berlant, Judith Butler, Bojana Cvejic, Isabell Lorey, Jasbir Puar, And Ana Vujanovic. *TDR: The Drama Review*, vol. 56, no 4, pp. 163–177.
- Rosenbaum R. (2014). Towards an Introduction: Japan’s Literature of Precarity. In *Visions of Precarity in Japanese Popular Culture and Literature*/K. Iwata-Weickgenannt, R. Rosenbaum (eds.). Abingdon, New York: Routledge.
- Worley W. (2016). Radioactive wild boars rampaging around Fukushima nuclear site. *The Independent*. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/radioactive-wildboars-rampaging-fukushima-nuclear-site-japan-a6972361.html> (accessed July 12, 2016).

От течения к насыщенности: что произошло с содержимым стакана Эрика Свингедоу за последние 28 лет?

Анастасия Волынова

Всякой воде отведено свое место, но это место – в движении.

Энн Карсон. 1 = 1

В 1996 году Эрик Свингедоу опубликовал статью «Город как гибрид: о природе, обществе и киборг-урбанизации» [Swyngedouw, 1996, 2004]. В ней географ, автор работ о политической экологии городских пространств анализирует выстроенные между социумом и природной средой связи, чтобы предложить модель города-гибрида, в котором производство таких связей будет подчинено иной логике. Указывая на невнимательность к интенциональности природного мира за пределами производственных отношений со стороны теоретиков марксизма и незаинтересованность исследователей и практиков критической урбанистики в союзничестве с экологическими движениями, Свингедоу приходит к выводу, что отношения между категориями социального и природного опосредованы внешней диалектикой: они сосуществуют, но представляют собой самостоятельные, разобщенные, строго ограниченные категории. Взамен такой логике Свингедоу представляет метаболическую систему социоприроды, организованную по принципам внутренней диалектики и подразумевающую непрерывное совместное

Волынова Анастасия, магистр теории современного искусства, Лондонский университет Голдсмит (GUL), Лондон, Великобритания, Senate House, Malet Street, London WC1E 7HU, United Kingdom; независимая исследовательница. E-mail: nastia.volynova@gmail.com

Статья обращается к написанному в 1996 году Эриком Свингедоу эссе «Город как гибрид: о природе, обществе и киборг-урбанизации», чтобы проанализировать, как изменились процессы производства урбанизированной воды в первой четверти XXI века. Статья предлагает пересмотреть идеи Свингедоу о городе как о пространстве, организованном сетью многочисленных потоков человеческих и нечеловеческих деятелей, товаров и информации, и о наполненном водой стакане как о материальном воплощении движения таких потоков. Развитие глобальных, внесударственных и устроенных иначе городских образований во второй половине XX века, а также привлечение исследователями синей гуманитаристики данных о материальных свойствах воды, как утверждает статья, делают возможным отказ от распространенного мышления потоками, которое задействует Свингедоу, в пользу более внимательных к специфическим качествам водной материи аналитических подходов. В статье рассматривается подход, разработанный Мелоди Джу и Рафико Руизом и осмысляющий городское пространство как непрерывно преобразующую среду, насыщенную телами, предметами и другими феноменами, которые исследователи определяют как местоположенные материальные проявления многообразных отношений между водой и другими природными первоэлементами. Такой способ мышления позволяет расширить оперативные рамки сетевых и инфраструктурных подходов, подразумевающих делимость и изолированность составляющих их компонентов, и дает возможность проследить рассредоточенные связи между современными городами, таким образом демонстрируя, что даже урбанизированная вода распространяется далеко за пределы зарегулированных течений.

Ключевые слова: глобальные города; политическая экология; синяя гуманитаристика; урбанизированная вода; элементные медиаисследования

Цитирование: Волынова А. А. (2024) От течения к насыщенности: что произошло с содержимым стакана Эрика Свингедоу за последние 28 лет? // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202459-67>

становление двух категорий: лишившись четких границ, они образуют целое, претерпевают изменения и производят киборгианские тела, «частично социальные, частично природные» [Swyngedouw, 1996]. Опираясь на размышления Анри Лефевра о связи пространства и времени [Лефевр, 2015] и концепции квази-объекта Бруно Латура [Латур, 2006], исследователь описывает город-гибрид как сеть разнообразных процессов производства урбанизированной социоприроды и знаний о ней, одновременно взаимодополняющих и взаимоисключающих друг друга. Свингедоу называет такие процессы потоками и, подчеркивая, что именно водные течения обуславливают их возможность, использует наполненный водой стакан в качестве примера устройства города-гибрида:

«Таким образом, мой стакан воды заключает в себе множество историй о “городе как о гибриде”. Ризома, состоящая из стоков подземных и поверхностных вод, потоков, труб и вен, которые сливаются в урбанизированную воду, бьющую из водозаборной колонки, – это емкая метафора социально-экологических процессов, получивших воплощение в городской жизни» [Swyngedouw, 1996].

Вода в таком стакане, по определению Свингедоу, «урбанизирована»: она не имеет цвета, лишена запаха и вкуса, очищена от лишних органических и неорганических примесей и готова к употреблению. Другими словами, прежде многообразная расположенная, по Харрауэй [Haraway, 1988], – населенная различными организмами и смешанная с твердыми и жидкими отходами вода превращается в товар, однородную жидкость, которая наполняет пластиковые бутылки, наводняет трубопроводы, каналы и водохранилища и вращает турбины гидроэлектростанций. Обращаясь к стакану с прозрачной водой как к продукту производственных процессов, Свингедоу предлагает проследить за течением химических, физических, политических, социальных и иных отношений, способствующих урбанизации воды. Он рассматривает такие течения в рамках единой сети, одновременно глубоко укорененной и широко разветвленной. Хотя Свингедоу не прибегает в своей статье к такой терминологии, описанная им сеть функционирует как инфраструктура – сложная, многокомпонентная, протяженная в пространстве и времени и охватывающая множество человеческих и нечеловеческих деятелей система, которая прокладывает путь от водоносного слоя до очистных сооружений [Anand et al. (eds.), 2018].

Прошлый век оставил большое число гидротехнических проектов, свидетельствующих о стремлении управлять водными потоками, – от возведения акведука в долине реки Оуэнс и строительства Панамского канала до создания ирригационной системы на основе запасов Нубийского водоносного слоя, перенаправления рек Амурдарья и Сырдарья

и сооружения гидроузла на реке Янцзы [Reisner, 1993; Carse, 2014; Thorweihe, 1990; Peterson, 2019; Dai et al. (eds.), 1998]. Несмотря на внушительные финансовые вложения, значительные технические усилия и колоссальное количество рабочих рук, такие проекты не смогли установить полный контроль над потоками воды. Там, где дамбы, трубопроводы, шлюзы, деривационные каналы и другие сооружения расширяют, сужают, углубляют или запруживают водные потоки, подчиняя их согласованной системе, увеличение атмосферных осадков, появление потоков, высыхание водоемов, опустынивание или заболачивание земель указывают на сообщение этих потоков с незарегулированной водной материей. О кризисе урбанизированной воды как наиболее распространенной форме воды пишет и сам Свингедоу. Он перечисляет растущий недостаток водных ресурсов в мировых городах-гигантах, загрязнение городской воды химическими отходами и отсутствие питьевой воды у более чем миллиарда человек среди других примеров, демонстрирующих, как процессы урбанизации влияют на представления о качестве и количестве доступных водных источников [Swyngedouw, 1996].

Вместе со Свингедоу связь между различными политическими воображениями воды и практиками водопользования анализируют многие другие исследователи, настаивая на пересмотре идеологических императивов, которые привели к нехватке, загрязнению, неравному распределению и прочим значимым водным проблемам [Helmreich, 2009; Neimanis, 2017; Da Cunha, 2018; Ballesterio, 2019]. Кроме необходимости изменить отношение к водоемам и отказаться от антропоцентрического взгляда на них, ученые, активисты, художники и иные практики предлагают различать за потоками другие водные формы. Джанин Маклеод пишет, что представление о воде как о потоке – имеющем строгие границы, направление и скорость – способствует мимикрии потоков капитала под естественные, природные потоки, имеющие «фундаментальное значение для поддержания жизни, как кровь, текущая по венам существ с циркуляторной системой, или артериальные ответвления речных дельт» [MacLeod, 2013]. Астрида Нейманис соглашается, что течение – это всего лишь одна из возможностей водной материи существовать и становиться, и добавляет, что вода имеет «другие способы движения и организации тел» [Neimanis, 2017], например грозовые облака, аквиферы и подледные озера.

Следуя за текущими в современных городах потоками и опираясь на исследования множественных сообщающихся водных форм, я предлагаю вернуться к предложенной Свингедоу почти что 30 лет назад идее о стакане воды как об аватаре города-гибрида, чтобы проследить, как преобразовалось его содержимое. Что сегодня наполняет такой стакан? Какие способы водоснабжения подразумевают современные практики урбанизации? И какое влияние эти практики оказывают на глубокие климатические

изменения, наблюдаемые в соленых и пресных водоемах?

Течения в городе и города в течении

Как настаивают антропологи, изучающие водную материю, каждое обращение к водоемам требует пересмотра само собой разумеющихся определений воды и выработку расположенных описаний [Ballesterio, 2019]. Необходимость уточняющего переопределения вещества, ускользающего от четких формулировок, исследователи объясняют стремлением заменить упрощенные представления о его движении – например, бесконечно воспроизводящем воду гидрологическом цикле – на более внимательные ко множественности его форм и значений концепции. Учитывая предостережения о возможной антропоморфизации и деполитизации водной материи и критику естественно-научного подхода [Farnsworth, 2010; Bakker, 2012], обращение к воде в этой статье продиктовано логикой выстраивания и поддержания отношений – взаимовлияния водных, социальных, политических и других процессов и их деятелей друг на друга [Chen et al. (eds.), 2013]. Вода может созидать и разрушать, насыщать и истощать, смешивать и растворять, связывать и разделять. Разные модели отношений – опосредованные рациональным западноевропейским знанием или унаследованные в устных и письменных традициях коренных народов – производят разные ценности и порождают разные способы такие ценности сохранять, приумножать или уничтожать. Как пишет Джейми Линтон: «Вода – это то, что мы из нее создаем» [Linton, 2010].

Одно из наиболее распространенных представлений о воде и ее перемещении в городском пространстве – это течение. Вода течет в реках и судходных каналах, внутри водопроводов и из кранов, по дренажным и канализационным трубам. Различные политические, экономические и технические инфраструктуры занимаются производством течения, определяют его объем, скорость и направление и приводят в действие реляционную систему, превращающую водную материю в ресурс пресной воды и энергии. Линтон называет такую систему современной водой, датирует ее появление XVII веком и описывает как гомогенную абстракцию, материализовавшуюся в соединении водорода и кислорода [Linton, 2010]. По Линтону, современная вода получает строго регламентируемые качества, ограниченное количество, набор символических значений и на основе всего этого – денежное выражение. Чтобы извлечь как можно больше выгоды из таких отношений, то есть обеспечить длительную и экономически эффективную эксплуатацию водной материи, над современной водой необходимо осуществлять контроль: следить за общим уровнем, вовремя сбрасывать излишки, проводить очистные работы и иными способами гарантировать непрерывность эксплуатации. Осуществление кон-

троля над течением не только влияет на функционирование технических инфраструктур, перемещающих воду, но и зонирование городского пространство, создавая социальные иерархии на основе доступа к водным источникам [Von Schnitzler, 2016; Anand, 2017].

Течение современной воды, постепенно принимающее форму спрямленного зигзага реки, долгое время оставалось одним из основных элементов города Нового времени: вместительности растущего числа промышленных предприятий, использующих пресную воду в производстве; пространства, заполненного сливаемыми в водотоки нечистотами; и территории, пронизанной подводными стоками к местам пользования и отводящими их на очистные сооружения трубопроводами [Kaika, 2005]. Принимая на себя функции источников воды для бытовых и промышленных нужд, сырья для производства электроэнергии, транспортных маршрутов для перевозки грузов, Волга, Ганг, Миссисипи, Нил, Рейн и другие реки обрастали зданиями фабрик и заводов, сами реки застраивались гидросооружениями, заключались в массивные подпорные стены набережных, претерпевали дноуглубительные работы и иными способами служили воспроизводству современной воды [Zeisler-Vralsted, 2014; Alley, 2002; Barnes, 2014; Pritchard, 201; Knoll et al., 2017]. Чем больше и разветвленное становились потоки товаров, информации и людей в городском пространстве, тем менее заметными становились речные течения. Вода в них исчерпывалась и загрязнялась, а русла нередко вставали на пути у инвестиционных потоков, что поднимало вопросы о перенаправлении, закрытии в коллекторные трубы, засыпанию грунтом, помещению под землю и других возможностях зарегулировать реку и ее притоки [Tvedt and Oestigaard (eds.), 2014].

Увеличение числа неводных, но опосредованных современной водой потоков в городском пространстве оказывало влияние и на организацию и функционирование самого города: его политических и социально-экономических инфраструктур, технических средств и социальных иерархий. Как пишет Сасския Сассен, на 1960-е годы пришлось становление глобальных городов – новых центров, объединяющих в себе «основные командные пункты мировой экономики; ключевые места сосредоточения финансов и специализированных компаний в сфере услуг, заменивших обрабатывающую промышленность в качестве ведущего экономического сектора; места производства, в том числе места производства инноваций, в этих ведущих отраслях промышленности; и рынки сбыта продукции и производимых инноваций» [Sassen, 1991]. В то время как Сассен сосредоточена на изменениях в урбанизированных пространствах, подчиненных отдельным государственным юрисдикциям или их гибридным пересечениям, Келлер Истерлинг предлагает обратить внимание на другой тип города, развивающийся параллельно глобальному, – внего-

сударственный город. Подчеркивая, подобно Сассен, господство финансовых течений и информационной циркуляции, способных трансформировать городское пространство как «платформу, которая обновляется, чтобы справиться с изменяющимися обстоятельствами» [Easterling, 2014], Истерлинг отмечает, что внегосударственный город находится одновременно вне досягаемости национальных законодательных органов и в партнерстве с ними. Она называет такие города темными двойниками уже существующих мегаполисов, например Мумбаи или Сеула, устанавливающими льготные условия налогообложения, тем самым привлекая финансовые потоки, текущие сквозь зоны свободной торговли, зоны экспортной переработки, научные и технологические парки и другие прокси-территории.

Можно сказать, что город, мыслимый еще в первой половине прошлого века вместилищем промышленных процессов, организованных вокруг водного течения, во второй половине превратился в поток финансовых инвестиций и информации, постоянно обновляемую инфраструктуру, в которой зарегулированная река – если она пересекает внегосударственный город – теряет свое стратегическое значение, будучи неспособной справиться с темпами производства и роста населения [Hui et al., 2020]. Несмотря на специальные таможенные режимы, высокотехнологичность и другие характеристики, заметно выделяющие внегосударственные города на фоне остальных, воспроизводство города-потока остается зависимым от доступного объема воды. Часто возникая в местах с недостатком пресноводных источников, например в засушливых регионах с жарким и сухим климатом, допельгангеры мегаполисов обращаются к технологиям крупномасштабного водоснабжения: опреснению морской воды, бурению водоносных горизонтов и перенаправлению поверхностных стоков [Quesne et al., 2021]. Хотя эти технологии позволяют достаточно быстро решить проблему нехватки воды, долгосрочные последствия их применения свидетельствуют о серьезных проблемах, возникающих при перемещении и трансформации водной материи [Caretta et al. (eds.), 2022; Williams et al. (eds.), 2023; Williams, 2022; Molle et al. (eds.), 2018; Mehta et al. (eds.), 2012].

Помимо использования удаленных или не предназначенных для водоснабжения источников, города-потоки также вовлекают в свою инфраструктуру водоемы, располагающиеся на значительном расстоянии от бизнес-центров, где заключаются финансовые сделки, и фирм, которые берут на себя планирование и управление рабочими процессами. Подразумеваемая одновременно «пространственное рассредоточение и глобальную интеграцию», как описывает Сассен [Sassen, 1991], такие города включают в себя фабрики и заводы, управленческие компании, штаб-квартиры и другие специализированные образования, находящиеся далеко друг от друга: в разных странах и различных геополити-

ческих контекстах. Как правило, промышленные предприятия – уступившие, по мнению Сассен [Sassen, 1991], место сервисной индустрии, но тем не менее занимающие важное место в разветвленной сети городов-потоков – размещаются в менее экономически развитых по сравнению с западноевропейскими странами регионах, что позволяет сэкономить не только на заработной плате, но и на затратах, связанных с экологическими требованиями к производству. Пренебрежение такими требованиями приводит к чрезмерной эксплуатации, неконтролируемым выбросам отходов и другим злоупотреблениям водоемами, которые на первый взгляд кажутся не связанными с потоками глобальных и внегосударственных городов [Wang and Rainbow, 2020].

От течения – к насыщенности

Возвращаясь к рассуждению Маклеод о взаимовлиянии метафор, связанных со свойствами водной материи, и о приписываемых ей разными сообществами значений, важно отметить, что представление о потоке и сопряженной с ним текучести как об основных характеристиках воды долгое время занимало центральное место в воображении писателей и философов Гомера, Гераклита, Никколо Макиавелли, Жан-Жака Руссо, Вирджинии Вульф и Ролана Барта среди многих других. За исключением редких работ, выходящих за пределы этого представления, например монографии «Море вокруг нас» Рейчел Карсон, изучение других форм водной материи и возможностей ее перемещения пришлось на 1990-е – начало 2000-х годов. Междисциплинарные исследования воды возникли в отдельных направлениях истории, литературоведения, культурологии и антропологии и постепенно сформировали самостоятельное исследовательское поле – синюю гуманитаристику [Mentz, 2009; DeLoughrey, 2023; Oppermann, 2023; Mentz, 2024]. Серпил Опперманн описывает это поле как «поистине трансдисциплинарную область, <которая> изучает планетарные воды с социокультурной, литературной, исторической, эстетической, этической и множества других точек зрения и раскрывает более широкие социальные последствия применения гидрологических наук» [Oppermann, 2023].

Изначально сосредоточившись на описании Мирового океана, исследователи синей гуманитаристики начали заниматься озерами, реками, ледниками, водно-болотными угодьями, водоносными горизонтами, облаками и иными формами, которые принимает вода [De Wolff et al. (eds.), 2022]. Кроме того, они пересмотрели устоявшиеся представления о водоемах как о не подвластной человеку стихии, как о месте пересечения конкурирующих ресурсов, человеческих и информационных потоков или как о плоском малоподвижном гомогенном антиподе суши и стали использовать новые подходы к изучению водной материи на основе данных о мате-

риальных свойствах воды, которые раньше не принимались во внимание [Cohen, 2006; Campling and Colás, 2021; Peters and Steinberg, 2019]. Один из таких подходов, кажущийся особенно полезным для обнаружения следов присутствия воды в современном городе, разработали Мелоди Джу и Рафико Руиз. Отталкиваясь от идеи о непрекращающемся становлении водной материи с другими природными элементами – скажем, выпадении осадков из образованных путем конденсации водяного пара облаков и дальнейшем их попадании в сухую почву, напитываемую влагой, – исследователи предложили концепцию насыщенности – процесс-ориентированный способ одновременно анализировать феномены разного порядка, возникающие в местоположенных конфигурациях глобального капитализма, нефтехимической промышленности и колониального насилия и претерпевающие постоянное изменение своих качеств под воздействием друг друга [Jue and Ruiz, 2021].

Согласно Джу и Руизу, обращение к насыщенности позволяет вырабатывать более чувствительные к материальной специфичности водного первоэлемента методы описания отношений между человеческими и нечеловеческими деятелями и водой, в которых, в отличие от многих сущестцентричных реляционных систем, невозможно провести четкие границы между феноменами – телами, явлениями и средами, участвующими в непрерывном процессе воспроизводства. Исследователи мыслят насыщенность и связи между феноменами с помощью объема как оперативной категории и толщины как одной из ее основных характеристик. Противопоставляя мышление объемами распространенной концептуализации водного течения посредством направленного движения по поверхности [Steinberg and Peters, 2015], они подчеркивают, что насыщенность предполагает уход от намеренного уплощения тел, явлений и сред в пользу их рассмотрения в состоянии суспензии – такого смешения веществ, при котором твердые вещества распределены в виде мельчайших частиц в жидком веществе во взвешенном состоянии, – чтобы проследить, как устроены сопричастующие, разномасштабные и протяженные во времени отношения власти, организующие эти феномены. Такой пространственный поворот, по мнению Джу и Руиза, дает возможность переосмыслить земные и водные пространства не как ограниченные геополитическими условиями вместилища различных веществ, а как объемные толщи, уделяя тем самым внимание первоэлементам и другим нечеловеческим деятелям и их интенциональности.

Кроме того, насыщенность как способ концептуализировать непрерывно преобразующиеся водные среды позволяет анализировать процессы становления составляющих их вещественных форм – человеческих и нечеловеческих тел и используемых ими предметов – как конкретные местоположенные материальные проявления определенных отноше-

ний между водой и другими природными первоэлементами. В отличие от Свингедоу, который похожим образом описывает многосоставные, переплетенные и подвижные организующие принципы гибридных, или квази-, объектов социоприроды, тем не менее настаивая на том, что «мы не можем избежать “вещи” или “продукта»» [Swyngedouw, 1996], Джу и Руиз основываются на идее Карен Барад об интраакциях и невозможности априорного бытия деятельных агентов и наделяют конфигурации отношений, обусловленные материальными свойствами первоэлементов, способностью созидать, воспроизводить и изменять феномены, существующие исключительно в связях друг с другом [Barad, 2007; Jue and Ruiz, 2021]. Своим стремлением уйти от индивидуальной обусловленности человеческих и нечеловеческих деятелей исследователи предлагают расширить возможности сетевых и инфраструктурных аналитических моделей, которые изучают пересечения обособленных потоков, чтобы включить в них насыщенные водой тела, явления и среды.

Чтобы показать, как работает концепция насыщенности, Руиз обращается к проблеме недостаточного водоснабжения в Южной Калифорнии – вмещающей современные глобальные города с бизнес-центрами и портовыми узлами, такие как Лос-Анджелес, коренным образом изменившие влагооборот в регионе, – и применению различных технологий производства необходимого количества пресной воды [Ruiz, 2021]. Исследователь анализирует превращение характерной для Южной Калифорнии практики опреснения морской воды во второй половине XX века в очередную форму коммодификации природного первоэлемента, давнее американским ученым в конце 1970-х годов уверенность в развитии еще более радикальной, но менее дорогостоящей и трудоемкой практики – транспортировки айсбергов из Антарктики в засушливые места, в частности в Саудовскую Аравию, и использовании их водных запасов для ирригационных целей. Он описывает опреснение как способ максимального извлечения водного первоэлемента для промышленных целей, возникшего в ответ на глубокие изменения агрегатных состояний воды – он называет это планетарным гидрологическим циклом в фазовом переходе – и ее циркуляцию через пороги насыщенности: «океанская вода лишается соли, превращаясь в пресную воду, которая насыщает человеческие тела, а океан снова насыщается концентрированными соляными растворами» [Ruiz, 2021]. Приведенный Руизом пример стремления к насыщенности водными ресурсами любыми средствами демонстрирует, как сети глобальных, внесударственных и других урбанизированных образований вторгаются во влагооборот и производят серьезные климатические изменения, влекущие за собой еще более масштабные проекты терраформирования, чтобы обеспечивать бесперебойное течение организующих их потоков.

Город как насыщенная среда

Поставленные Свингедоу почти 30 лет назад вопросы о воздействии локальных и глобальных урбанистических процессов на влагооборот в планетарном масштабе остаются насущными и продолжают требовать принятия неотложных мер. Возведение акведуков, строительство каналов, прокладка трубопроводов, бурение скважин, опреснение океанской воды, разрабатываемые технологии транспортировки айсбергов и создания гидроузлов на морях и другие проекты водоснабжения демонстрируют намерение расширять возможности производства пресной воды и вовлекать все новые источники без учета фазового превращения водного вещества под воздействием растущей антропогенной нагрузки. Но в то время как объемы производимого пресноводного ресурса постоянно увеличиваются, число людей, которые имеют свободный доступ к чистой питьевой воде, особенно на территориях, вовлеченных в военные действия, стремительно сокращается. Если в 1996 году Свингедоу писал, что безопасные пресноводные источники были недоступны миллиарду человек, то к 2023 году их число возросло до двух миллиардов [Swyngedouw, 1996]. Люди пьют воду из пластиковых бутылок и пакетов, жестяных кружек и использованных консервных банок. Ее цвет и запах и наличие в ней опасных для человека примесей разнятся от места к месту.

Несмотря на актуальность сформулированных Свингедоу вопросов, его промежуточные ответы сегодня требуют пересмотра. Активное развитие городов из пространств, организованных вокруг течения рек, в глобальные, государственные и устроенные иным образом города-потоки, полагающиеся на подачу воды из удаленных, не связанных с ними непосредственно источников, а также привлечение исследователями синей гуманитаристики знаний о материальных свойствах воды делают возможным отказ от мышления потоками, которым пользуется Свингедоу, в пользу более внимательных к специфическим качествам водной материи аналитических подходов. Предложенная в этой статье концепция насыщенности, разработанная Джу и Руизом и предполагающая обращение к водному первоэлементу как к обязательному условию совместного становления различных феноменов, позволяет представить современный город не как поток, а как среду, насыщенную телами, предметами и процессами, опосредованными влагой. Она расширяет оперативные рамки сетевых и инфраструктурных подходов, подразумевающих делимость и изолированность составляющих их компонентов, и дает возможность проследить еще более распределенные связи между современными городами, основываясь на преобразовании водного вещества. Как концептуальная идея насыщенность работает не только с содержимым, но и с самим стаканом Свингедоу – рассматривает его как ситуативную вещественную форму, которую принимают множе-

ственные отношения между первоэлементами, вовлеченными в его производство, и, таким образом, демонстрирует, что даже современная, или урбанизованная, вода распространяется далеко за пределы зарегулированных течений.

Благодарности

Авторка благодарит Федора Симонова за помощь в работе над статьей.

Источники

- Латур Б. (2006) Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии/Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Лефевр А. (2015) Производство пространства/Пер. с фр. под ред. И.К. Стаф. М.: Strelka press.
- Alley K.D. (2002) On the Banks of the Gaṅgā: When Wastewater Meets a Sacred River. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Anand N. (2017) Hydraulic City: Water and the Infrastructures of Citizenship in Mumbai. Durham, London: Duke University Press.
- Anand N., Gupta A., Appel H. (2018) The Promise of Infrastructure. Durham, London: Duke University Press.
- Bakker K. (2012) Water: Political, Biopolitical, Material. *Social Studies of Science*. Vol. 42. No. 4. P. 616–23.
- Ballester A. (2019) A Future History of Water. Durham, London: Duke University Press.
- Ballester A. (2019) The Anthropology of Water. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 48. P. 405–421.
- Barad K. (2007) Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham, London: Duke University Press.
- Barnes J. (2014) Cultivating the Nile: The Everyday Politics of Water in Egypt. Durham, London: Duke University Press.
- Campling L., Colás A. (2021) Capitalism and the Sea: The Maritime Factor in the Making of the Modern World. London, New York: Verso.
- Caretta M.A. et al. (2022) Water//Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change/H.-O. Pörtner, D.C. Roberts, M. Tignor et al. (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press. P. 551–712.
- Carse A. (2014) Beyond the Big Ditch: Politics, Ecology, and Infrastructure at the Panama Canal. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Chen C., MacLeod J., Neimanis A. (eds.) (2013) Thinking with Water. Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press.
- Cohen M. (2006) The Chronotopes of the Sea//The Novel. Vol. 2. Forms and Themes/F. Moretti (ed.), Princeton and Oxford: Princeton University Press. P. 647–666.
- Connor R., Miletto M. (2023) The United Nations World Water Development Report 2023: Partnerships and Cooperation for Water, Executive Summary. UNESCO.
- Da Cunha D. (2018) The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Dai Q., Thibodeau J., Yi M. (eds.) (1998) The River Dragon Has Come! The Three Gorges Dam and the Fate of China's Yangtze River and Its People. Armonk: Sharpe.

- De Wolff K., Faletti R.C., López-Calvo I. (eds.) (2022) *Hydrohumanities: Water Discourse and Environmental Futures*. Oakland: University of California Press.
- DeLoughrey E. (2023) *Mining the Seas//Laws of the Sea: Interdisciplinary Currents/I*. Braverman (ed.). London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group. P. 145–163.
- Easterling K. (2014) *Extrastatecraft: The Power of Infrastructure Space*. London, New York: Verso.
- Farnsworth R. (2010) *Water, its Flux, its Cycle and its Power: The Romantic Turning Point in the History of the Water Idea//A History of Water. Ideas of Water from Ancient Societies to the Modern World*. Vol. 1. Series 2/T. Tvedt, T. Oestigaard (eds.) London, New York: I.B. Tauris. P. 124–146.
- Haraway D. (1988) *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective//Feminist Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 575–599.
- Helmreich S. (2009) *Alien Ocean: Anthropological Voyages in Microbial Seas*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Hui E.C. M., Li X., Chen T., Lang W. (2020) *Deciphering the Spatial Structure of China's Megacity Region: A New Bay Area—The Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area in the Making//Cities, The International Journal of Urban Policy and Planning*. Vol. 105.
- Jue M., Ruiz R. (eds.) (2021) *Saturation: An Elemental Politics*. Durham, London: Duke University Press.
- Kaika M. (2005) *City of Flows: Modernity, Nature, and The City*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Knoll M., Lübken U., Schott D. (2017) *Rivers Lost, Rivers Regained: Rethinking City-River Relations*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Linton J. (2010) *What Is Water? The History of a Modern Abstraction*. Vancouver: UBC Press.
- MacLeod J. (2013) *Water and the Material Imagination: Reading the Sea of Memory against the Flows of Capital//Thinking with Water/C*. Chen, J. MacLeod, A. Neimanis (eds.). Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press. P. 40–60.
- Mehta L., Veldwisch G.J., Franco J. (eds.) (2012) *Water Grabbing? Focus on the (Re)appropriation of Finite Water Resources. Special Issue//Water Alternatives*. Vol. 5. No. 2.
- Mentz St. (2024) *An Introduction to the Blue Humanities*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Mentz St. (2009) *Toward a Blue Cultural Studies: The Sea, Maritime Culture, and Early Modern English Literature//Literature Compass*. Vol. 6. No. 5. P. 997–1013.
- Molle, Fr., López-Gunn, E. and Van Steenberg, F. (eds.) (2018) *Local- and National-Level Politics of Groundwater Overexploitation. Special Issue//Water Alternatives*. Vol. 11. No. 3.
- Neimanis, A. (2017) *Bodies of Water: Posthuman Feminist Phenomenology*. London, New York: Bloomsbury.
- Neimanis, A. (2017) *Water and Knowledge//Downstream: Reimagining Water/D*. Christian, R. Wong (eds.). Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press.
- Oppermann, S. (2023) *Blue Humanities: Storied Waterscapes in the Anthropocene*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Peters, K., Steinberg, p. (2019) *The Ocean in Excess: Towards a More-than-wet Ontology//Dialogues in Human Geography*. Vol. 9. No. 3. P. 293–307.
- Peterson, M.K. (2019) *Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Pritchard, S.B. (2010) *Confluence: The Nature of Technology and the Remaking of the Rhône*. Cambridge: Harvard University Press.
- Le Quesne et al. (2021) *Is the Development of Desalination Compatible with Sustainable Development of the Arabian Gulf?//Marine Pollution Bulletin*. Vol. 173A.
- Reisner, M. (1993) *Cadillac Desert: The American West and Its Disappearing Water*. New York: Penguin Books.
- Ruiz, R. (2021) *Drought Conditions: Desalination and Deep Climate Change in Southern California//Saturation: An Elemental Politics/M*. Jue, R. Ruiz (eds.). Durham, London: Duke University Press. P. 205–219.
- Sassen, S. (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
- Steinberg P., Peters K. (2015) *Wet Ontologies, Fluid Spaces: Giving Depth to Volume through Oceanic Thinking//Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 33. No. 2. P. 247–264.
- Swyngedouw, E. (2004) *Social Power and the Urbanization of Water: Flows of Power*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Swyngedouw, E. (1996) *The City as a Hybrid: On Nature, Society and Cyborg Urbanisation//Capitalism, Nature, Socialism*. Vol. 7(1). No. 25. P. 65–80.
- Thorweihe, U. (1990) *Nubian aquifer system//The Geology of Egypt/R*. Said (ed.). Rotterdam: A.A. Balkema. P. 601–614.
- Tvedt, T., Oestigaard, T. (eds.) (2014) *A History of Water. Water and Urbanization*. Vol. 1. Series 3. London, New York: I.B. Tauris.
- Von Schnitzler, A. (2016) *Democracy's Infrastructure: Techno-Politics and Protest after Apartheid*. Princeton: Princeton University Press.
- Wang, W.-X., Rainbow, P.S. (2020) *Environmental Pollution of the Pearl River Estuary, China: Status and Impact of Contaminants in a Rapidly Developing Region*. Berlin: Springer.
- Williams, J. (2022) *Desalination in the 21st Century: A Critical Review of Trends and Debates//Water Alternatives*. Vol. 15. No. 2. P. 193–217.
- Williams, J., Beveridge, R., Mayaux, P.-L. (eds.) (2023) *Unconventional Waters: A Critical Understanding of Desalination and Wastewater Reuse. Special Issue//Water Alternatives*. Vol. 16. No. 2.
- Zeisler-Vralsted, D. (2014) *Rivers, Memory, and Nation-Building: A History of the Volga and Mississippi Rivers*. New York: Berghahn Books.

FROM FLOW TO SATURATION: WHAT HAPPENED TO ERIK SWYNGEDOUW'S GLASS OF WATER OVER THE LAST 28 YEARS?

Anastasia Volynova, MA in Contemporary Art Theory, Goldsmiths, University of London (GUL), Senate House, Malet Street, London WC1E 7HU, United Kingdom; independent researcher.
E-mail: nastia.volynova@gmail.com

This article revisits Erik Swyngedouw's 1996 essay "The City as a Hybrid: On Nature, Society and Cyborg Urbanization" to examine how urban water production has changed in the early 21st century. It proposes reconsidering Swyngedouw's ideas about the city as a space arranged by networks of multiple flows, involving human and non-human actors, goods and information, and about the glass filled with freshwater as a tangible representation of these dynamic flows. The development of global, extra-state, and otherwise structured urban spaces in the second half of the 20th century and the exploration of water's material properties by blue humanities scholars, have enabled the replacement of widespread thinking through the flow—as articulated in Swyngedouw's essay—with conceptual approaches that take the constitution of water seriously. The article discusses one such approach developed by Melody Jue and Rafico Ruiz to conceive of the urban space as a constantly changing environment, saturated with bodies, things, and other phenomena defined as situated manifestations emerging from the diverse relationships between water and other elements. This way of thinking about water allows for an expansion of network and infrastructure analysis, which implies the divisibility of their constituent components, to trace how spatially dispersed the connections between contemporary cities are, therefore demonstrating that urbanized water, too, flows outside confined streams.
Keywords: global cities; political ecology; blue humanities; urban water; elemental media

Citation: Volynova A. (2024) From Flow to Saturation: What Happened to Erik Swyngedouw's Glass of Water over the Last 28 Years? *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202459-67> (in Russian)

References

Latour B. (2006) Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoj antro-

pologii [We have never been modern. Essay on symmetrical anthropology]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University in St. Petersburg]. (in Russian)

Alley K.D. (2002) On the Banks of the Gaṅgā: When Wastewater Meets a Sacred River. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Anand N. (2017) Hydraulic City: Water and the Infrastructures of Citizenship in Mumbai. Durham, London: Duke University Press.

Anand N., Gupta A., Appel H. (2018) The Promise of Infrastructure. Durham, London: Duke University Press.

Bakker K. (2012) Water: Political, Biopolitical, Material. *Social Studies of Science*, vol. 42, no 4, pp. 616–623.

Ballesterio A. (2019) A Future History of Water. Durham, London: Duke University Press.

Ballesterio A. (2019) The Anthropology of Water. *Annual Review of Anthropology*, vol. 48, pp. 405–421.

Barad K. (2007) Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham, London: Duke University Press.

Barnes J. (2014) Cultivating the Nile: The Everyday Politics of Water in Egypt. Durham, London: Duke University Press.

Campling L., Colás A. (2021) Capitalism and the Sea: The Maritime Factor in the Making of the Modern World. London, New York: Verso.

Caretta M.A. et al. (2022) Water. *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. /H.-O. Pörtner, D.C. Roberts, M. Tignor et al. (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, pp. 551–712.

Carse A. (2014) Beyond the Big Ditch: Politics, Ecology, and Infrastructure at the Panama Canal. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Chen C., Macleod J., Neimanis A. (eds.) (2013) Thinking with Water. Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press.

Cohen M. (2006) The Chronotopes of the Sea. *The Novel. Vol. 2. Forms and Themes*/F. Moretti (ed.),

Princeton and Oxford: Princeton University Press, pp. 647–666.

Connor R., Miletto M. (2023) The United Nations World Water Development Report 2023: Partnerships and Cooperation for Water, Executive Summary. UNESCO.

Da Cunha D. (2018) The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Dai Q., Thibodeau J., Yi M. (eds.) (1998) The River Dragon Has Come! The Three Gorges Dam and the Fate of China's Yangtze River and Its People. Armonk: Sharpe.

De Wolff K., Faletti R.C., López-Calvo I. (eds.) (2022) Hydrohumanities: Water Discourse and Environmental Futures. Oakland: University of California Press.

DeLoughrey E. (2023) Mining the Seas. *Laws of the Sea: Interdisciplinary Currents*/I. Braverman (ed.). London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 145–163.

Easterling K. (2014) Extrastatecraft: The Power of Infrastructure Space. London, New York: Verso.

Farnsworth R. (2010) Water, its Flux, its Cycle and its Power: The Romantic Turning Point in the History of the Water Idea. *A History of Water. Ideas of Water from Ancient Societies to the Modern World. Vol. 1, Series 2*/T. Tvedt, T. Oestigaard (eds.) London, New York: I.B. Tauris, pp. 124–146.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective, *Feminist Studies*, vol. 14, no 3, pp. 575–599.

Helmreich S. (2009) Alien Ocean: Anthropological Voyages in Microbial Seas. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press.

Hui E.C. M., Li X., Chen T., Lang W. (2020) Deciphering the Spatial Structure of China's Megacity Region: A New Bay Area—The Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area in the Making. *Cities, The International Journal of Urban Policy and Planning*, vol. 105.

Jue M., Ruiz R. (eds.) (2021) Saturation: An Elemental Politics. Durham, London: Duke University Press.

Kaika M. (2005) City of Flows: Modernity, Nature, and The City. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.

- Knoll M., Lübken U., Schott D. (2017) *Rivers Lost, Rivers Regained: Rethinking City-River Relations*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka press. (in Russian)
- Linton J. (2010) *What Is Water? The History of a Modern Abstraction*. Vancouver: UBC Press.
- MacLeod J. (2013) *Water and the Material Imagination: Reading the Sea of Memory against the Flows of Capital*. *Thinking with Water*/ C. Chen, J. MacLeod, A. Neimanis (eds.). Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press, pp. 40-60.
- Mehta L., Veldwisch, G.J., Franco, J. (eds.) (2012) *Water Grabbing? Focus on the (Re)appropriation of Finite Water Resources*. Special Issue, *Water Alternatives*, vol. 5, no 2.
- Mentz St. (2024) *An Introduction to the Blue Humanities*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Mentz St. (2009) *Toward a Blue Cultural Studies: The Sea, Maritime Culture, and Early Modern English Literature*. *Literature Compass*, vol. 6, no 5, pp. 997-1013.
- Molle Fr., López-Gunn E., Van Steenberg F. (eds.) (2018) *Local- and National-Level Politics of Groundwater Overexploitation*. Special Issue, *Water Alternatives*, vol. 11, no 3.
- Neimanis A. (2017) *Bodies of Water: Posthuman Feminist Phenomenology*. London, New York: Bloomsbury.
- Neimanis A. (2017) *Water and Knowledge*. *Downstream: Reimagining Water*/D. Christian, R. Wong (eds.). Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press.
- Oppermann S. (2023) *Blue Humanities: Storied Waterscapes in the Anthropocene*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Peters K., Steinberg, P. (2019) *The Ocean in Excess: Towards a More-than-wet Ontology*. *Dialogues in Human Geography*, vol. 9, no 3, pp. 293-307.
- Peterson M.K. (2019) *Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Pritchard, S.B. (2010) *Confluence: The Nature of Technology and the Remaking of the Rhône*. Cambridge: Harvard University Press.
- Le Quesne et al. (2021) *Is the Development of Desalination Compatible with Sustainable Development of the Arabian Gulf?* *Marine Pollution Bulletin*, vol. 173A.
- Reisner, M. (1993) *Cadillac Desert: The American West and Its Disappearing Water*. New York: Penguin Books.
- Ruiz, R. (2021) *Drought Conditions: Desalination and Deep Climate Change in Southern California*. *Saturation: An Elemental Politics*/M. Jue, R. Ruiz (eds.). Durham, London: Duke University Press, pp. 205-219.
- Sassen, S. (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
- Steinberg, P., Peters, K. (2015) *Wet Ontologies, Fluid Spaces: Giving Depth to Volume through Oceanic Thinking*. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 33, no 2, pp. 247-264.
- Swyngedouw, E. (2004) *Social Power and the Urbanization of Water: Flows of Power*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Swyngedouw, E. (1996) *The City as a Hybrid: On Nature, Society and Cyborg Urbanisation*. *Capitalism, Nature, Socialism* Vol. 7(1), no 25, pp. 65-80.
- Thorweihe, U. (1990) *Nubian aquifer system*. *The Geology of Egypt*/ R. Said (ed.). Rotterdam: A.A. Balkema, pp. 601-614.
- Tvedt, T., Oestigaard, T. (eds.) (2014) *A History of Water. Water and Urbanization*. Vol. 1, series 3. London, New York: I.B. Tauris.
- Von Schnitzler, A. (2016) *Democracy's Infrastructure: Techno-Politics and Protest after Apartheid*. Princeton: Princeton University Press.
- Wang, W.-X., Rainbow, P.S. (2020) *Environmental Pollution of the Pearl River Estuary, China: Status and Impact of Contaminants in a Rapidly Developing Region*. Berlin: Springer.
- Williams, J. (2022) *Desalination in the 21st Century: A Critical Review of Trends and Debates*. *Water Alternatives*, vol. 15, no 2, pp. 193-217.
- Williams, J., Beveridge, R., Mayaux, P.-L. (eds.) (2023) *Unconventional Waters: A Critical Understanding of Desalination and Wastewater Reuse*. Special Issue, *Water Alternatives*, vol. 16, no 2.
- Zeisler-Vralsted, D. (2014) *Rivers, Memory, and Nation-Building: A History of the Volga and Mississippi Rivers*. New York: Berghahn Books.

Речная грамотность¹

Дилип Да Кунья

Линии течения

Линия, отделяющая сушу от воды, необходима для реки. Она присутствует в определении реки как «текущая вода в русле с определенными берегами» [The New Encyclopaedia Britannica, 2007, p. 843]. Определение может быть и более сложным: «естественный поток воды довольно большого размера, текущий по определенному руслу или каналу либо ряду расходящихся или сходящихся каналов» или «большой естественный поток воды, текущий по руслу к морю, озеру или другому, обычно более крупному, потоку того же рода» [Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary, 1989]. Соответственно, изображение становится более сложным, когда на возвышенности находится множество точек, каждая из которых создает пару линий по обе стороны потока, линий, которые сходятся в берегах рядом с основным потоком, а затем снова расходятся, чтобы соединиться с береговой линией. Действительно, без линий реки немислимы, то есть услышать или произнести слово «река» — значит подумать о потоке и увидеть линии. Такие линии, как та, которую греческий философ Гераклит в V веке до н. э. призывал своих читателей пересечь, чтобы понять, что «нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ибо другие воды всегда текут к тебе». Не все усвоят урок, который, по мнению Гераклита, должен был преподнести этот опыт, а именно то, что перемены заложены в природе вещей. Некоторые даже не согласятся с тем, что именно такой урок он хотел преподнести, но все «увидят» черту, через которую он просит их переступить, — черту, отделяющую землю от воды.

В разных дисциплинах о реках написано немало. В одном из первых текстов XIX века, посвященных исключительно рекам, они описываются как «физические явления и геологические действующие силы, как элементы живописных пейзажей, как места обитания растительной и животной жизни, как связанные с историей, религией и промышленностью человека» [Powell, 1884, p. vii]. Сегодня продолжает расти количество работ о роли рек как природной среды обитания, произведений искусства, фотографии и дизайна, объектов инженерной мысли и поводов для социальной активности. Однако это лишь первая жизнь рек. Вторую жизнь они получают от ученых, которые пишут о них, по словам Ваймана Херендина, как об «одной из самых популярных

Дилип Да Кунья, архитектор и городской планировщик; адъюнкт-профессор, Высшая школа архитектуры, планирования и сохранения, Колумбийский университет (CU), 535 West 116th Street, New York, NY 10027, USA.
E-mail: dilip@mathurdacunha.com

Разделение суши и воды на поверхности Земли является одним из наиболее фундаментальных и долговечных актов в понимании и проектировании человеческого обитания. Линия, при помощи которой это разделение изображается на картах, существует в воображении и используется на местности в виде правил и конструкций, не только пережила столетия, чтобы быть принятой без вопросов, но также стала естественной для береговой линии, побережий и водоразделов. Эти места подвергнуты художественным изображениям, научному исследованию, инженерному строительству и трансформациям ландшафта — с весьма скромным вниманием к самому акту разделения, приведенному их к существованию. Однако сегодня, с увеличивающейся частотой наводнений и повышением уровня моря, приписываемых изменению климата, эта линия, разделяющая сушу и воду, снова оказалась в центре внимания. А вместе с ней — строительство стен, дамб и естественных защитных сооружений, установка водяных насосов, разработка программ вывода земли из использования. Эти рассуждения поднимают вопросы о том, где прочерчена линия, но также — вопросы о самом разделении, которое эту линию обеспечивает. Это разделение может быть найдено в самой природе или природа следует за его утверждением? Представляя реку как результат человеческого намерения, а не природы, автор создает пространство для миров без нее. В частности, он отводит место дождю, для которого присутствие реки сделало столь многое, чтобы обесценить его и отодвинуть на задний план. Однако именно в мире дождя началось проектирование реки с изобретением линии разделения.

Ключевые слова: реки; линия разделения; речные цивилизации; гидрологический цикл; картографирование; момент формирования течения; колонизация дождя; ландшафт; колонизирующий взгляд

Цитирование: Да Кунья Д. (2024) Речная грамотность // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.17323/uspr2202468-76>

1. Перевод с английского Дениса Спиридонова по изданию: Da Cunha D. The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. P. 1–17.

Перевод публикуется с любезного разрешения Дилипа Да Куньи.

метафор жизни, времени и сознания, а также смерти, безвременья и растворения». По его мнению, «река участвует в расширении цивилизации и утверждении социальных искусств над силами природы», становясь «частью нашего культурного сознания» [Herendeen, 1986, p. 3, 9].

Однако при всем понимании и использовании рек мало кто говорит о необходимости линии, которая отмечает их край. Эта линия уникальна тем, что отделяет воду от суши, приковывает воду к месту и калибрует время по ее длине, чтобы можно было оценить поток от истока до места назначения или, по крайней мере, от более раннего течения к более позднему. Что более важно, эта линия определяет уникальную сущность, которую можно назвать, потрогать, представить, спроектировать, но прежде всего поверить в ее существование. В этом смысле она делает для реки то же, что эпидермис для организма, то есть позволяет индивидуализировать тело реки. Как пишет один из растущего числа ученых, занимающихся проблемами рек, «реки существуют как «воплощенные сущности», которые можно увидеть, почувствовать, потрогать и проследить на карте. Их характеристики, различия и видимости, хотя они, несомненно, есть и были, расположены в физическом теле» [Lahiri-Dutt, 2000].

Линия не только разграничивает телесную сущность, но делает это универсально. В истории и повседневной жизни разных народов планеты есть множество свидетельств существования рек, особенно описаний их роли в содействии таким общепринятым этапам развития человечества, как избрание сельского хозяйства, цивилизации, грамотности и города. В своем предисловии к книге Жакеты Хокс «Первые великие цивилизации», описывающей возникновение городов и цивилизаций на трех, казалось бы, независимых друг от друга реках – Тигр-Евфрат, Нил и Инд, – историк Джон Х. Пламб отмечает, что «важно не навязывать описываемым цивилизациям более поздние способы использования техники или наши собственные идеи, которые кажутся похожими». Он благодарит автора за ее эрудицию в этом отношении. «История, – замечает он, – требует не только глубокого интеллектуального понимания социальных отношений и исторического развития, но чувствительного воображения и тонкого сопереживания; в противном случае весь образ жизни этих очаровательных людей был бы искажен» [Plumb, 1973, p. xx]. Ни Пламбу, ни Хоксу, ни тем более археологам и историкам не приходит в голову, что река, которой они приписывают повествование о городах и цивилизациях, вполне может быть продуктом определенной культуры и культурных предрассудков. Таким образом, большинство детей во всем мире сегодня узнают о значительной роли, которую реки сыграли в истории в самых общих чертах. «Источники изобилия и разрушения, жизни и смерти, – пишут Кристоф Маух и Томас Целлер в книге «Реки в истории», – реки всегда оказывали сильное влия-

ние на человечество. Они протекают через все человеческие ландшафты, мифические или реальные» [Mauch, Zeller, 2008].

Линия реки находится не только за пределами культурных различий, но и за пределами человеческой истории. Нил, например, датируется 250 млн лет, а Инд – 45 млн. Геологи даже идентифицируют исчезнувшие реки, некоторые из них относятся к предыдущим геологическим эпохам. Ученые обнаруживают эти реки в «палеоканалах», идентифицируемые по схемам отложений или дренажу рельефа, которые они строят с ориентацией на крупные геологические события в истории Земли, такие как движения континентов, извержения вулканов и землетрясения, разделяющие эпохи длительностью в миллиарды лет. Все это говорит о том, что реки считаются составными частями Земли, а не продуктами человеческой деятельности. Они объявлены природными. Считается, что даже животные видят их такими и живут ими.

Сегодня линия, обозначающая реку, является частью повседневного опыта. Когда историки и археологи говорят о ранних цивилизациях на реках, они ссылаются на эту линию. Когда географы описывают территорию, по которой протекают реки, они проводят эту линию. Когда инженеры разрабатывают насыпи, плотины, запруды, дренажи, отводы и мосты, они работают с этой линией на чертежной доске, где такие вмешательства легче продумать и проверить. Когда градостроители проектируют города на реках, они представляют себе эту линию как берег или речную набережную. Когда экологи говорят о речном бассейне, они видят эту линию, собирающуюся как ветви дерева из нескольких точек и расходящуюся как корни дерева в море, а когда они говорят о прибрежной зоне, они утолщают эту линию, чтобы обозначить границу между сушей и рекой. Когда ученые переводят древние тексты или устную речь, они, как правило, уже настроены на то, чтобы видеть местность, обозначенную линией речных берегов. Когда социальные и экологические активисты, выступая против проектов плотин, говорят о линиях жизни, к которым привязано множество бесправных людей и диких животных, они имеют в виду линию речных берегов. Когда люди видят наводнение, которое становится все более распространенным явлением во всем мире, они считают, что вода преступает эту линию. И когда власти не позволяют людям вторгаться в реки, они тем самым обеспечивают функционирование этой линии.

Течение линий

Однако, несмотря на то что линия разделения является частью нашей повседневности, чтобы назвать реку рекой, требуется очень многое. Конечно, нужно больше, чем полагает натуралист Джон Мьюир. Рассуждая о реке Мерсед в Калифорнии, он пишет, что все, что нужно, – это высокая точка.

Отсюда река «удивительно похожа на вяз, и воображению не требуется особых усилий, чтобы представить ее» [Muir, 1907, p. 102]. Но для этого также необходимо, чтобы рассеялись облака, прекратился дождь, стабилизировался уровень воды и множество других вещей, на создание которых уходили столетия, и они основывались на идеях, верованиях, историях, фактах. Искусство начертания линии – возможно, самая важная из этих вещей. Линия начиналась в точке, не имеющей ни длины, ни ширины; продолжалась штрихом, уже измеримым длиной и шириной; была готова быстро измениться через стирание. Не случайно эти качества нарисованной линии соответствуют трем основным характеристикам реки – истоку, руслу и разливу. Это соответствие сделало реку одной из самых знакомых вещей на Земле, несмотря на то что ее никогда нельзя увидеть полностью. Даже с воздуха, вопреки утверждениям Мьюира, нельзя увидеть реку целиком. Она становится обозримой благодаря нарисованной линии.

Действительно, чаще всего нарисованная линия проявляется заметнее, чем поток воды. В конце концов, реки не прекращают свое существование, когда в них нет воды. Принято говорить, что они пересыхают, некоторые периодически, другие в исключительных случаях. Что остается всегда, так это пространство между линиями, которое продолжает восприниматься как река или русло, которое предполагает, что именно линия, а не вода важна для рек. Она «течет» даже тогда, когда вода перестает.

Нарисованная линия также бросается в глаза во время наводнений, которые представляют собой не что иное, как пересечение водой линии, объявленной людьми границей реки. Однако гидрологи определяют наводнение как «природное, временное затопление обычно сухой земли» [Schultz, Leitch, 2003, p. 300]. А детей учат в учебниках, что наводнение как природное явление сыграло значительную роль в землеустроительных работах, повышении плодородия почвы в истории цивилизаций и обеспечении необходимой среды в жизненных циклах целого ряда видов и экосистем. Сегодня, когда наводнения приводят к трагическим последствиям, часто можно услышать, как люди проблематизируют природу разделительной линии, ее прочность, положение, управление и нарушение, но не задаются вопросом о ее необходимости для реки и оценке прилегающей к ней пойменной территории. Но дело в том, что экология, история, политика, дизайн и все более популярные программы оценки рисков и борьбы со стихийными бедствиями настолько связаны с наводнениями, насколько с самими реками, будь то аналитика, описания, проекты или экспертизы.

Начертанная линия также более заметна, чем течение воды при попытке определения истока реки. Несмотря на понимание того, что реки питаются дождями, которые выпадают повсюду, что реки возникают благодаря таянию снега и льда, расположенных на сотнях квадратных миль, исток реки по-прежнему определяется точкой, где два самых длинных ее берега встречаются². Это определение истока породило множество экспедиций по всему миру в поисках так называемого «самого длинного истока» реки. Многие ученые, однако, отказываются от этого физического объекта в пользу культурно предпочтительной точки, такой как родник, озеро или верховья ручья, но тем не менее эта точка является началом нарисованной линии. Так, в многочисленных научных трактатах и школьных учебниках говорится, что Ганг берет начало в Ганготри, Тибр – в источнике на горе Фумайоло, а Миссисипи – в истоке озера Айтаска. Точка в начале линии кажется неизбежной даже для гидрологов, которые представляют реки, начинающиеся с выпадения осадков в речном бассейне. Они просто видят множество точек начала линий, которые по мере продвижения наверх продолжают делиться, чтобы в конечном итоге охватить всю поверхность в пределах водосбора.

Увидеть и почувствовать реку – целое искусство. Оно предполагает проведение границы между сухой и водой на земной поверхности. А также выбор момента, когда вода не испаряется и выпадает в виде осадков, не насыщает воздух, почву и растительность, не скапливается в расщелинах, порах, террасах и водоносных слоях или ускользает от определения любым другим способом. Те, кто знаком с гидрологическим или водным циклом, изборающим длительное пребывание воды в твердом, жидком и газообразном состояниях, поймут, что этот момент – один из многих в процессе циркуляции воды. Дети в школах изучают его как один из четырех значимых моментов: выпадение осадков, образование течений на поверхности Земли, испарение, формирование облаков. Мир, кажется, сосредоточился во втором моменте, сделав его временем реальности, когда земная поверхность может быть увидена и артикулирована с некоторой ясностью, карты нарисованы, собственность разграничена, инфраструктура спроектирована, прошлое описано, настоящее пережито, а будущее спрогнозировано. Если говорить более серьезно, то во время этого второго момента на земной поверхности могут появиться и уже появились определенные «вещественности» воды, которые получили статус природных сущностей, играющих важную роль агентов изменений в повседневной жизни. Река – самая заметная из таких вещей. Она немыслима без линии, которая обладает способностью отделять воду от суши, направлять ее в нужное рус-

2. Сесил Роулинг, исследователь Тибета начала XX века, определяет исток как точку в начале «самого длинного видимого ответвления речной системы, а если есть два рукава одинаковой длины, то следует выбрать тот, который несет больше всего воды во время самого сильного паводка» [Rawling, 1909].

ло и преобразовывать в течение. Проведение этой линии требует четкого определения места воды. Именно поэтому геодезисты, которым поручено составлять карты земной поверхности, стараются не работать в дождь. Дело не только в неудобствах, которые доставляет дождь, но и в том, что дождь размывает разделения, которые они хотят увидеть. Но даже во время отсутствия осадков им приходится упрощать то, что они видят, или, по крайней мере, избирательно подходить к тому, где они видят воду, учитывая ее безграничную природу и тенденцию быть везде в той или иной степени. Однако важно то, что привязка к моменту формирования течения, то есть превращение этого момента во время реальности, сделала воду в другие моменты гидрологического цикла эфемерной, так что дождь, туман, снег, влажность воспринимаются как временные посетители, в то время как реки получают статус постоянных жителей.

Нанесение линии разделения на земную поверхность также требует особой материальной оценки, которая представляет воду как субстанцию, отделенную от суши, так что, когда мы говорим о воде, когда мы чувствуем, думаем и представляем воду, мы признаем землю, от которой она отделена. Это означает, что линия не просто разделяет поверхность на сушу и воду, она приводит сушу и воду в бытие из вездесущей и разнообразной влажности, располагая их по разные стороны линии, которая, в свою очередь, объединяет их в различии. Однако вода занимает слабое положение в этом различии, она позиционируется как служащая земле. Реки, «течения воды», широко известны тем, что они осушают землю и обеспечивают ее транспортными коридорами, энергией, водоснабжением, маршрутами утилизации отходов и, как сегодня популярно, речными берегами для строительства и использования недвижимости. Таким образом, если сегодня реки загрязняются, эксплуатируются и находятся под угрозой исчезновения, то это происходит не только потому, что они подвергаются разрушительному воздействию; это происходит потому, что в материальном понимании воды заложено доминирование земли.

Колонизация дождя

Как результаты акта разделения, которому способствует начерченная линия в выбранном моменте воды, реки являются особыми продуктами человеческого творения. Им по праву приписывают генерирование огромных богатств, стимулирование выдающихся инженерных достижений, поддержку обширных и плодородных аллювиальных равнин, создание благоприятных условий для экологии прибрежных районов и достижение выдающихся результатов в развитии человечества, включая город и цивилизацию. Но они хорошо работают не везде и не всегда, особенно в таких местах, где идут муссонные дожди, как в Индии, например. Здесь реки

сильно разливаются, пересыхают, ужасно загрязняются и все чаще становятся предметом споров. Как правило, эти вопросы рассматриваются как проблемы, требующие решения. И для их решения предпринимаются значительные усилия, включая строительство набережных, соединение рек, возведение больших плотин и составление грандиозных проектов. Но можно ли решить эти проблемы или они являются следствием того, что реки навязываются местам, которые отказываются подчиняться разделению суши и воды и выбранному моменту, которого требуют реки, местам, где можно сделать другой выбор?

В Индии таким моментом выбора, пожалуй, является дождь или, шире, атмосферные осадки. В гидрологическом цикле он предшествует моменту течения рек, когда суша неотделима от воды. Вместо суши и воды здесь царит вездесущая влажность разной степени. Эта влага не струится, как реки; вместо этого она удерживается в течение разного времени – от секунд и минут до веков и эонов – в почвах, водоносных слоях, ледниках, снежных полях, резервуарах, строительных материалах, сельскохозяйственных полях, воздухе и даже растениях и животных, которые оживают и расцветают на время муссона. Вода пропитывает и насыщает, прежде чем наполниться и вылиться через край, чтобы снова оказаться в наших руках. Это не вода, стекающая в море; это скорее дождь, движущийся сложными, растекающимися путями. Это не вода, источник которой находится на возвышенности; это скорее дождь, источник которого находится в облаках. Дело в том, что в Индии и во всем муссонном поясе момент дождя долгое время был выбором не только из-за использования дождевого земледелия, а не речного орошения, или сбора дождевой воды, а не использования водопровода; он также был выбором в мифах и историях, фестивалях и повседневных практиках. Слово, которое отражает выбор этого момента в Индии, – Ганга. Почитаемая как богиня, она каждый год приходит с муссонами, чтобы обозначить событие, известное как «сошествие Ганги».

Однако на протяжении веков было сделано многое, чтобы вытеснить сошествие Ганги в область религиозных мифов и видеть в Ганге именно реку. И многое было сделано, особенно за последние пару столетий, чтобы принизить момент дождя как непредсказуемый, неопределенный и неравномерно распределенный. Бывшие британские правители Индии предприняли целенаправленные усилия, чтобы превратить Индию в страну, достойную своих великих рек, с помощью целого ряда предприятий, задуманных, понятых и осуществленных в формации момента течения. Среди них – Великое тригонометрическое исследование, которое позволило с беспрецедентной точностью определить на картах водораздел между сушей и водой и расположение рек. Это и многочисленные инженерные подвиги, которые позволили привести реки с помощью труб

и каналов в засушливые районы, соединить реки через их водоразделы, контролировать течение рек с помощью насыпей, заграждений, каналов и дренажей. Наряду с этими усилиями колонизаторы также использовали выбранный момент рек в образовании, управлении, переводах древних текстов, а также в повседневной практике и разговорах. Они стремились к тому, чтобы не оставалось сомнений в том, что имя Ганга, по крайней мере в делах государства, обозначало реку, а не дождь. Венцом их деятельности стало описание того, как менялись индийские поселения, начиная с великих речных цивилизаций прошлого.

Однако британцы в Индии подняли значение реки на новый уровень. Понимание реки формируется на субконтиненте за тысячелетия до этого, в соответствии с устройством и целью, которые ей придали досократики из Милетской школы в Малой Азии. Эти ученые мужи во главе с Фалесом, которого Аристотель назвал первым натурфилософом, задались вопросом «Почему разливается Нил?». Подобный вопрос можно задать только после обозначения границ того, что предположительно является рекой. Этим людям также приписывают изобретение карты мира, на которой они изобразили земную поверхность сверху, где суша и вода были разделены с помощью геометрической линии. Такое представление попало в Индию благодаря Александру III Македонскому, известному большинству людей как Александр Великий. Он вместе с сопровождавшими его землемерами стремился ограничить воду каналами на земной поверхности, дать им названия и нанести их на свою карту мира. Он даже упомянул реку Ганг, которую не видел, но представлял себе как самую большую и самую богатую реку на земле. Однако, не дойдя до нее, он вынужден был повернуть назад, потому что, как говорят, его люди устали и затосковали по дому. Скорее всего, они сочли, что ограничить дождь линиями в мире муссонов – сверхчеловеческая задача, недоступная даже Александру, которого они почитали как полубога.

Однако за то короткое время, которое Александр провел в Индии, ему удалось посеять веру в то, что вода может быть ограничена линиями на поверхности земли. И сегодня, более двух тысячелетий спустя, дискурс в Индии о способах обитания человека определенно связан с реками, которые перешли от влажной земли к поверхности разделения земли и воды, от задерживающего и пропитывающего дождя к текущей воде, от полевого мира, где идентичности проникают друг в друга, к линейному миру, где идентичности имеют четкие и ясные границы. Однако на земле момент дождя сохраняется. Он действует за кулисами или в параллельной вселенной и может объяснить, почему так много повседневной жизни в Индии и муссонном поясе не соответствует линейности и сдержанности рек, из-за чего места кажутся хаотичными, неразвитыми и неформальными. Реки здесь оказы-

ваются не просто продуктом акта разделения; они также являются средством колонизации дождя, то есть вступления во владение местом, образованным по выбору в другой момент гидрологического цикла. Этот проект еще далек от завершения. Он продолжает реализовываться по двум направлениям: уточнение идеи реки и формулирование почво-ландшафта для ее приема.

Первый фронт реализации – уточнение идеи реки – осуществляется с помощью все более сложного картографирования ее формы и знаний о ее характеристиках, особенностях, истории, экологии, культуре, гидрологии и гидравлике. Это стремление породило ряд фундаментальных вопросов, уходящих корнями в далекое прошлое: откуда берутся реки, откуда берется вода в их источниках, почему они разливаются, как они представлены и используются различными культурами, какова их роль в формировании Земли и т.д. Эти вопросы собираются вокруг трех основных составляющих реки – истока, русла и разлива, – проясняя их, а через них и идею реки. Они приводят к возникновению таких мощных и загадочных идей, как гидрологический цикл, рай и потоп. Эти идеи развивались по разным траекториям, внося значительный вклад не только в идею реки, но и в идеи, которые сыграли важную роль в укреплении реки на земле и в воображении, – берега реки, круговорота воды, горы, речных долин, водораздела, поселения и города.

Однако универсальность идеи реки возникает благодаря тому, что ее основные элементы и производные нашли свое отражение в местных мифах и историях в таких местах, как Индия, способствуя не только имплементации идеи реки вообще, но и конструированию реки Ганг в частности. Ряд имен, таких как Синдху, Кайлас, Каши, Сундарбан, Гималаи, Бхагиратхи и Варанаси, которые могли быть прочитаны через момент дождя, были апропрированы и стали пониматься в категориях реки.

Второй фронт реализации – артикуляция земли для приема реки – подразумевает не что иное, как упорядочивание земной поверхности с учетом возможности отделить сушу от воды с помощью линии. Как отмечалось ранее, этот акт не просто дает земле и воде отдельное пространство на земной поверхности; он приводит их в бытие в качестве элементов ландшафта, отличающихся друг от друга. В ландшафтном дискурсе такому взгляду уделяется не слишком много внимания. В основном он воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Раскрывая его работу, этот текст доказывает, что ландшафт имеет более фундаментальную отправную точку в акте разделения. На разделенной поверхности, которую этот акт создает, возникают другие элементы, такие как реки, элементы, которые нельзя считать универсальными. Британские правители Индии обнаружили это. Им пришлось обучать своих подданных видеть и ценить линию разделения с помощью географии. Это образование, потребность в котором сохраняется и сегодня, заставляет заду-

маться о том, должна ли Индия, чтобы быть постколониальной, рассматривать возможности, выходящие за рамки не только колониальной власти и ее наследия, но и линии разделения и элементов ландшафта, которые продолжают преследовать ее. Однако для этого необходимо расширить границы ландшафтного дискурса.

Значение понятия «ландшафт» вызывает множество споров среди географов, антропологов и ландшафтных архитекторов. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, это слово впервые было использовано в английском языке для обозначения картины, изображающей местность, развернутую скорее вглубь суши, а не на море, затем оно стало использоваться для обозначения самой местности, «взятой с одной точки зрения», и в конечном итоге для обозначения земли: «участка земли с его отличительными характеристиками и особенностями». Тот же смысл обнаружили теоретики ландшафта в таких словах различных европейских языков, как *landskip*, *landschap*, *paysage*, *landskab* и *landschaft* [Corner, 1998; Girot, 2013; Spirn, 1998]. Однако независимо от того, что представляет собой пейзаж – картину, сцену или участок земли, – то, как его видят, должно играть важную роль в том, что он собой представляет, пишет географ Дональд Мейниг, поскольку пейзаж «состоит не только из того, что находится перед нашими глазами, но и из того, что находится в наших головах». Он рассматривает десять возможных способов, с помощью которых то, что он называет созерцающим глазом, «создает смысл из того, что мы видим»: природу, среду обитания, артефакт, систему, проблему, богатство, идеологию, историю, место и эстетику. Эти «организующие идеи», по его словам, не исчерпывают возможности глаза; они лишь служат для демонстрации множества возможных «сущностей ландшафта» [Meinig, 1979].

Другие исследователи дополнили список организующих идей Мейнига. Для географов Дениса Косгроува и Стивена Дэниела созерцающий глаз организует «культурный образ, живописный способ представления, структурирования или символизации окружения» [Cosgrove, Stephen, 1988]. Для ландшафтного писателя Дж. Б. Джексона – это «композиция рукотворных или измененных человеком пространств, служащих инфраструктурой или фоном для нашего коллективного существования» [Jackson, 1984]. Для теоретика и историка ландшафта Джона Диксона Ханта этот взгляд выделяет три вида ландшафта – дикую природу, или первую природу, инфраструктуру, или вторую природу, и сад³, или третью природу [Hunt, 2000]. По мнению антрополога Тима Ингольда, этот глаз видит «не “землю”, не “природу” и не “пространство”», а «мир, каким его знают те, кто в нем живет, кто населяет его места и путешествует по соединяющим их тропам» [Ingold,

2000]. А для ландшафтного архитектора Иэна Макхарга созерцающий глаз отличает природные элементы от культурных. Макхарг приучил поколение ландшафтных архитекторов «проектировать с природой», призывая преподавателей и практиков ландшафтной архитектуры хотя бы проводить различие между природными и культурными составляющими участка, под которым понимается все что угодно – от участка дома до города-региона и поверхности планеты [McHarg, 1971].

Многочисленные возможности созерцающего глаза, однако, связаны с предпосылкой, что «элементы» пейзажа заданы. «С ними, – говорит Мейниг, – легко согласиться; нам нужно беспокоиться только о тех идеях, с помощью которых мы соединяем их вместе» [Meinig, 1979]. Другими словами, есть вещи, существование которых не подлежит сомнению. Можно оценивать или подвергать сомнению их сущность – их культурный образ, представление о них жителя, их использование «в качестве инфраструктуры или фона нашего коллективного существования», их природный или культурный статус – но их существование не подлежит сомнению. В качестве элементов ландшафта Мейниг упоминает дома, дороги, деревья и холмы. Однако есть еще реки, озера и моря и, что более важно, земля и вода. Они, несомненно, являются одними из самых фундаментальных элементов ландшафта, оцениваемых созерцающим глазом всеми различными способами, какие только возможны в сознании.

Но можно ли считать элементы ландшафта само собой разумеющимися? Ведь для того, чтобы появились земля и вода, требуется акт разделения и выбор момента в гидрологическом цикле. И это только начало. За их созданием следует артикуляция других вещей. Редьярд Киплинг рассуждает об этом в своем романе «Ким». Полковник Крейтон говорит мальчику Киму, которого он готовит к профессии геодезиста: «Ты должен научиться видеть дороги, и горы, и реки и хранить эти рисунки в своей памяти, пока не наступит удобное время перенести их на бумагу. Быть может, однажды, когда ты будешь землемером и мы будем работать вместе, я скажу тебе: “Проберись за те горы и посмотри, что лежит за ними”» [Киплинг, 1990, с. 136]. Большинство детей в школах Индии того времени не готовили к работе геодезистами, но, как и Кима, их учили выделять дороги, горы и реки. Их обучение было вызвано глубокой обеспокоенностью колонистов в начале 1805 года тем, что «туземцы» не знают своей страны и их нужно учить этому с помощью географии. Согласно предисловию к учебнику 1843 года, разработанному для этой цели, «в Индостане... наукой географии сильно пренебрегали. Солнечные равнины, благородные реки, почтенные города и разнообразные продукты этой страны в основном неизвестны ее жителям. Несмотря на то что люди проживают

3. Хант опирается на разграничение Цицероном первой и второй природы и заимствует термин «третья природа» у Бартоломео Таэджио и Якопо Бонфадии, которые ввели его в XV веке, чтобы обозначить сад как созданный артефакт.

в этой стране на протяжении нескольких тысячелетий, большая ее часть до сих пор остается неисследованной». Туземные писатели, продолжает автор, описывают воображаемые континенты, моря и острова, но «молчат обо всем, что хотел бы знать уроженец Индии». Однако эта «темнота» проходит, и «нынешнее поколение, по крайней мере его молодая часть, улучшит возможности, которые сейчас имеются в их распоряжении, для знакомства с этой важной наукой» [American Ceylon Mission, 1843]. С этой целью в 1820-х годах были изданы учебники по географии не только на английском, но и на ряде местных языков [Roy, 1986]. В начале учебника дается определение географии как «науки, которая описывает поверхность земного шара; различные деления этой поверхности, как естественные, так и искусственные; жителей Земли и разнообразие их производств; вместе с различными линиями, реальными или воображаемыми, которые проводятся на ней». За этим определением следует идентификация первой линии. Она разделяет сушу и воду. «Суша и вода, – говорится в учебнике, – являются составными частями поверхности Земли» [Nicholls, 1838].

Тогда ученики учились не просто располагать взгляд над поверхностью Земли; они учились проводить линию между сушей и водой, которая, как они полагали, образует континенты и острова, окруженные водой. В дальнейшем они учились формулировать сухопутную составляющую этого разделения с помощью различных вещей, одной из которых была река. Им говорили, что это «длинное узкое русло пресной воды, поднимающееся среди гор или вытекающее из озера и впадающее в море» [Nicholls, 1838]. Она образует «дренажную систему», «которая служит для отвода воды с суши в море»⁴. Были и другие элементы или «виды использования земли», которые оказывались во внимании ученика: леса, луга, города, сельскохозяйственные поля и т. д.

Короче говоря, география учила туземца видеть необычным глазом, который подразумевал особую точку зрения вне опыта и особого времени вне опыта, когда четкость разделения, которое он искал на поверхности земли, не была нарушена бурями, облаками и дождем. То, что видел туземец, было ландшафтом, который скорее предшествовал, чем соответствовал созерцающему взгляду Мейнига, ландшафтом, который неизбежно оттесняет на второй план момент осадков и неразделенный мир влажности, которые люди могли бы выбрать для проживания.

Ряд постколониальных ученых критикуют колониализм за навязанные им системы знаний, осуществляемый контроль, созданные институты и струк-

турированную им идентичность туземцев и правителей. Их возглавляет Эдвард Саид, который, возможно, не фокусировал свое внимание на Индии и индийских исследованиях, но видел бывшие европейские колонии связанными ориентализмом, «систему репрезентаций, сформированную теми силами, которые ввели Восток в западную науку, в западное сознание, а затем в западную империю» [Саид, 2021, с. 311]. Эта система конструировала колонизированных, а также колонистов и, как следствие, их ландшафты и созерцающий глаз. Мэтью Эдней среди прочих опирается на это возникшее условие, используя идею империи для осмысления ландшафта Индии. Он видит, что британцы использовали Великое тригонометрическое исследование, чтобы структурировать рациональное и единообразное пространство в «соответствии с их собственными представлениями о территориальном порядке». Они оправдывали это дисциплинирование пространства своим «культурным превосходством» и необходимостью исправить «иррациональную», по их мнению, концепцию пространства среди местных жителей, которая поощряла мистицизм, деспотизм и неточность. Индийцы сопротивлялись «географическому паноптику» геодезистов и его архивам, говорит Эдней, но тем не менее «были втянуты в его ландшафт, который сохраняется и по сей день» [Edney, 2001, p. 24, 334].

Тем не менее требуется нечто большее, чем просто рефлексивность наблюдающего взгляда, даже если он пронизан критикой ориенталистских и империалистических императивов, чтобы преодолеть ограниченность таких элементов, как реки, холмы, деревья, дома, горы, земля и вода. Требуется осознание *колонизирующего взгляда*. К. С. Льюис в романе «За пределы безмолвной планеты», первом из своей космической трилогии, рассказывает нам о том, что видит этот глаз, на примере события прибытия Рэнсома на планету Малакандра. «Он видел только переливы цвета, которые никак не складывались в пейзаж. Для того, чтобы увидеть что-либо отчетливо, нужно иметь о нем хотя бы минимальное представление» [Льюис, 2003, с. 50]. Колонизирующий глаз формирует вещи из цветовой материи, превращая в ландшафт до того, как они попадут в поле зрения наблюдающего. Короче говоря, колонизирующий глаз формирует ландшафт из того, что он считает *terra nullius* – землей, не принадлежащей никому.

Термин *terra nullius* известен как юридическое понятие. Он использовался европейскими странами во время колонизации Австралии и Африки, а также при продвижении на запад Северной Америки. Считалось, что люди, жившие в этих местах, были дика-

4. Эта точка зрения продолжает преподаваться и сегодня. В популярном учебнике, предназначенном для студентов и тех, кто готовится к сдаче экзамена для поступления на государственную службу, реки рассматриваются в главе «Дренаж». Производительность рек, пишет автор, можно оценить, изучая их бассейны как «естественные единицы земли». Их «можно рассматривать как рабочие системы», в которые входят «климатологические переменные, такие как температура и количество осадков», а выходят такие, как «речной сток» [Hussain, 2008].

рями или кочевниками, у которых не было понятия о владении землей. В таком качестве эта концепция просуществовала до 1973 года, когда Международный суд ООН объявил ее необоснованной и признал народы этих мест первыми жителями. *Terra nullius*, однако, означает гораздо больше, чем ничейная земля. Она означает землю, открытую для того, чтобы быть сформированной. Карты сыграли здесь важную роль, но не в их часто критикуемой имперской способности навязывать новую систему знаний невольным субъектам, не в их структурной или рациональной способности предшествовать территории, а в их способности превращать то, что считается *terra nullius*, в ландшафт, где суша отделена от воды, а вещи, видимые при взгляде сверху, поименованы. Нельзя просто предположить, что туземцы видят то же самое, что и колонисты. Чтобы видеть так, им нужно было развить зрение.

Terra nullius не является привычным понятием для Индии. Но здесь, возможно, нужно обратиться к Александру, чтобы увидеть введение ландшафта на индийском субконтиненте и зарождение колонизирующего взгляда. Этот ландшафт будет глубоко запечатлен на картах, в словах, инфраструктурах и путевых заметках к тому времени, когда Васко да Гама обогнет мыс Доброй Надежды и вслед за ним последуют различные европейские Ост-Индские компании. Вооружившись рекой, которая к тому времени считалась природным элементом земной поверхности и скорее необходимостью, чем выбором, колонизаторы ускорили преобразование всего муссонного пояса от момента дождей до момента рек всеми возможными средствами – торговлей, войной, наукой, картами, религией, исследованиями, образованием. Их усилия были таковы, что сегодня, спустя десятилетия после обретения независимости, страны этого пояса, оснащенные неподходящей речной инфраструктурой, пропитанные речным воображением и колонизирующим глазом, которым со всей строгостью учат в школах, борются за «развитие» чаще всего с помощью своих бывших колониальных хозяев и вопреки моменту дождя.

Источники

- Киплинг Р. (1990) Ким. М.: Высшая школа.
- Льюис К.С. (2003) За пределы безмолвной планеты. Переландра. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: Фонд имени о. Александра меня; СПб.: Библия для всех.
- Саид Э. (2021) Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- American Ceylon Mission (1843) *Geography of Hindustan*. Jaffna, Sri Lanka: American Mission Press.
- Corner J. (1998) *Operational Eidetics: Forging New Landscapes*//Harvard Design Magazine. No. 6. P. 22–26.
- Cosgrove D., Stephen D.S. (1988) *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Edney M. (2001) *Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India*. Chicago: University of Chicago Press.
- Girot C. (2013) *Immanent Landscape*//Harvard Design Magazine. Vol. 36. P. 6–16.
- Herendeen W.H. (1986) *From Landscape to Literature: The River and the Myth of Geography*. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Hunt J.D. (2000) *Greater Perfections: The Practice of Garden Theory*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Hussain M. (2008) *Geography of India*. New Delhi: Tara McGraw Hill Education.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. N.Y.: Routledge. P. 190–193.
- Jackson J.B. (1984) *Discovering the Vernacular Landscape*. New Haven: Yale University Press.
- Lahiri-Dutt K. (2000) *Imagining Rivers*//Economic and Political Weekly. Vol. 35. No. 27.
- Mauch C., Zeller T. (2008) *Rivers in History and Historiography; An Introduction*//Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America/ C. Mauch, T. Zeller (eds.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- McHarg I. (1971) *Design with Nature*. Garden City, NY: Doubleday.
- Meinig D.W. (1979) *The Beholding Eye*//The Interpretation of Ordinary Landscapes/D.W. Meinig (ed.). New York: Oxford University Press. P. 33–48.
- Muir J. (1907) *The Mountains of California*. N.Y.: New York Century.
- Nicholls G. (1838) *A Grammar of Geography Adapted to the Education of Indian Youth*. Calcutta: Calcutta School Book Society.
- Plumb J.H. (1973) *Introduction*//The First Great Civilizations: Life in Mesopotamia, The Indus valley and Egypt, by Jacquetta Hawkes. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Powell W.J. (1884) *From Source to Sea; Or Gleanings About Rivers in Many Fields*. L.: Charles Griffin.
- Rawling C. et al. (1909) *Discoveries in Southern Tibet: Discussion*//Geographical Journal. Vol. 33. No. 4.
- Roy R.D. (1986) *The Great Trigonometrical Survey of India in a Historical Perspective*//Indian Journal of History of Science. Vol. 21. No. 1. P. 22–32.
- Schultz S., Leitch J.A., (2003) *Floods and Flooding*//Encyclopedia of Water Science/B.A. Stewart, T.A. Howell (eds.). N.Y.: Marcel Dekker. Vol. 1.
- Spirn A.W., (1998) *The Language of Landscape*. New Haven: Yale University Press.
- The New Encyclopedia Britannica (2007). Vol. 26. P. 843.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1989). N.Y.: Portland House.

RIVER LITERACY

Dilip Da Cunha, architect and urban planner; Adjunct professor, Graduate School of Architecture, Planning and Preservation, Columbia University (CU), 535 West 116th Street, New York, NY 10027, USA.
E-mail: dilip@mathurdacunha.com

Separating land from water on the Earth's surface is one of the most fundamental and enduring acts in the understanding and design of human habitation. The line with which this separation is imaged on maps, etched in the imagination, and enforced on the ground with regulations and constructions has not only survived centuries of rains and storms to become a taken-for-granted presence; it has also been naturalized in the coastline, the riverbank, and the water's edge. These are places subjected to artistic representations, scientific inquiry, infrastructural engineering, and landscape design with little attention to the act of separation that brought them into being. Today, however, with the increasing frequency of flood and, not unrelatedly, sea-level rise attributed to climate change, the line separating land and water has come into sharp focus with proposals for walls, levees, natural defenses, pumps, land retirement schemes, and recommendations for retreat. These responses raise questions on where the line is drawn, but they also raise questions on the separation that this line facilitates. Is this separation found in nature or does nature follow from its assertion? By presenting the river as a product of human intention rather than nature, the author makes room for worlds without it. In particular, they make room for rain, which the presence of the river has done much to malign and marginalize. It is, however, in a world of rain that the design of the river was initiated with the invention of the line of separation.

Keywords: rivers; line of separation; river civilisations; hydrologic cycle; mapping; moment of flow formation; colonizing rain; landscape; colonizing eye

Citation: Da Cunha D. (2024) River Literacy. *Urban Studies and Practices*, Vol. 9, no 2, pp. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202468-76> (in Russian)

References

American Ceylon Mission (1843)
Geography of Hindustan. Jaffna, Sri Lanka: American Mission Press.

- Corner J. (1998) Operational Eidetics: Forging New Landscapes. *Harvard Design Magazine*, no 6, pp. 22–26.
- Cosgrove D., Stephen D.S. (1988) The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Edney M. (2001) Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India. Chicago: University of Chicago Press.
- Girof C. (2013) Immanent Landscape. *Harvard Design Magazine*, vol. 36, pp. 6–16.
- Herendeen W.H. (1986) From Landscape to Literature: The River and the Myth of Geography. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Hunt J.D. (2000) Greater Perfections: The Practice of Garden Theory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Hussain M. (2008) Geography of India. New Delhi: Tara McGraw Hill Education.
- Ingold T. (2000) The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. N.Y.: Routledge, pp. 190–193.
- Jackson J.B. (1984) Discovering the Vernacular Landscape. New Haven: Yale University Press.
- Kipling R. (1990) Kim [Kim]. Moscow: Vysshaya shkola [Higher School].
- Lahiri-Dutt K. (2000) Imagining Rivers. *Economic and Political Weekly*, vol. 35, no 27.
- Lewis C.S. (2003) Za predely bez-molvnogo planety. Perelandra. *Sobr. soch. v 8 t. T. 3* [Out of the Silent Planet. Perelandra. Collected Works in 8 Vol. Vol. 3]. Moscow: Fond imeni o. Aleksandra Menya [Alexander Men Foundation]; St. Petersburg: Bibliya dlya vsekh [Bible for Everyone].
- Mauch C., Zeller T. (2008) Rivers in History and Historiography; An Introduction. *Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America*/ C. Mauch, T. Zeller (eds.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- McHarg I. (1971) Design with Nature. Garden City, NY: Doubleday.
- Meinig D.W. (1979) The Beholding Eye. *The Interpretation of Ordinary Landscapes*/D.W. Meinig (ed.). New York: Oxford University Press, pp. 33–48.
- Muir J. (1907) The Mountains of California. N.Y.: New York Century.
- Nicholls G. (1838) A Grammar of Geography Adapted to the Education of Indian Youth. Calcutta: Calcutta School Book Society.
- Plumb J.H. (1973) Introduction. *The First Great Civilizations: Life in Mesopotamia, The Indus valley and Egypt*, by Jacquetta Hawkes. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Powell W.J. (1884) From Source to Sea; Or Gleanings About Rivers in Many Fields. L.: Charles Griffin.
- Rawling C. et al. (1909) Discoveries in Southern Tibet: Discussion. *Geographical Journal*, vol. 33, no 4.
- Roy R.D. (1986) The Great Trigonometrical Survey of India in a Historical Perspective//Indian Journal of History of Science, vol. 21, no 1, pp. 22–32.
- Said E. (2021) Orientalism [Orientalism]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva Garage [Garage Museum of Contemporary Art].
- Schultz S., Leitch J.A., (2003) Floods and Flooding. *Encyclopedia of Water Science*/B.A. Stewart, T.A. Howell (eds.). N.Y.: Marcel Dekker, vol. 1.
- Spirn A.W., (1998) The Language of Landscape. New Haven: Yale University Press.
- The New Encyclopedia Britannica (2007), vol. 26, p. 843.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1989). N.Y.: Portland House.

Дэвид Харви
СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА
ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОКОВ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2021

Количество страниц: 576

ISBN: 978-5-7598-2369-8

ISBN электронной версии: 978-5-7598-2257-8

Перевод с английского под научной редакцией Александра Павлова

Термин «постмодерн» – один из самых сложных и противоречивых в социальной и гуманитарной науках. На протяжении нескольких десятилетий разные мыслители и ученые предлагали собственное толкование этого понятия. Самый известный на сегодняшний день социальный географ Дэвид Харви – один из них. В своей главной книге Харви объясняет, какой смысл подразумевает термин «постмодерн» как состояние актуальной культуры, и показывает, что за ощутимыми и динамичными переменами в культурной жизни стоит логика капитала. Ученый утверждает, что истоки культурных изменений лежат «в конечном счете» именно в экономике. В ходе своего исследования он прослеживает социально-экономическую и концептуальную историю модерна (от Просвещения до наших дней) и то, как был осуществлен переход от модерна к постмодерну в искусстве, урбанистике, литературе, архитектуре, кинематографе. Харви доказывает, что пространственно-временное сжатие происходило на протяжении нескольких веков и к 1970-м годам стало решением кризиса перенакопления капитала. Так, от модернистского фордизма произошел переход к постмодернистскому постфордизму, определяемому как «гибкое накопление». Хотя Харви написал эту книгу еще в 1989 году, он не отказался от своих идей, а события, произошедшие с тех пор, доказали его правоту. Книга считается одним из важнейших источников по социально-гуманитарным наукам и будет интересна широкому кругу читателей.

Йоран Терборн
ГОРОДА ВЛАСТИ
ГОРОД, НАЦИЯ, НАРОД, ГЛОБАЛЬНОСТЬ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2020

Количество страниц: 472

ISBN: 978-5-7598-1787-1

ISBN электронной версии: 978-5-7598-2093-2

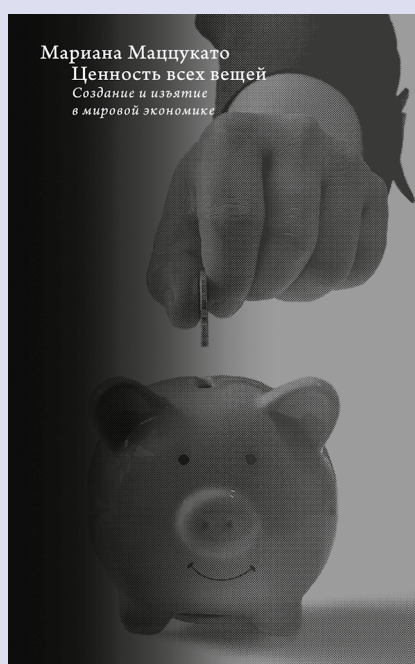
Перевод с английского под научной редакцией Вячеслава Данилова

В этом блестящем и оригинальном исследовании политики и значений городских ландшафтов ведущий социолог Йоран Терборн проводит тур по важнейшим столицам мира, показывая, как они оформлялись национальной, народной и глобальной силами. Он анализирует глобальные моменты формирования городов, исторический глобализированный национализм и города современного глобального капитализма образов с их всевозможными небоскребами, закрытыми сообществами и показной новизной.

Разбирая темы, варьирующие от эволюции модернистской архитектуры до возвращения городских революций, и сочетая рассмотрение политики, социологии, городского планирования, архитектуры и городской иконографии, Терборн ставит под сомнение устоявшиеся представления об источниках, проявлениях и объеме власти городов. Он отстаивает идею, что между городом и государством сохраняются сильные связи именно в тот момент, когда кажется, что они отделились друг от друга, и сегодняшняя глобализация городов в значительной степени подгоняется глобальными устремлениями политиков, а также национального и местного капитала.

Благодаря богатству урбанистических наблюдений, собранных на всех обитаемых континентах, уникальному систематическому подходу, охватывающему как Вашингтон или революционный Париж, так и блистательную столицу Казахстана Астану, а также острому и многостороннему анализу «Города власти» заставляют нас переосмыслить наше городское будущее, а также исторически сложившееся настоящее.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Роджер Скрутон
ДУРАКИ, МОШЕННИКИ И ПОДЖИГАТЕЛИ:
МЫСЛИТЕЛИ НОВЫХ ЛЕВЫХ

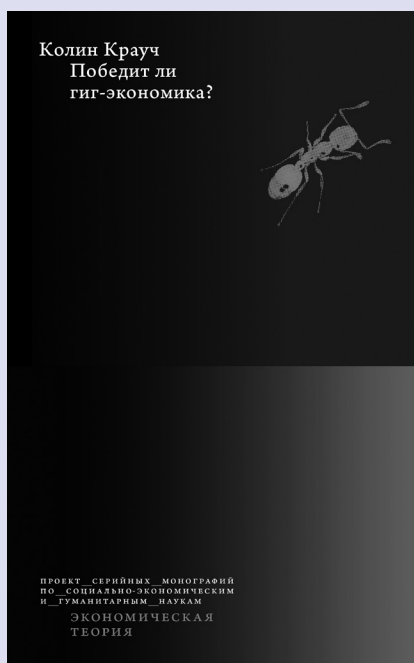
Издательский дом Высшей школы экономики, 2021

Количество страниц: 440

ISBN: 978-5-7598-1788-8

ISBN электронной версии: 978-5-7598-2286-8

Роджер Скрутон, один из главных критиков левых идей, обращается к творчеству тех, кто внес наибольший вклад в развитие этого направления мысли. В доступной форме он разбирает теории Эрика Хобсбаума и Эдварда Палмера Томпсона, Джона Кеннета Гэлбрейта и Рональда Дворкина, Жана-Поля Сартра и Мишеля Фуко, Дьёрдя Лукача и Юргена Хабермаса, Луи Альтюссера, Жака Лакана и Жилья Делёза, Антонио Грамши, Перри Андерсона и Эдварда Саида, Алена Бадью и Славоя Жижека. Предметом анализа выступает движение новых левых не только на современном этапе, но и в процессе формирования с конца 1950-х годов. Скрутон подвергает безжалостной критике все основные направления новой левой мысли и стремится найти точку опоры для противостояния им, при этом не основываясь на религии.

Мариана Маццукато
ЦЕННОСТЬ ВСЕХ ВЕЩЕЙ
СОЗДАНИЕ И ИЗЪЯТИЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2021

Количество страниц: 408

ISBN: 978-5-7598-2359-9

ISBN электронной версии: 978-5-7598-2256-1

Перевод с английского под научной редакцией Николая Афанасова и Александра Павлова

Преобладающая сегодня точка зрения на государство является результатом идеологической предвзятости и глубоко ошибочна. Популярны ныне теории подорвали его уверенность в себе, ограничили роль, которую оно способно играть в формировании экономики, недооценили его вклад в национальное производство. Индикатором ценности стала цена, а не ценность. Утратив способность осознавать разницу между созданием и изъятием ценности, современные экономисты облегчили определенным лицам возможность называть себя создателями ценности и в процессе ее изымать. Понимание того, в какой степени мифы о создании ценности окружают нас повсюду, является главным предметом книги Марианы Маццукато. По ее мнению, необходимо выйти за рамки решения изолированных проблем и разработать общие принципы, которые позволят сформировать новый тип экономики – экономику, которая будет работать на общее благо. И для этого нужно вернуть категорию ценности в центр экономического мышления. Книга будет интересна не только экономистам и финансистам, но и политологам, философам, социологам и всем, кому небезразлично развитие современного общества.